

НЕИЗДАННЫЕ И НЕСОБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОГАРЕВА

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. АГИТАЦИОННЫЕ И САТИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЛИРИКА

Вступительная статья, публикация и комментарии Я. Черняка

Литературное наследие Огарева до настоящего времени мало изучено.

Между тем настоятельная необходимость этого изучения бесспорна. Статьи, стихотворения и письма Огарева оказали большое влияние на русскую революционную молодежь, на развитие русской общественной мысли. Наряду с наследием великих представителей революционной демократии, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, литературное наследие Огарева содержит разнообразный и важный материал, раскрывающий многосложный процесс развития демократической мысли, материалистической философии и революционного движения в России середины прошлого века.

С 1856 г. Огарев систематически выступал в беспензурной демократической печати с многочисленными и разнообразными статьями, посвященными самым важным и острым вопросам русской политической действительности, теории и практике русского революционно-демократического движения. Публицистика Огарева — крупный вклад в литературу шестидесятых годов.

В свете исследований, осуществленных советской наукой (мы имеем в виду, прежде всего, работы и публикации историков Б. П. Козьмина, Е. Н. Кушевой, М. В. Нечкиной), Огарев предстает как выдающийся деятель русского революционно-освободительного движения, самоотверженно борющийся за полное освобождение родной страны и народа от самодержавно-крепостнического гнета.

Огарев — талантливый революционный поэт. Его творчество входит необходимым звеном в историю русской поэзии. Огарев — самостоятельный крупный мыслитель, бок о бок с Белинским и Герценом отстаивавший основы материалистического мировоззрения. Огарев — незаурядный публицист, много сделавший для пропаганды революционной теории и для освещения с революционных позиций основных явлений русской действительности пятидесятых-шестидесятых годов. Огарев, наконец, — выдающийся революционер-практик, в частности, один из руководителей самого значительного революционного объединения шестидесятых годов — общества «Земля и Воля».

Изучение Огарева затруднялось и затрудняется одним существенным обстоятельством: до настоящего времени его литературное наследие полностью еще не собрано. Сказанное относится, в первую очередь, к публицистике Огарева; стихотворения его находятся в несравненно лучшем положении: они были несколько раз опубликованы в отдельных изданиях. Публицистика же Огарева (всего около ста десяти статей, брошюр, воззваний и листовок, не считая мелких заметок), представляющая необходимый материал для исследования многих важнейших вопросов общественно-политической жизни того времени, в значительнейшей своей части и по сей день остается рассеянной по страницам малодоступных изданий русской революционной заграничной печати. Часть статей и заметок напечатана за подписью автора, часть — анонимно.

Работа по собиранию публицистики Огарева прошла следующие главные этапы.

В комментариях к собранию сочинений Герцена, под редакцией Лемке, были воспроизведены полностью статьи-воззвания Огарева — «Что нужно народу?» и «Что надо делать войску?» (XI, 138—146 и 314—320) и две прокламации «Всему народу русскому, крестьянскому от людей, ему преданных, поклон и грамота» и «Братья-солдаты! Одумайтесь пока время» (XVI, 256—259 и 38—40). В том же издании Лемке воспроизвел по рукописям весьма важные для истории «Земли и Воли» документы, принадлежащие перу Огарева, — проект организации руководящих органов общества (XVI, 93—95) и проекты крестьянских адресов (XV, 481—485 и 493—500). В связи с опубликованием указанных статей и документов возник вопрос об изучении практической революционной работы Огарева — его участия в организации общества «Земля и Воля» и его роли в руководстве этим обществом.

В 1932 г. Н. М. Меindelъсон установил принадлежность Огареву двух анонимных статей, опубликованных еще в 1847 г. в «Московских ведомостях», и перепечатал их текст в «Звеньях» (II, 346—362). Эта публикация указала путь к поискам других статей Огарева, написанных еще в доэмиграционный период его деятельности.

В 1936 г. пишущим эти строки совместно с С. А. Переселенковым были напечатаны в «Звеньях» (VI, 338—412) по рукописям заметки Огарева и отрывки из статей, относящиеся к последним годам его жизни и характеризующие его отношения с П. Л. Лавровым.

В 1937 г. в приложении к I тому стихотворений и поэм Огарева, изданному «Библиотекой поэта» («большая серия»), были помещены четыре его литературно-критические статьи: «Памяти художника», «Предисловие <к сборнику „Русская потаённая литература XIX столетия“>», «Предисловие <к „Думам“ К. Рылеева>» и отрывок «С утра до ночи».

Наконец, в 1941 г. «Литературное наследство» (тт. 39-40 и 41-42) осуществило первый опыт систематической публикации рукописей Огарева — его статей и заметок преимущественно из фонда архива Герцена — Огарева, хранящегося в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Одновременно на страницах «Литературного наследства» из наиболее редких изданий заграничных русских типографий были перепечатаны некоторые тексты Огарева.

Тем самым было положено начало собиранию публицистического наследия Огарева.

Все перечисленные публикации составляют в совокупности едва ли более $\frac{1}{8}$ доли литературно-политического наследия Огарева. Однако как только даже незначительная по объему часть этого наследия была обнародована — сделалось ясно, что трактовка публицистики Огарева как явления второстепенного и малоценного, господствовавшая в дореволюционной либерально-буржуазной литературе, совершенно несостоятельна.

Первоисточником отрицательных оценок публицистики Огарева явились высказывания Кавелина, видевшего в Огареве представителя враждебных ему революционных и социалистических идей и тенденций. Кавелин приложил немало безуспешных усилий к тому, чтобы оторвать Герцена от Огарева. Противопоставлял Герцену Огарева также Тургенев. Но, как известно, Герцен решительно отверг пристрастную критику Тургенева и Кавелина. Либералам не удалось разбить, уничтожить ненавистный им союз Огарева с Герценом. Однако в последующий период отрицательная оценка публицистики Огарева, исходившая от Тургенева, была усвоена Анненковым, а еще позже — Лемке. Характеризуя публицистическую деятельность Огарева, Лемке неоднократно повторял высказывания Тургенева (см., напр., XV, 550—555).

При комментировании статей и писем Герцена Лемке не учитывал те бесчисленные и многосложные связи, которые фактически существовали между выступлениями обоих редакторов «Колокола» на всем протяжении его существования. Нечего и говорить, что этим был нанесен серьезный ущерб, прежде всего, изучению Герцена. Игнорируя постоянную «перекличку» Герцена с Огаревым, нельзя представить себе деятельность Герцена в «Колоколе» во всей полноте. И действительно, ни единство Герцена с Огаревым, ни их разногласия не получили правильного отражения и освещения

в комментариях Лемке. Относительно же собственно наследия Огарева издание Лемке в целом закрепило и распространило среди читателей и исследователей неверный взгляд. Дать отпор этой и подобным тенденциям и была призвана упомянутая выше публикация рукописей Огарева в 1941 г. в «Литературном наследстве». Здесь, хотя и не без ошибок (в некоторые публикации проникли неверные даты и справки, в нескольких случаях был неисправно воспроизведен текст и допущены другие недосмотры), в научную литературу были введены политические тексты Огарева, имеющие первостепенный интерес для изучения и его творчества, и всего периода шестидесяти годов. Достаточно напомнить о таких широко известных ныне документах, как «Записка о тайном обществе» (публикация Б. П. Козьмина), или незаконченная, но замечательная во многих отношениях статья «Что бы сделал Петр Великий?» (публикация С. А. Переселенкова), или, наконец, воззвания, листовки, агитационные стихотворения Огарева, относящиеся к первой «Земле и Воле» и к «нечаевской» агитационной кампании (публикация Е. Н. Кушевой), чтобы была обнаружена полная несостоятельность традиционной буржуазно-либеральной точки зрения на Огарева-публициста.

В течение последних лет дело собирания и изучения публицистического наследия Огарева серьезно продвинулось вперед. Опубликованы две археографические работы: «Опись фонда Огарева Центрального государственного литературного архива» (М., 1950) и «Описание рукописей Н. П. Огарева в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина» (М., 1952). Вышел из печати первый том двухтомного издания: «Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения», т. I. М., Госполитиздат, 1952.

В 1941 г. редакция «Литературного наследства» располагала в качестве источников текста только частью рукописей Огарева, сохранившихся в архивных собраниях СССР. Другая часть, весьма значительная, находилась за границей и была в ту пору недоступна для изучения. Ныне «пражская коллекция» Герцена—Огарева, в состав которой входят многие оставшиеся неизвестными рукописи и письма Огарева, находится в СССР и позволяет дополнить фонд публицистики и поэзии Огарева, содействуя, тем самым, изучению его наследия в целом.

Целью настоящей публикации и является обнародование наиболее важных автографических рукописей Огарева как прозаических, так и поэтических, находящихся в «пражской коллекции». По мере необходимости мы пополняли публикацию рукописными и печатными текстами, заимствованными из других собраний и архивов.

Наша публикация состоит из трех разделов. Первый раздел — «Из публицистического наследия» — объединяет четыре крупных текста Огарева и пятнадцать небольших заметок и набросков, извлеченных из его записных книжек. Хронологические рамки первого раздела — 1847—1870 гг. Материалы раздела характеризуют с разных сторон политические и философские воззрения Огарева и его революционную деятельность.

Большой интерес не только для исследователей, но и для широкого круга читателей представляют материалы второго раздела — *агитационно-сатирические произведения*. Здесь публикуются агитационные песни, сатирические памфлеты, листовки и эпиграммы Огарева. Деятельность Огарева — агитатора и пропагандиста, связанная непосредственно с его практической революционной работой, до сих пор недостаточно исследована. Принадлежность Огареву значительного числа песен и стихотворений революционного подполья в очень многих случаях предполагалась, но не была установлена. Впервые вопрос о принадлежности Огареву нескольких анонимных революционных песен и листовок шестидесятых годов был поставлен и исследован в двух публикациях Е. Н. Кушевой, напечатанных в т. 41-42 «Литературного наследства» («К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с „Землей и Волей“ 60-х годов» и «Революционные прокламации женевской типографии 1869—1870 гг.»).

Во втором разделе настоящей публикации мы продолжаем названные работы.

Огарев-поэт настойчиво искал новых методов и форм агитационного воздействия поэтическим словом — путей к различным слоям демократической среды и, прежде всего,

к крестьянству. Опираясь на революционные мотивы в поэзии Рыльева, Пушкина, Лермонтова, он прямо поставил на службу интересам революционной агитации свой дар поэта. Огарев стремился вложить в работу над агитационными произведениями все свое поэтическое умение. Правда, применявшиеся Огаревым методы поэтической агитации не всегда приводили к положительным результатам. Огарев становился нередко на позицию стилизатора и даже имитатора «простонародной» речи той социальной группы, к которой были адресованы его агитационные стихотворения или стихотворные листовки. Таковы, например, публикуемые нами «Мысли Россиянина при чтении указа», «Мужичкам». Однако наряду с произведениями, не вполне удавшимися, наша подборка включает и другие, которые должны быть, по всей справедливости, признаны выдающимися явлениями русской агитационной поэзии. Таковы стихотворение «Современное», эпитафия палачу Муравьеву-вешателю «Надгробное», многие песни, почти все эпиграммы и некоторые листовки — «Встреча», «Напутствие (научите немудрых!)».

Третий раздел публикации — *лирика* (самый обширный по количеству автографов) объединяет сорок три лирических стихотворения. Двадцать два стихотворения взяты из цикла, или своеобразного лирического дневника поэта за 1842—1844 гг. «Buch der Liebe» (рукопись хранится в Пушкинском доме). Мы не сочли необходимым воспроизвести в настоящей публикации все сорок стихотворений, входящих в книгу «Buch der Liebe». Восемь стихотворений из этого цикла в разное время были опубликованы и входят в издание стихотворений Огарева. Около десяти стихотворений, частью неопубликованных, частью повторяющих поэтические мотивы, полно отраженные в публикуемых стихотворениях, опущены нами.

Остальные стихотворения печатаются по автографам, сохранившимся в «пражской коллекции» в трех записных книжках и на отдельных листках. Почти все эти стихотворения относятся к шестидесятым годам. Исключение составляют три, датированные сороковыми годами: «Хочу еще письмо писать...», «Дай расскажу тебе, мой друг...» и «Тучи серые бродят в поднебесьи...» В нашу подборку включены не все неизданные стихотворные тексты Огарева, обнаруженные нами в «пражской коллекции» и в других архивных фондах. Отобраны, как правило, законченные произведения и притом лишь те, которые представляют идейно-художественную ценность или биографический интерес. Незавершенные произведения и черновые наброски не включены в публикацию. Только в нескольких случаях мы позволили себе нарушить это правило. Так, например, мы сочли необходимым напечатать незаконченное стихотворение «В степи», поистине удивительное по тонкости и глубине отразившегося в нем ощущения русской природы, ее шири, необъятности, грусти.

Мы сочли также необходимым поместить стихотворение «Осужденному», работа над которым тоже не была закончена автором. Когда Д. В. Каракозов был осужден на смертную казнь, Огарев откликнулся на приговор гневными стихами. Это слишком серьезный факт нашей революционной истории, чтобы поступиться стихотворением только потому, что переработка одной из его строф, начатая Огаревым по совету Герцена, не была доведена до конца.

По автографам, имеющим черновой, незавершенный характер, печатаем мы также стихотворения «Отрывки», «Настоящее и думы (письма к Герцену)», «Предисловие».

Всего из 29 неопубликованных стихотворений и набросков, автографы которых находятся в «пражской коллекции», мы печатаем 21.

М. И. Калинин определил сущность лирики Огарева как «тревогу за смысл существования» (М. И. Калинин. Славный путь комсомола. М., 1948, стр. 8—9).

Газета большевистской партии «За правду» в статье, посвященной столетию со дня рождения Огарева, охарактеризовала лирику поэта следующим образом: «Огарев ценен как поэт, у которого наряду с грустной лирикой столько бодрых призывов и веры в неосомненно грядущую, яркую и свободную, счастливую жизнь всех людей» («За правду», 1913, 28 ноября, № 46).

Обе эти характеристики приложимы и к вновь публикуемым лирическим произведениям Огарева.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

I. НЕЗАКОНЧЕННЫЙ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ 1847 г. II. К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В ПОЛЬШЕ. III. В ЗАЩИТУ ПИСАРЕВА. IV. К ИСТОРИИ «НЕЧАЕВСКОГО» «КОЛОКОЛА». V. ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

I. НЕЗАКОНЧЕННЫЙ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ 1847 г.

Публикуемый текст — первая статья из задуманного Огаревым критико-публицистического цикла: «Письма деревенского жителя». 20 октября 1847 г. Огарев писал Герцену: «Еще готовлю в „Современник“ письма в другом роде, посвященные тебе» (см. ниже в наст. томе). Предназначенные для журнала, начавшего с 1847 г. выходить под редакцией Некрасова, Белинского и Панаева, статьи эти в нем напечатаны не были. Едва ли даже какие-либо «Письма» из этого цикла посылались Огаревым в редакцию. Во всяком случае, И. И. Панаев, который в 1847—1848 гг. от имени редакции вел переписку с Огаревым, писал ему 6 февраля <1848 г.>: «Ей-богу, стыдно тебе, что забыл „Современник“» («Новые пропилеи», т. I. М., 1923, стр. 19). Очевидно, Огарев ничего, по крайней мере с осени 1847 г., в «Современник» не посылал.

Остается также неизвестным, насколько далеко продвинулось осуществление задуманного цикла — была ли окончена публикуемая нами статья и написаны следующие.

В 20-х числах марта 1850 г., уже после ареста Огарева (он был арестован 24 февраля в Симбирске), пензенские жандармы произвели обыск в огаревской усадьбе Старое Акшено. Изъятие, в результате обыска, бумаги и книги, среди которых находилась и публикуемая нами рукопись, были препровождены пензенским губернатором Панчулидзевым (при описи от 13 июня 1850 г.) министру внутренних дел Перовскому, а Перовским в конце того же месяца переданы в III Отделение. Вместе с бумагами других арестованных рукопись «Письма деревенского жителя» была в особом пакете подшита к делу, где мы ее и обнаружили (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1-я эксп. 1849 г., № 67, ч. 1, л. 1656).

* * *

Публикуемая статья в историко-литературном отношении весьма интересна. Огарев начинал свой новый труд с мыслью о Герцене. «Письма деревенского жителя» должны были печататься с посвящением *Искандеру*. Это не было только знаком дружеской памяти. В том же письме, в котором Огарев сообщил Герцену о посвящении, он писал: «Вот уже год, как мы врозь, а развитие-то совершается наверное одинаковое» (см. ниже в наст. томе). Действительно, несмотря на всю разницу в социально-политической обстановке, несмотря на даль, разделявшую друзей (Герцен был в это время во Франции, Огарев — в России, в деревне), развитие их, после того как они расстались осенью 1846 г., совершалось, хотя и не одинаково, но в одном и том же направлении. Направление это окончательно определилось летом 1846 г., в период известных «злых споров» в Соколове, на даче у Герцена; участие в этих спорах принимали, с одной стороны, Герцен и незадолго перед тем приехавший из-за границы Огарев, с другой — Грановский, Корш, Кетчер и другие. В этом столкновении, как известно, происходило отмежевание Герцена и Огарева от все более отчетливо самоопределявшегося буржуазно-либерального крыла антикрепостнического лагеря. Столкновение было доведено Герценом и Огаревым до «теоретического разрыва» даже с их ближайшим другом — Грановским. Герцен и Огарев защищали идеи материализма и атеизма, пропагандировали революционные пути и методы борьбы с крепостничеством и самодержавием. Белинский поддерживал и внутри и вне «кружка» эту борьбу Герцена и Огарева, нанося сильнейшие удары реакционно-романтической идеологии и воззрениям либералов.

Сказанное, разумеется, не означает, что между Белинским и Огаревым и даже между Герценом и Огаревым не было в этот период никаких разногласий. Напротив Белинский как раз в 1847 г. резко нападал на некоторые стороны творчества и деятельности Огарева.

Однако Огарев навсегда сохранил память именно о своем единстве с Белинским этой поры, а не о разногласии с ним. В 1870 г. он с любовью упомянул имя Белинского в первый же раз, когда заговорил в печати о смерти Герцена. «Здесь я не могу не напомнить читателю, — писал Огарев, — этого из друзей наших <т. е. Белинского. — Я. Ч.>, которого могучее влияние теперь получает настоящую оценку среди нового молодого поколения. Лучший очерк этой личности в „Былом и думах“ Герцена. Я не знаю более верно схваченного характера и страниц, более проникнутых горячим чувством дружбы и преданности делу освобождения» («Памяти Герцена». — «Колокол», № 3, от 16 апреля 1870 г.).

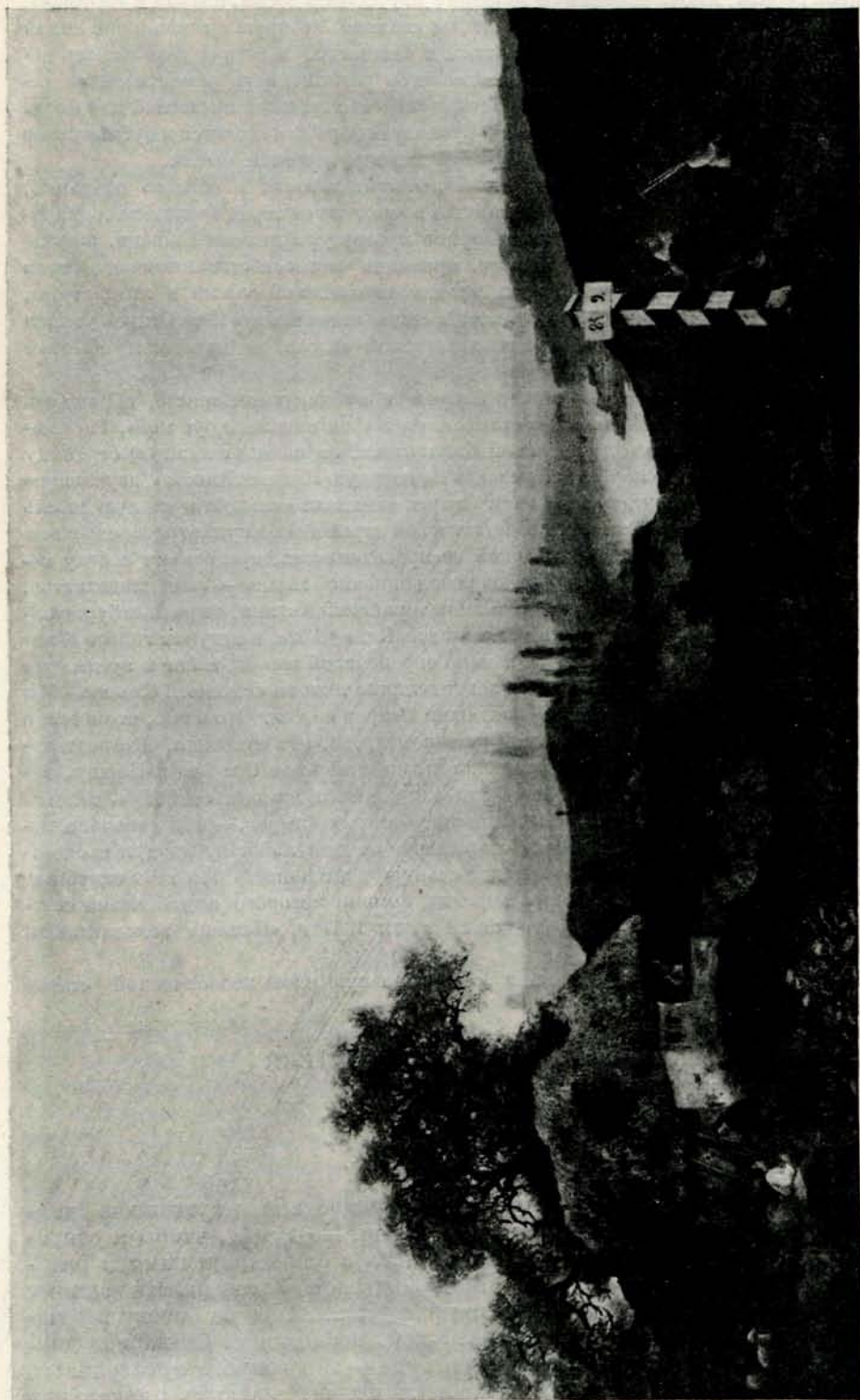
Согласием с Белинским по всем важнейшим вопросам литературно-общественной жизни проникнуто и печатаемое нами «Письмо». Говоря о признании категорией изящного, т. е. прекрасного, «всякой деятельности человеческой», не исключая «мира промышленного», Огарев перекликается с высказываниями Белинского, создававшего и отстаивавшего в это время основы материалистической теории искусства.

Развивая идеи Белинского, Огарев начинает свое «Письмо» критикой и пародийно-сатирической характеристикой различных видов идеалистического бегства от действительности в литературе сентиментализма и романтизма. Здесь упомянуты и Усад — юноша-певец из «Марьиной рощи» Жуковского, и «Белая Лиза» Карамзина, и Урания — героиня одноименной немецкой слашаво-сентиментальной поэмы Людвига Тидге. Огарев продолжает эту критику и в последующей части «Письма», резко отделяя «могучую» социальную «скорбь, которою проникнут сам Байрон», от так называемого байронизма «мелкой литературы» — «солганных страданий модных рифмоплетов и салонных витязей». Не щадят он и Шиллера.

Мысли Огарева о Вольтере, энциклопедистах, Байроне, Гёте совпадают с известными высказываниями Белинского, содержащимися в его письмах к Боткину за 1841 г. «Отрицание — мой бог! — восклицает Белинский. — В истории мой герой — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон („Каин“) и т. п. Рассудок для меня теперь выше разумности (разумеется, непосредственной), и потому мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии...» («Письма», т. II, стр. 267). Достаточно сопоставить приведенные строки с характеристикой драматической поэмы Байрона «Каин», сделанной Огаревым, чтобы стала очевидной глубокая общность взглядов Белинского и Огарева. «Каин — до пафоса возведенная борьба энциклопедистов во имя здравого смысла», — говорит Огарев, повторяя мысли Белинского (в данном выражении едва ли ему известные). Белинский и в печати высказывал в подцензурной форме эти же суждения. Он писал (в статье «Сочинения Державина», 1843 г.): «...Байрон так же есть намек на будущее Англии, как Шиллер — намек на будущее Германии: оба эти поэта были резкими противоречиями национальному духу своих стран, и, в то же время, каждый из них мог явиться только в своей стране» (Полное собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. VIII, стр. 136—137). Та же мысль лежит в основе характеристик Байрона и Шиллера, даваемых Огаревым.

Можно привести еще ряд подобных параллелей, особенно в отношении Гёте, Шиллера и Байрона. Здесь не место приводить их все; отметим лишь, что Огарев, как видно из публикуемого «Письма», глубоко солидарен с Белинским в характеристике той «двойственности», которая свойственна была обоим великим немецким поэтам. Как и Белинский, он резко отзывался о филистерских чертах, присущих Гёте, и подвергал критике слабую сторону Шиллера — «романтика в смысле средних веков», по выражению Белинского.

«Письмо» Огарева направлено против реакционного романтизма, против тех течений общественной мысли и литературы, с которыми сражались и Белинский и Герцен. По определению Огарева, этот романтизм «поклонялся старым формам феодализма

ВИД НА КРЕМЛЬ ИЗ-ЗА МОСКВЫ-РЕКИ
Картина маслом М. Бочарова, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

и западной церкви, любил избранную женщину до гробовой доски, плакал и молился». Одной из задач борьбы за действительность, за реализм, которую с гениальной силой вел в сороковых годах Белинский, являлась, в частности, и задача разоблачить несостоятельность притязаний со стороны идеологов реакционного романтизма на великие имена мировой литературы, отвоевать наследство великих писателей для борьбы за передовые общественные идеалы. В русле этой борьбы находится и публикуемое «Письмо» — замечательный документ русской демократической мысли.

Не «романтиков», бегущих от суровой действительности в область преданий, мечты и сновидений, способных лишь «плакать» и «молиться» перед зрелищем социальной несправедливости, а «энергических» борцов против уродливостей жизни, носителей чувства скорби, тревоги и отрицания, критиков частнособственнического строя видит Огарев в лучших представителях западноевропейской мысли и литературы. В Вольтере и Руссо, в Байроне, Жорж-Санд и в самом «олимпийце» Гёте Огарев увидел естественных союзников передовой революционной мысли и напомнил об этом Герцену.

«Не один же я страдаю,— пишет Огарев в публикуемом тексте, обращаясь к Герцену.— Тою же безвыходностью отзываются и твои письма, друг мой». Раскрывая «книгу» своей деревенской библиотеки, он находит каждую страницу «преисполненной великой скорби». Отзываясь на горькую «безвыходность», звучавшую в письмах Герцена (не дошедших до нас), Огарев высказал сильную и смелую мысль о том, что скорбные голоса великих представителей европейской культуры предвещают гибель строю, основанному на социальной несправедливости, предвещают победу передовой мысли. В «скорби» духовных отцов революционной мысли — энциклопедистов, в борьбе Байрона с косностью и консерватизмом торийской Англии, в критике буржуазной семьи, которой проникнуты «Wahlverwandtschaften» * Гёте, в могучем голосе Шиллера Огарев угадывает прогрессивное начало европейской жизни, залог и предвестие спасения Европы от власти буржуазии и зовет великие тени на помощь... Сделать свои призывы в подцензурной статье более внятыми Огарев не мог. Но в том, что именно они составляют лейтмотив неоконченной статьи Огарева, нет сомнения. Это подтверждается не только самим публикуемым текстом, но и письмом Огарева к Коршу, написанным незадолго до начала работы над задуманным циклом статей. «Зрелость взгляда отрицания ради — неполная зрелость,— пишет Огарев,— ибо невольно перебрасывает человека в романтическое отращивание от деятельности. Внутри нас должен совершиться еще переход в положительную деятельность при всех скорбных задатках отрицания. Это необходимый переход, помимо которого не добьешься светлой гармонической жизни...» (письмо от 28 июня 1847 г. «Помощь голодающим». М., 1892, стр. 522).

Приведенные строки содержат в себе основную идею неоконченной статьи Огарева.

ПИСЬМА ДЕРЕВЕНСКОГО ЖИТЕЛЯ

(посвящено Искандеру)

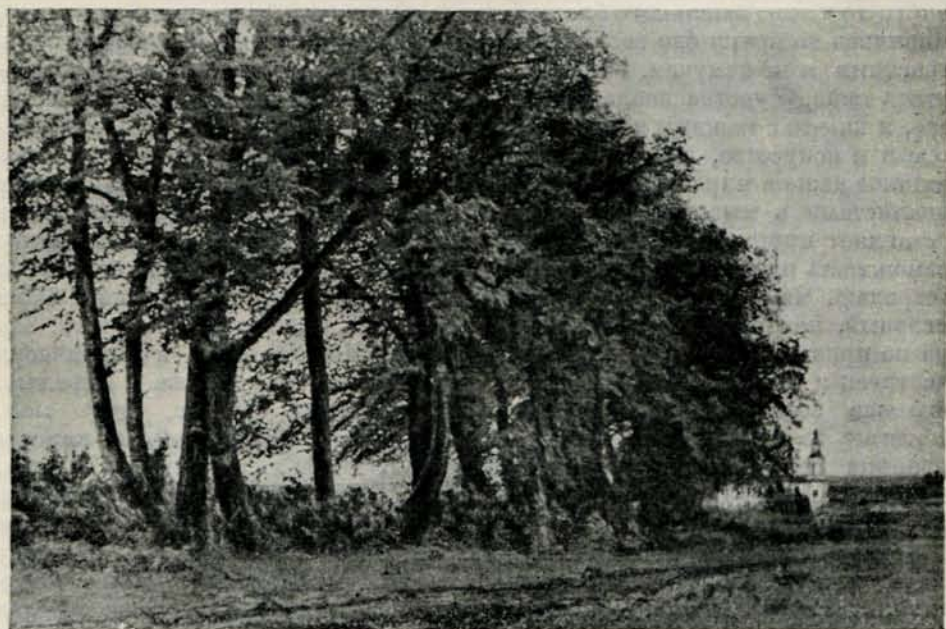
П и с ь м о 1-е

Мая... Я рад, что уехал из города. Мне надоедали и тревожное движение на улицах, и внутренняя тревога мысли. Не думай, чтобы я сентиментально желал уединения, как то делалось в блаженной памяти риторические времена Усладов, бедных Лиз и Тидгевой «Урании». Мне самому было бы смешно видеть себя уединенно расположенного на берегу журчащего ручья, плетущего венки из незабудок, вспоминая блаженные дни, тоскуя о тщете мирской и стремясь туда, туда — и в голубое пространство небес, где при естественном устройстве легких дышать нельзя, и в дальний

* «Избирательное родство» (нем.).

туман, в котором было бы просто сыро, и который только потому и хорош, что далек и по отдаленности производит эффект в пейзаже. Нет! другой, эти времена давно утратились. Фразистая грусть о чем-то, натянутая слезливость, искание высоких чувств (как будто их можно искать, когда их нет?) — вся эта болезненная неясность головы осталась в памяти как пошлая сказка, которая правилась в детстве и воспоминание о которой неразрывно связано с мыслью: вот это, как же глуп бывает ребенок.

Итак, когда я говорю, что рад был уехать из города, не воображай меня юношей, которому чудо должно указать дорогу в край чудес. Вдобавок чудо, которое меня уносило по дороге, был обыкновенный тарантас,

СТАРОЕ АКШЕНО, «АЛЛЕЯ ОГАРЕВА»

Фотография С. И. Грошева, 1949 г.

и край чудес, к которому я стремился, — весьма обыкновенное поместье; оно издревле не отличалось ни особенно хорошим местоположением, ни особенно хорошим климатом. Но в нем можно было жить спокойно — и вот чего я хотел. «Но разве тебя что беспокоило?» — спросишь ты с полным правом на такой вопрос. — Да! беспокоило. Это слово пошло и не выражает того, что я хочу сказать. Я находился не в состоянии беспокойства, но в состоянии действительной тревоги и скорби. Я не думал вырваться из него отъездом, но, оставаясь наедине сам с собой, я хотел привести в сознание и порядок все движения моей собственной мысли, все впечатление фактов, большую частью неутешительных, тем более, что они непреодолимы и неодолимы; я хотел уяснить себе многие задачи, которые навязывали мне чувство безвыходности. И вот я простился с тобой. Полосатый* шлагбаум лег между мной и городом, и мой тарантас пошел выплясывать по грязной дороге, усердно награждая меня самыми разнообразными толчками. Наконец, после нескольких дней и ночей он решительно остановился

* Над зачеркнутым: Трехцветный

в последний раз, и я был дома, и тело мое могло отдохнуть от сухопутной болезни, в которую вгоняет езда по нашим дорогам и которая нисколько не изящнее морской болезни; если нет тошноты, то она щедро вознаграждается измятием боков, беспрестанным подталкиванием так, что дух дрожит, и отвратительным запахом пыли, грязи, навоза и прочее, и прочее.

И вот я уже несколько дней живу в деревне. Жизнь моя — как и вообще жизнь людей в тех летах, когда вещи начинают являться в свойственных им размерах, — не отличается ни особенным блаженством, ни особенным несчастьем. Но отчего же не только в настоящую минуту, но уже давно через всю жизнь проводится давящее чувство скорби и безвыходности? Уж не продолженье ли это той неопределенной изнеженной грусти и жажды какого-то исключительного блаженства «в сфере душ», чем мы все, вероятно, упивались во время оно весьма бесплодно? Тело мое здорово; несчастными страстями я не измучен. Голова моя не утомлена и может понимать и работать ясно. Чувства наслаждения окружающим я не утратил; напротив того, я как-то с каждым днем более понимаю всё изящное не только в природе и в искусстве, но во всякой деятельности человеческой; я понимаю изящное даже в мире промышленном, так давно признанном за неизящное идеалистами и мыслителями, для которых материальная бесполезность составляет принадлежность изящного. Я с каждым днем более понимаю возможность наслаждаться жизнью. Но только возможность. Действительно я страдаю. Чем же? Где же эта рана, к которой я приступаю как Фома неверный, которую мне надо ощупать перстом, чтоб удостовериться, что она не призрак? Может быть, она призрак? Может быть, я нервно расстроен и мне кажется, что я страдаю? Однако не один же я страдаю. Тою же безвыходностью отзываются и твои письма, друг мой. Я гляжу на мою библиотеку: раскрываю книгу за книгой, и каждая страница преисполнена великой скорби. Возьму ли людей XVIII века, на каждом лежит печать страдания. Желчная сказка Вольтера представляет мне скорбь в форме насмешки и негодования. Если я вспоминаю где виденный мною портрет Вольтера, я не могу иначе оживить его, этого человека, в моем воображении, как с морщинистым лицом, с саркастической улыбкой, и мне ясны следы страсти и страдания. Вот и вечный мученик Руссо; вот и энциклопедисты, которых я не могу себе представить иначе, среди их твердо и ровно выдержанной борьбы с предрассудками и неправосудием, как мучениками во имя здравого смысла. Положим, что им не удалось сложить голову на плаху, но легко ли было им жить между ханжеством, с одной стороны, и развратом — с другой, жить в атмосфере, которая представляла смесь этих двух элементов, им, ясным служителям рассудка?

Зачем Гёте перевел «Племянника Рамо»? Гёте — самая полная и спокойная натура, которая когда-либо жила на свете? Гёте, который устранился от общественных движений, от участия к несчастьям социальных положений, от всего, что носило след противоречий в человеческом обществе? Перевел ли он «Племянника Рамо» как художник, увлеченный истинно художественным произведением Дидерота, или отсутствие страдания в Гёте есть вымысел критиков Менцеля и consorte? * Я думаю, друг мой, что это вымысел рецензентов. Вспомни, что самый Шиллер, которого *per contra* ** выставляют человеком, принимавшим жаркое участие в делах человеческих, самый Шиллер — как и Гёте — не находил «повода к радостным песнопениям» в весьма важных исторических происшествиях. Это только от того, что, несмотря на всю гениальную энергичность, они оба были немцы того времени, когда писатель считал за великую честь,

* сотоварищей (лат.).

** в противоположность (лат.).

почти за событие, играть в бостон с каким-нибудь графом Гох Пфиффальпа Гауз Ридкрейцбург Зондербрюген. Но загляни в Фауста, и ты найдешь всеобщее человеческое страдание сильной личности. «Сродство по выбору» («Wahlverwandschaften») доказывает, что вопрос семейный представлялся Гёте с * его действительно скорбной стороны. Что ни говори оболимпийском спокойствии Гёте, оно не представляет холодности к миру человеческому; это есть ширь понимания и только, следственно, далеко не эгоистическое чувство **. Но давай дальше рассматривать мою библиотеку.

Что это за мрачную поэму страдания представляет Байрон? Нет, мимо этой гениальной скорби нельзя пройти с усмешкою. Если нам кажется жалок и смешон так называемый байронизм, который когда-то был в моде в обществе, то нам нельзя ставить на одну доску солганные страдания модных рифмоплетов и салонных витязей с могучей скорбью, которою проникнут сам Байрон***. Близорукие критики видели в нем сухость, основанную на высокомерии. А между тем, как этот человек далек от сухостей! В его измученном сердце неисчерпаемое богатство нежности. В одних стансах к его сестре более любви, чем в иных томах романтической школы, к которой напрасно многие его относят. Романтизм поклонялся старым формам феодализма и западной церкви, любил избранную женщину до гробовой доски, плакал и молился. Байрон нисколько не романтичен, он только субъективен, то есть выше всего для него поставлена его личность; но с тем вместе эта личность у него возведена до всеобщности; то есть личность, его собственная личность потому для него так важна, что для него важна вообще личность человеческая и ее права на жизнь и счастье, права, которые он везде находит стесненными и оскорбленными. От этого его гордость, это чувство, которое не позволяет дотрагиваться до своей личности и везде хочет провести свою волю, не терпя противоречия, его гордость переходит в любовь к роду, к человеку, и эта любовь является в форме ненависти к тому, что люди делают, и кажется мизантропией. Англичанин и тори — он язвит желчной насмешкой Англию и торизм; формализм душит его в семейных отношениях, и чувство независимости заставляет его разорвать брачные узы, а между тем в этом человеке все элементы для счастья с женщиной, а между тем все воспоминания его о дочери дышат трогательной любовью; он выставляет в мрачной фантазии, как гибнет род человеческий, и последнее вспыхнувшее пламя на пожарище всеобщего разрушения освещает двух заклятых врагов — и едет умирать за дело Греции. Чем же он страдает, этот человек? С чем и во имя чего он борется? Неужели все это только ради самого себя? Нет! Его счастье разрушено, молодость, свежесть чувства в нем погибли; но дело в том, что он везде видит счастье человека разрушенным, в каждом человеке молодость и свежесть чувства погибшими. Такой факт выдумать трудно, да если б он

* Далее зачеркнуто: самой

** Далее зачеркнуто: Но я боюсь слишком много наговорить о Гёте, и не успею показать тебе [другой части] до конца моей библиотеки

*** Далее зачеркнуто карандашом: Что бы взять в пример? Да возьмем хоть «Каина». «Каин» — до пафоса возведенная борьба энциклопедистов во имя здравого смысла. Я очень рад, что выбрал для примера «Каина». Кроме того, что вопрос, в нем поставленный, [и страдание в нем выраженное] ясно доказывает, что байронизм мелкой литературы никогда не заключал в себе содержания страдания самого Байрона; кроме этого «Каин» состоит в связи с некоторыми последующими произведениями, о которых я намерен тебе говорить. В «Каине» является защита демона, защита начала критики и рассудка. Эту защиту [менее поэтически] повторила Жорж Санд в «Консуэло». Я не сравниваю лирическую драму Байрона с романом Санда ни в художественном отношении, ни в силе, с которою тут и там проведена одна и та же задача, но дело в том, что задача одна и та же. Вот что меня поражает. Эта задача, как бы она ни была поставлена, как бы она ни была темно проведена, все же есть задача борьбы разума с <пробел в рукописи>.

и был только выдуман Байроном, то, верно, бы никто так нарасхват не читал Байрона и голос его не отозвался бы ни в ком. А между тем впечатление, им произведенное, было неимоверно. С чем он боролся? Не с своими же личными врагами. Он боролся с предрассудками и неразумием во имя разума, как все реформаторы, но только в другой форме. Поэтическое слово точно так же казнит и клеймит позором неразумие, как и книга философа, как и решение законодателя; иначе ни книга, ни изменения в общественных постановлениях не нашли бы отголоска в людях. Если поэт и не создает новых условий жизни, тем не менее слово его сильно колеблет неправду.

(Старое Акшено. Октябрь — ноябрь 1847 г.)

Автограф. ЦГИАМ, ф. III Отдел., 1 эксп. 1849 г., № 67, ч. 1, лл. 165 б и сл.

II. К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО «КОМИТЕТА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ» В ПОЛЬШЕ

Ниже печатаются два небольших, тесно связанных между собой текста, образующих единый документ. Первый — обращение Огарева к революционной организации образовавшейся среди русских войск, расположенных в «Царстве Польском», и примыкавшей к «Земле и Воле» — «Комитету русских офицеров»; второй — аналогичное письмо Бакунина. Оба документа характеризуют отношения с этой организацией редакции «Колокола», с одной стороны, и Бакунина — с другой. Написаны оба текста на одном листе и притом почти одновременно (разница может быть в днях).

Обращение Огарева и Бакунина было лично вручено Огаревым руководителю «Комитета русских офицеров», А. А. Потембе, в Лондоне, в ноябре 1862 г., незадолго до варшавского восстания (начавшегося в ночь с 22-го на 23 января 1863 г.). В конце марта или в начале апреля 1863 г. Потемба пал в бою, сражаясь на стороне польских повстанцев против царских усмирителей.

В статье «Frisant la question polonaise»*, напечатанной в 1868 г. в № 7 «Kolokol», Герцен писал, используя в переводе на французский язык свои записи конца 1865 г. о польских событиях 1862—1863 гг.:

«Один из членов польского правительства с трогательным вниманием известил нас о смерти Потемби. Несколько времени спустя мне вручили маленький принадлежавший ему бумажник. Дрожащею рукою раскрыл я эту реликвию и нашел там письмо Огарева русским офицерам, писанное, когда я на несколько дней отлучился в Торквэй.

Письмо это начинается следующими строками:

«Друзья!

С глубокой любовью и с глубокой грустью прощаемся мы с вашим другом...». Далее Герцен приводит первую половину письма Огарева, заключая отрывок словами: «Мне нечего прибавить к этим строкам» (XX, 247—248).

Публикуемый нами документ представляет собой *полный русский текст* письма Огарева. Частично письмо было опубликовано Герценом на французском языке в статье «Frisant la question polonaise». Печатаемый русский текст тоже является совершенной новостью: однажды он уже был напечатан, так же как и обращение Бакунина, в сборнике «Посмертных статей» Герцена, изданном в Женеве в 1870 г., но впоследствии выпал из поля зрения исследователей. Подлинник же публикуемого документа, ранее оставшийся неопознанным, был лишь недавно обнаружен пишущим настоящие строки, совместно с А. В. Аскарянц, в архиве Герцена — Огарева, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. (Предварительное сообщение с произведением найденного документа см. в «Записках Отдела рукописей», ЛБ, М., 1952, вып. 13). При сличении текстов документа — вновь найденного рукописного с первопечатным, помещенным в сборнике 1870 г., — обнаруживается их идентичность. Поскольку сборник «Посмертных статей» открывается предисловием Огарева, мы

* «К польскому вопросу» (франц.).

предполагаем, что именно Огаревым документ и был включен в сборник. Он напечатан непосредственно вслед за главою из «Былого и дум» — «Бакунин и польское дело».

Почти через три десятилетия после опубликования обращения Огарева и Бакунина к русским офицерам в Польше вопрос об этих текстах был затронут М. П. Драгомановым в издании «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» (Женева, 1896). На стр. 193 названного издания Драгоманов перепечатал из сборника «Посмертных статей» Герцена обращение Бакунина, начинающееся словами: «Друзья и братья! Строки, написанные другом нашим, Николаем Платоновичем Огаревым, проникнуты искреннею, бесконечною преданностью великому делу нашего народного да и общеславянского освобождения». Драгоманов не понял содержания документа и ошибочно принял его за «письмо к обществу „Земля и Воля“» (см. стр. 192 ук. изд.). Драгоманов ни словом не обмолвился о том, что «строки Огарева», о которых говорил Бакунин, напечатаны полностью там же, в сборнике «Посмертных статей» Герцена, на соседних страницах. Не поняв документа, он не уловил и связи между обоими обращениями.

Перепечатывая названную выше французскую статью Герцена «*Frisant la question polonaise*» в собрании его сочинений, Лемке не счел нужным сообщить о письме Огарева, цитированном Герценом, и даже не поставил вопроса о том — не сохранился ли подлинник письма. Лемке ограничился тем, что перевел приведенный Герценом во французском переводе отрывок из обращения Огарева обратно на русский язык.

Досадный недосмотр допущен был и составителями известного библиографического указателя «Русская подпольная и зарубежная печать» (см. вып. 1, 1831—1879. М., 1935, стр. 42). При описании обоих изданий «Посмертных статей» Герцена 1870 и 1874 гг. авторами указателя не было отмечено, что в обоих этих изданиях помещены обращения Огарева и Бакунина, хотя эти обращения и напечатаны здесь отдельно, петитом, на страницах 204—206 (по изд. 1870 г.) и подлежали особому описанию.

В результате указанных ошибок и недосмотров замечательный документ, неразрывно связанный с историей героического подвига Потебни и представляющий большую важность для изучения истории русского революционного движения, оказался на долгие годы недоступным для русских и, насколько нам известно, польских читателей.

* * *

Публикуемые тексты Огарева и Бакунина написаны чернилами на четырех страницах бумаги размером 22,5 × 18,4. Листы вырваны, повидимому, из тетради Огарева, так как бумага такая же, как в его лондонских тетрадях. Обращение Огарева занимает первые три страницы (третья страница неполная). Вслед за подписью «Н. Огарев», непосредственно под ней, начинается собственноручный текст обращения Бакунина, занимающий последнюю треть страницы третьей и две трети страницы четвертой. Весь текст обращения Огарева написан не его рукой, автографична только подпись.

Документ носит на себе отчетливые следы длительного пребывания в бумажнике небольшого формата. Лист, троекратно сложенный пополам, приобрел вид узкой полоски, загрязнившейся и потемневшей. Следы сгибов с наружной стороны сильно потерты. Видно, что Потебня не раз вынимал документ из бумажника, давая своим соратникам или друзьям прочесть или переписать его.

Ни текст Огарева, ни текст Бакунина не датированы. Но мы располагаем данными для установления даты. Время написания обоих обращений определяется довольно точно — середина ноября 1862 г.

Как указано выше, текст Огарева написан, за исключением подписи, не его рукой. Чьей же? Установить этого не удалось. Скорее всего следовало бы предположить, что перебелил текст Огарева сам Потебня. Автографа Потебни нам найти не удалось. Однако существует и печатается также в настоящем томе (см. выше, стр. 513—514) другой документ — «Список офицеров — членов революционной организации», принадлежность которого руке Потебни очень вероятна. Сличение почерков обоих документов показывает, что они принадлежат разным лицам.

Вспоминая о ноябрьском приезде Потебни в Лондон, Герцен писал: «...Потебня, душа общества офицеров, еще раз приехал в Лондон, чтобы спросить наше мнение и, каково бы оно ни было, пойти неизменно по своей дороге» (XX, 247). Герцен свидетельствует, что Потебня, уже твердо решивший повести руководимых им людей в бой, приехал в Лондон в надежде получить политическую поддержку редакции «Колокола».

Предложенный Огаревым текст начинался словами, указывавшими на коллективный характер обращения: «С глубокой печалью проводили мы к вам...», «Мы понимаем, что вам нельзя не примкнуть к польскому восстанию...», «Шансов на успех мы никаких не видим...» и т. д. Под словом «мы» Огарев разумел Герцена и себя, но не Бакунина, с которым у редакции «Колокола» были серьезные разногласия и принципиальные и тактические, особенно острые как раз по отношению к польскому освободительному движению. Но Герцена в Лондоне в эти дни не было. По его собственному свидетельству, он «отлучился на несколько дней в Торквэй».

Потебня же, в связи с надвигавшимися событиями, должен был немедленно возвратиться в Польшу и не мог, очевидно, дожидаться Герцена. Так объясняется отсутствие подписи Герцена под воззванием к офицерам, написанным Огаревым от имени обоих издателей «Колокола».

Вопрос о том, при каких обстоятельствах возникло — на том же листе бумаги — еще одно обращение, от имени Бакунина, остается неясным. Вряд ли инициатива этого второго обращения могла тоже принадлежать Огареву. Ведь совсем незадолго до приезда Потебни в Лондон, а именно 31 октября 1862 г., Огарев писал Бакунину: «Я утрачиваю в тебя мою человеческую веру, не сердись на меня за откровенность, как сердятся обиденные французы; а просто задумайся искренне и спроси себя по совести, прав я или нет <...> Ты затем и хочешь вредной попытки <восстания в Польше. — Я. Ч.>, потому что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила делу <...> Если ты ищешь себе занятия, хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа, — я враг тебе» («Письма Бакунина к Герцену и Огареву», стр. 88—89).

При наличии подобных разногласий нет достаточных оснований предполагать, что именно Огарев обратился к Бакунину с предложением написать второе воззвание. Скорее всего, воззвание было написано по инициативе самого Бакунина, но осуществлено все же под контролем Огарева. Во всяком случае, мы не находим в тексте бакунинского воззвания установок, которые были неприемлемы для Огарева и Герцена. Наоборот, Бакунин на этот раз высказывает, хотя и не очень последовательно, те же мысли, что и Огарев, и таким образом поддерживает его обращение. Вслед за Огаревым, Бакунин призывает отложить восстание, если это возможно, «до более дальнего срока». Однако, признавая обоснованность суровых и горьких прогнозов Огарева, Бакунин тут же ослабляет степень своей солидарности с ним, пытается сохранить хотя бы иллюзорные надежды на успех восстания. «А бог знает! — заканчивает он свое обращение. — Может быть, геройский подвиг ваш, в противность всем расчетам холодного рассудка, неожиданно увенчается и успехом?..»

* * *

Содержание обращений Огарева и Бакунина было продиктовано трагической обстановкой, сложившейся в это время в Польше. Ввиду сложности вопроса мы не станем входить здесь в рассмотрение всех обстоятельств дела, ограничившись лишь тем, что напомним основные вехи развернувшихся во второй половине октября событий.

В середине октября Варшавский Центральный комитет принял окончательное решение о восстании, приурочив его к январю 1863 г. — ко времени рекрутского набора в Польшу, предпринятого властями, чтобы лишить революционно настроенную молодежь возможности участвовать в национально-освободительном движении. Набор должен был производиться не по жребию, а по специальным спискам, откровенно названным одним из организаторов набора, маркизом Велепольским, «проскрипционными» (ср. статью Герцена «Подтасованный набор» — XV, 555—556). Лондонский представитель Комитета Иосиф Цверцкевич известил Герцена о принятом решении.

22 октября Герцен обратился к Цверцякевичу и через него — к Центральному комитету с обширным письмом, написанным по-французски и известным в копии, сохранившейся в делах III Отделения (XV, 532—534). Герцен убеждал руководителей готовящегося восстания (вернее, ту часть их, которая занимала демократические, а не шляхетски-шовинистические позиции) отсрочить его; он считал восстание преждевременным и потому гибельным равно для русского революционного движения и для польской независимости. К письму Герцена приложил свое письмо и Огарев (оно в печати неизвестно). Герцен, ссылаясь на это письмо Огарева, писал Цверцякевичу: «Прежде чем Огарев написал вам письмо, мы с ним долго беседовали. Итак, я излагаю вам его же мнения по этому вопросу» (XV, 535).

Герцен глубоко осознавал всю тщетность своих усилий: добиться согласованных и единых действий обе стороны в тогдашних условиях не могли.

«... Я вам скажу еще в последний раз с горькой смелостью, — писал Герцен, рекомендуя не сопротивляться набору рекрутов, — то, что мне кажется очевидным: произведите набор рекрутов, но не осуществляйте никакого выступления, для которого нет ни малейшей надежды на успех <...> Поступая сейчас явным образом <...>, вы остановите русское движение еще на полвека. Что касается Польши — она погибнет в этом случае безвозвратно» (ср. XV, 534, пер. с франц.).

Вновь и вновь подчеркивая, что организация русских революционных сил еще «далеко не закончена» (*«notre organisation est loin d'être prête»*), Герцен от своего имени и от имени Огарева заявлял: «В соответствии с этим мы ограничиваем нашу деятельность сношениями с русским Комитетом в Варшаве. Мы ему скажем: «Поднимите восстание одновременно с польскими повстанцами в Варшаве». Но восстанут ли они? Это — еще вопрос» (там же).

Одной из самых трудных задач, стоявших перед Герценом и Огаревым, была задача правильно рассчитать силы восстания. Набор был предварительно объявлен в количестве 5 человек с 1000. Общее число рекрутов исчислялось в 25 000. По мнению Центрального Польского комитета, эта цифра и определяла ориентировочно число активных участников восстания, поскольку предполагалось, что в массе своей все рекруты, предупрежденные о дне набора, скроются и образуют «повстанческую армию».

Герцен и Огарев не могли положиться на основательность этих расчетов. «Уверены ли вы еще, — спрашивает Герцен Цверцякевича, — в цифре 25 000? Как она получается, считая только по 5 человек с 1000?» (XV, 535). Ответ Цверцякевича неизвестен. Но независимо от того, что было сообщено Цверцякевичем, Герцен и Огарев вскоре получили интересовавшие их сведения из другого источника: из опубликованного в октябре указа о наборе. Эти сведения заронили в них искру надежды на то, что восстание будет отложено. В письме Огарева к Бакунину, написанном 31 октября 1862 г. (оно цитировалось нами выше в доказательство существования крупных разногласий между Огаревым и Бакуниным в польском вопросе), мы находим указания на их совместное (вероятно, с участием Герцена) обсуждение полученных сведений. Продолжая спор, Огарев напоминал Бакунину: «Когда пришел указ о том, что 5 : 1000 не значит 25 000 рекрут с горбдов, я вспрыгнул от радости, видя в этом пресечение попытки гибельной для блага России, для наших убеждений, для народной свободы, для всего, что нам свято и дорого. Ты же переменялся в лице от дезориентации, в которую это обстоятельство тебя поставило». Далее следовало уже приведенное нами обвинение «Ты затем и хочешь вредной попытки, потому что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила делу» («Письма М. А. Бакунина к Герцену и Огареву». Женева, 1896, стр. 88).

Следовательно, в конце октября у Огарева еще была надежда, что восстание «будет отложено». «Тайная надежда» на это звучит и в печатаемом ниже обращении. Но надежда не могла быть ни прочной, ни длительной. Ближайшие же события вновь показали неизбежность восстания, хотя и обреченного на неудачу. В середине ноября, еще рассчитывая на отсрочку, но убедившись в том, что вопрос о действиях землевладельцев-офицеров в Польше поставлен совершенно практически, Огарев и написал свое замечательное письмо, проникнутое мыслью о чести русского революционного

имени, памятью о героическом примере декабристов и глубокой верой в конечную победу революции. Приняв решение за Герцена и за себя, он, не колеблясь, принял также моральную и политическую ответственность, деля ее с Потебней.

Вернувшись около 20 ноября из Лондона в Польшу, Потебня сразу же объехал многих членов Комитета русских офицеров в Польше и ознакомил их с воззваниями Огарева и Бакунина. В письме из Варшавы от 5/17 декабря 1862 г. Потебня сообщал Герцену: «Я только что возвратился... Я не могу вам писать теперь подробно о результате этой поездки, но вообще он оказался лучшим, нежели мы могли предполагать. События приближаются, работы слишком много у каждого, у меня в особенности; а между тем мое положение со дня на день становится труднее, за мной просто охотятся, и я не знаю, долго ли можно будет скрываться от них». Этот отрывок из письма Потебни привел после его гибели Огарев в статье «Надгробное слово», напечатанной в «Колоколе», л. 162, от 1 мая 1863 г. В статье приведена и последняя записочка Потебни, отправленная уже из лагеря Лангевича, — сражаясь в этом отряде, Потебня был убит. Исправляя неточность, вкравшуюся в статью, Огарев 15 мая, в следующем листе «Колокола», напечатал поправку, основываясь на материале польской «Народной газеты» (очевидно, «Gazeta narodowa»).

«Народная газета», — сообщается в этой поправке, — говорит, что А. Потебня, глава Комитета русских офицеров в Польше, погиб не при Песочной Скале (как сказано в «Колоколе»), а в известном ночном нападении на кладбище при Скале. Он находился при Лангевиче с важными поручениями. Во время сражения, несмотря на все просьбы и убеждения, он схватил косу, во главе колонны пошел в атаку и погиб, сраженный пулей в грудь. Смерть его, — прибавляет «Народная газета», — великая потеря. Человек чистейший и благороднейший, всей душой любивший свободу». Смерть помешала Потебне развернуть деятельность, к которой он призывал в своем воззвании «Офицерам русского войска от Комитета русских офицеров в Польше», напечатанном в л. 151 «Колокола» от 1 декабря 1862 г.

Огарев в своем «Надгробном слове» указывал, что подробный рассказ о деятельности Потебни в Польше был бы еще несвоевременным в печати, но заявлял тут же, что рассказ этот не пропадет для потомства, не пропадет для потомства и рассказ о «несчастном случае, разрушившем его отряд». «Много причин заставляют молчать, — пишет Огарев, — вы это поймете, друзья! юноши. Придет время — мы скажем, в летописях пропуска не останется». Однако в известном нам литературном наследии Герцена и Огарева подробного рассказа о Потебне нет. Не является им и цитированная страница из статьи Герцена, а также те отрывочные данные о Потебне, которые содержатся в главах «Былого и дум», посвященных польскому восстанию. Где же обещанный рассказ?

На этот вопрос пока мы ответа не имеем. Не существует также сколько-нибудь полной биографии Потебни. Единственное исследование, посвященное А. А. Потебне (С. Шкроб. «Жертва польского освобождения»), печаталось отдельными главами в журнале «Каторга и ссылка» — 1931, № 4; 1933, № 2 и 1934, № 2, но осталось неоконченным. Как раз наиболее важный период деятельности Потебни, с октября 1862 до марта 1863 г., в названной работе не освещен.

При каких обстоятельствах Герценом был получен бумажник Потебни — «petit portefeuille», как пишет Герцен, — с воззванием Огарева и Бакунина, — мы узнаем из письма Дж. Маццини к Н. А. Огаревой от 15 сентября 1865 г. Маццини писал своей корреспондентке: «...помните ли вы русскую фамилию Потебня? Ваши друзья знали и любили его, восхищались им; я тоже видел его, он вполне заслуживал этого. Он кончил свою жизнь, посвященную на пользу его родины — России, как известно, на поле битвы. Он пал во второй экспедиции рядом с Лангевичем <!> У Лангевича находятся его портфель, часы и несколько других вещей. Ради изложенной выше цели <в письме шла речь о сборе средств для посылки в Америку двух представителей международной организации Маццини. — Я. Ч.> он готов, — и верьте мне, с сожалением, потому что он любил Потебню, — передать их русским с письменным удостоверением. Он полагает, что сам Потебня признал бы правильным, чтобы оставшиеся после него вещи были употреблены на общее дело, за которое он умер. Не пожелают ли Герцен,

Долгоруков и члены Славянского клуба в Женеве приобрести эти реликвии? Не могут ли они положить ими начало своего рода русской ризнице?» («Архив Н. П. и Н. А. Огаревых». М., 1930, стр. 31; цитируем перевод с французского; перевод, несомненно, неточный; так, например, фраза: «Он пал во второй экспедиции рядом с Лангевичем» — явная ошибка перевода, так как Лангевич не был убит в бою).

Почему Маццини не обратился непосредственно к Герцену? Отношение Герцена к деятельности маццинистов было в это время более чем настроженным.

Мы не знаем подробностей посредничества Н. А. Тучковой-Огаревой между Маццини и Герценом. Повидимому, оно было успешным. По крайней мере, одна, самая ценная из реликвий — бумажник Потебни — в декабре 1865 г. поступил к Герцену. В эту пору он писал воспоминания о польских событиях 1863 г. и главу «Былого и дум» — «Бакунин и Польское дело». Документ, сохранившийся в бумажнике Потебни, оказался у него перед глазами.

ОБРАЩЕНИЯ ОГАРЕВА И БАКУНИНА К РЕВОЛЮЦИОННОМУ «КОМИТЕТУ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ» В ПОЛЬШЕ

Друзья!

С глубокой любовью и глубокой печалью проводили мы к вам вашего товарища; только тайная надежда, что *это* восстание будет отложено, сколько-нибудь успокаивает и за вашу участь и за судьбу *всего дела*.

Мы понимаем, что вам нельзя не примкнуть к польскому восстанию, какое бы оно ни было; вы искупите собой грех русского императорства; да сверх того оставить Польшу на побойние без всякого протеста со стороны русского войска также имело бы свою вредную сторону безмолвно-покорного безправственного участия Руси в петербургском палачестве.

Тем не менее ваше положение трагично и безвыходно. Шанса на успех мы никакого не видим. Даже если б Варшава на один месяц была свободна, то оказалось бы только, что вы заплатили долг своим участием в движении *национальной независимости*, но что воздвигнуть русского социального знамени *Земли и Воли* — Польше не дано, а вы слишком малочисленны.

При теперешнем преждевременном восстании Польша, очевидно, погибнет, а русское дело надолго потонет в чувстве народной ненависти, идущей в связь с преданностью царю, и воскреснет только после, долго после, когда ваш подвиг перейдет в такое же преданье, как 14 декабря, и взволнует умы поколения, теперь еще не зачатого.

Вывод отсюда ясен: отклоните восстание до лучшего *времени соединения сил*, отклоните его всем вашим влиянием на польский комитет и влиянием на само правительство, которое со страха еще может отложить несчастный набор, отклоните всеми средствами, от вас зависящими.

Если ваши усилия останутся бесплодными, тут больше делать нечего, как покориться судьбе и принять неизбежное мученичество, хотя бы его последствием был застой России на десятки лет. По крайней мере сберегите, по возможности, людей и силы, чтобы из несчастного проигранного боя оставались бы элементы для будущей отдаленной победы.

Если же вы успеете, и восстание будет отложено, тогда вы должны начертить себе твердую линию поведения и не уклоняться от нее.

Тогда вам надо иметь одно в виду — делать общее русское дело, а не исключительно польское. Составить целую неразрывную цепь тайного союза во всех войсках, во имя Земли и Воли и Земского собора, как сказано в вашем письме к русским офицерам. Для этого надо, чтоб русский офицерский комитет стал самобытно; поэтому центр его должен быть вне Польши. Вы должны вне себя организовать центр, которому сами подчинитесь; тогда вы будете командовать положением и поведете стройно организацию, которая придет к восстанию не во имя исключительно польской

национальности, а во имя Земли и Воли, и которая придет к восстанию не вследствие минутных потребностей, а тогда, когда все силы рассчитаны и успех несомнителен.

Для нас этот план так ясен, что вы не можете не сознавать того, что надо делать.

Добейтесь его, каких бы трудов оно ни стоило.

Н. О г а р е в

Друзья и братья! Строки, написанные другом нашим, Николаем Платоновичем Огаревым, проникнуты искреннею и бесконечною преданностью к великому делу нашего народного да и общеславянского освобождения. Нельзя не согласиться с ним, что общему мерному ходу славянского, и в особенности русского, поступательного движения преждевременное и частное восстание Польши грозит перерывом. Признаться надо, что при настоящем настроении России и целой Европы надежд на успех такого восстания слишком мало — и что поражение партии движения в Польше будет иметь непременно последствием временное торжество царского деспотизма в России. Но, с другой стороны, положение поляков до того невыносимо, что вряд ли у них станет надолго терпения. Само правительство гнусными мерами систематического и жестокого притеснения вызывает их, кажется, на восстание, отложить которое было бы по этому самому столько же нужно для Польши, как и необходимо для России. Отложение его до более дальнего срока было бы, без всякого сомнения, и для них и для нас спасительно. К этому вы должны устремить все усилия свои, не оскорбляя, однако, ни их священного права, ни их национального достоинства. Уговаривайте их, сколько можете и доколь обстоятельства позволяют, но, вместе с тем, не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми к решительной минуте, — и, когда, выведенные из последней меры и возможности терпения, наши несчастные польские братья встанут, встаньте и вы не против них, а за них, — встаньте во имя русской чести, во имя славянского долга, во имя русского народного дела с кликом: «Земля и Воля». И, если вам суждено погибнуть, сама погибель ваша послужит общему делу... А бог знает! Может быть, героический подвиг ваш, в противность всем расчетам холодного рассудка, неожиданно увенчается и успехом?..

Что ж до меня касается, что бы вас ни ожидало, успех или гибель, я надеюсь, что мне будет дано разделить вашу участь. Прощайте и, может быть, до скорого свидания.

М. Б а к у н и н

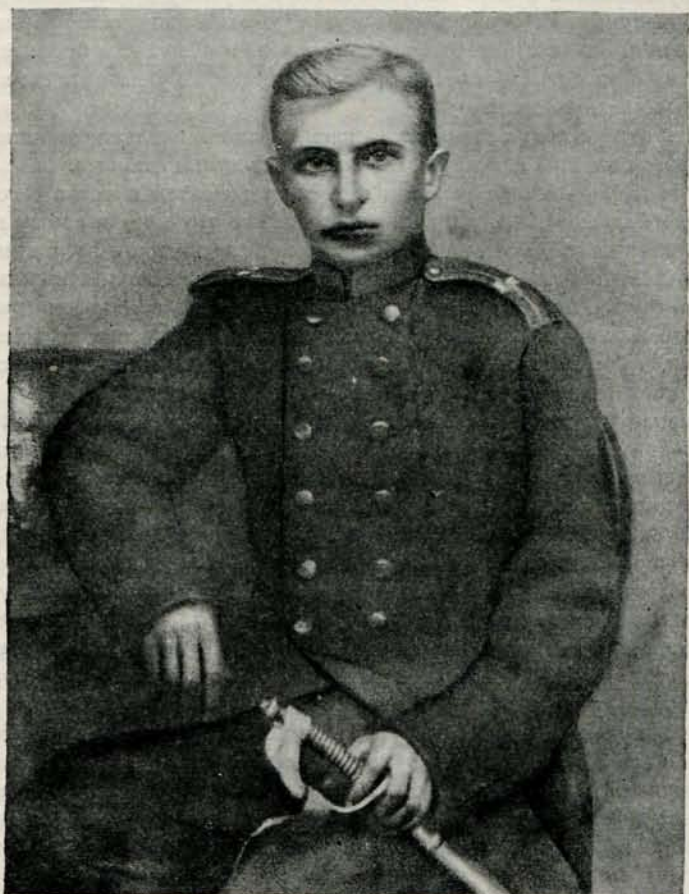
⟨Лондон. Ноябрь 1862 г.⟩

Подлинник. ЛБ, ф. Г. — О. I. 15. — Текст обращения Огарева написан посторонней рукой, автографична только подпись. Текст обращения Бакунина — автограф.

III. В ЗАЩИТУ ПИСАРЕВА

Две статьи, публикуемые ниже, воспроизводятся по рукописям, находящимся в «пражской коллекции». Статья «Старовоздвиженская философия» сохранилась в виде разрозненных листов, отрывков и черновых набросков, на основании которых, однако, удалось восстановить почти полный текст статьи. Вторая статья — «Благо есть место» — беловая рукопись.

Обе статьи посвящены полемике с реакционным критиком Николаем Соловьевым (1831—1874), подвизавшимся в журналах в качестве присяжного противника Чернышевского и Писарева, сперва на страницах «Отечественных записок» Краевского, а с 1867 г. — в только что основанном «Всемирном труде» Хана. Огарев полемизирует

А. А. ПОТЕБНЯ

С фотоотпечатка

Собрание С. И. Шкроба, Москва

«...Польская гроза приближалась больше и больше. Осенью 1862 явился на несколько дней в Лондон Потebня. Грустный, чистый, беззаветно отдавшийся урагану, он приезжал поговорить с нами от себя и от товарищей и, все-таки, идти своей дорогой» («Былое и думы», ч. VI, гл. XIII)

со статьей Н. Соловьева «Принципы жизни», напечатанной в первой же книжке «Всемирного труда», вышедшей в январе 1867 г.

Таким образом, год написания статей ясен — 1867. Полемика с Соловьевым предначалась для «Колокола» (это был последний год его издания на русском языке), но первая статья, оставшись неоконченной, напечатана не была. Заметка же «Благо есть место» опубликована в «Прибавочном листе к первому десятилетию „Колокола“» (стр. 14—15), выпущенном Огаревым 1 августа, через месяц после формальной приостановки издания. Заметка напечатана без подписи, в «Смеси»; в библиографических справочниках на принадлежность ее Огареву до сих пор не указывалось; в литературе заметку никто не использовал.

Установить точную дату написания каждой из статей вполне возможно; в письмах Огарева к Герцену за 1867 г. содержатся все необходимые данные.

В одном из писем Огарева находим следующее: «Читал и читал сегодня статью Соловьева, и чем больше читал, тем больше думаю, что это одно из самых вредных литературных произведений, которое бьет в руку правительству и реакции, ничуть не уясняя какого бы то ни было научного пути, а притязание на это имеет сильное. Старовоздвиженская философия! Она хочет отделить способность понимания (разум) от способности чувствования, т. е. разного рода страстей, которые она возводит в теорию нравственности, сердца и принципов — как будто может быть принцип вне понимания», («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 413—414).

При публикации цитируемое письмо ошибочно датировано Ю. А. Красовским: «осень 1865 г.» (с оговоркой «условно») и, соответственно, в примечаниях указана не та статья Соловьева, о которой в действительности идет речь в письме. Из сопоставления контекста письма Огарева с письмом Герцена к Н. А. Тучковой-Огаревой из Женевы от 25—26 апреля 1867 г. (XIX, 271 и 274—275) дата цитируемого письма устанавливается точно: 25 апреля 1867 г.; соответственно и определяется название статьи Соловьева — «Принципы жизни» — и *terminus ante quem* замысла публикуемой статьи Огарева «Старовоздвиженская философия». Точная дата написания заметки «Благо есть место» устанавливается по письмам Огарева от 24—25 июля (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 447—448). Огарев начал работу над заметкой 24-го, а закончил на другой день, 25 июля 1867 г.

Приехав 15 апреля 1867 г. в Женеву, Герцен познакомился здесь с журналом «Всемирный труд» и писал о нем 26 апреля Н. А. Тучковой-Огаревой: «Я постараюсь прислать новый журнал „Всемирный труд“. Прошу прочесть от доски до доски; там есть и посредственные вещи, но все вместе бросает огромный свет на современный хаос в петербургских головах. Катков бледнеет с каждым днем, а Скарятин растет» (XIX, 275).

Как и Огарев, Герцен увидел в новом журнале одно из проявлений реакции, свирепствовавшей в России в середине шестидесятых годов. Без сомнения, Герцен одобрял желание Огарева выступить против журнала, намеревавшегося объединить в своих рядах литературные силы антидемократического лагеря. Период «белого террора», последовавший за выстрелом Каракозова, закрытие «Современника» и «Русского слова», аресты и преследование молодежи, ренегатство либералов, растленные политические нравы реакционной печати, которые Герцен выразительно назвал «бешенством догосов», — все это в совокупности определяло ту почву, на которой возник новый печатный орган, начавший свою деятельность с опубликования статей, «бьющих в руку правительству и реакции». Огарев не преувеличивал степени вредности «Всемирного труда». Журнал подобрал осколки разбитых революционно-демократической критикой реакционных течений и групп. К сотрудничеству в издании были привлечены, в частности, старые антагонисты Чернышевского, сторонники теории «чистого искусства» — Е. Эдельсон и Н. Соловьев, идеолог самодержавия и православия М. Погодин, «антинигилистический» романист Вс. Крестовский и другие. Сотрудничество А. Н. Островского, поместившего в первом номере «Всемирного труда» драматическую хронику «Тушино», было случайным. Тем не менее несомненно, что резкое замечание Огарева относительно «Тушина» было отчасти вызвано досадой на то, что автор «Грозы» выступил в печати в такой не подходящей для него компании.

Статья Соловьева, с которой полемизировал Огарев, изобиловала выпадами против Писарева, только что выпущенного (в ноябре 1866 г.) из Петропавловской крепости и после закрытия «Русского слова» лишившегося своей главной журнальной трибуны.

Нападение Соловьева на Писарева привлекло особенное внимание Огарева. Сочувствием к материалистической проповеди Писарева, к пропаганде естественно-научных знаний, к мечте Писарева о том времени, когда «политика» превратится в столь же точную науку, как «астрономия... или... химия», проникнуто содержание обеих статей Огарева. Следует, однако, помнить, что «Колокол» по понятным причинам воздерживался от прямого и открытого одобрения печатных органов или писателей, находившихся в России, и тем более — от выражения солидарности с ними: похвала «Колокола» влекла за собой полицейские или цензурные преследования. Поэтому Огарев, упоминая Писарева в заметке «Благо есть место», ограничивается скудным замечанием, что не находит «ни малейшей бессмыслицы» в тех выписках из статей Писарева, которые приводит Н. Соловьев.

Ниже, в примечаниях к соответствующим местам текста статьи, мы приводим эти «выписки», сделанные Соловьевым в полемических целях. Здесь же отметим, что Огарев солидаризировался с одной из любимых идей Писарева — о грядущем превращении политики и социологии в точные науки. Правда, вместе с Писаревым, Огарев не понимает еще всей принципиальной глубины различия между «позитивизмом», выдвигавшим подобные идеи, и материализмом. Огарев еще не противопоставляет материализма позитивизму, хотя уже пишет в своих работах о «метафизичности», т. е. идеализме, Конта в понимании исторического процесса (см. «Частные письма об общем вопросе». Письмо второе. — «Колокол», л. 216 от 15 марта 1866 г.). А во второй из публикуемых нами статей — «Благо есть место...» — Огарев указывает еще на один порок позитивизма — на «отрицание возможности для человеческих способностей постановить какое бы то ни было начало мира», т. е. на агностицизм. Порок этот не кажется Огареву столь значительным потому, что противопоставить позитивизму тот не вполне развитый, не свободный от метафизичности материализм, на почве которого стоял сам Огарев, было невозможно, — оба течения действительно «родственны» (и реакционная критика этим широко пользовалась в целях дискредитации материалистической философии). Не владея методом диалектического материализма, нельзя было опровергнуть ни агностицизма, ни позитивизма. Но прогрессивность теоретического направления мысли Огарева не вызывает сомнений. Он видит *развитие* материализма и сопоставляет материализм XVIII века с новейшим развитием материалистического учения. Соответствие материализму XVIII века он усматривает в идеологии французской буржуазной революции, выдвинувшей лозунг «свободы, равенства и братства»; соответствие новейшему материализму — в идеалах социализма.

О том, что Огарев намеревался отстаивать не какие-либо единичные мысли Писарева, а весь комплекс его основных идей, свидетельствует текст статьи «Старовоздвиженская философия». В этой статье, являющейся своего рода дружественной переключкой с Писаревым, Огарев касается многих вопросов. Поле намечаемой полемики очень широко. Огарев защищает опытную науку, ее естественно-научный материализм, иронизирует над туманами абстрактной идеалистической мысли, берет под защиту «утилитаристов», защищает эстетику общественно-полезного искусства, борьбу прогрессивной науки против реакционной и т. п.

Самое заглавие статьи «Старовоздвиженская философия» дано Огаревым* в связи с широко задуманной им критикой идеализма сороковых годов. Идеализм присущ был, в частности, всей группе «молодой редакции» «Москвитянина». Эта группа воспринималась Огаревым как «наследница» консерватизма¹ и казенного патриотизма Погодина и Шевырева. Она пропагандировала теорию «чистого искусства», реакционно понимаемую «народность». Огарев хорошо знал Аполлона Григорьева, знал о том, что его идейным оруженосцем был Эдельсон. Встретив имена некоторых из них во «Всемирном труде», Огарев, естественно, связал с ними и незнакомого ему Н. Соловьева. Многие из названных литераторов сотрудничали в «Московском городском листке» — цитадели аксаковско-погодинских последышей. Поскольку редакция

«Листка» помещалась в *Старовоздвиженском переулке*, Огарев и окрестил их взгляды «старовоздвиженской философией».

Черновые рукописи, относящиеся к работе Огарева над статьей «Старовоздвиженская философия», хранятся, как мы говорили, в разрозненном виде. Листки рукописей рассеяны по разным делам, и потому собрать текст статьи было трудно. Однако, за исключением окончания статьи и небольшого отрывка в середине текста (несколько строк, 1—2 абзаца), нами воссоздан связно читаемый текст черновика.

По ходу работы Огарев бегло намечал цитаты из статьи Соловьева, подлежащие разбору, но сами цитаты не включены в текст черновика. Они лишь помечены начальными словами. В отдельных случаях Огарев ограничивался строкою точек, взятых в кавычки: это означало, что он намерен был вставить соответствующую цитату позже. Все эти пропуски восстановлены по журнальному тексту статьи Соловьева («Всемирный труд», 1867, № 1, стр. 137—177).

Значительную часть цитат удалось определить точно, в этих случаях они вставлены в текст в ломаных скобках. Другая часть, не столь точно определяемая, приводится в примечаниях.

1

СТАРОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

На дворе совершенный туман — серое облако проходит, все предметы перед глазами спутываются в безобразную неопределенность — нельзя различить горы от долины. Этот туман тем неприятнее действует на человека, что является в весеннюю пору возникновения юной жизни и невольно обдаёт впечатлением уродливой осени и замирания всего живого. А передо мной лежит январская книжка «Всемирного труда» и в ней статья г-на Николая Соловьева, под заглавием «Принципы жизни». Эта статья выдвигает философию старого идеализма, но по манере изложения в еще более туманном виде, еще большей спутанности понимания в облаках абстрактной мысли. Туман этой старовоздвиженской философии г-на Соловьева действует, по крайней мере, так же неприятно, как и простой туман, и я не могу воздержаться, чтоб не сказать о нем несколько слов.

Г-н Соловьев находит в современном обществе упадок вкуса. Я об этом спорить не стану. Но спорить я стану о причинах этого упадка вкуса. Г-н Соловьев находит их в отсутствии принципов, в особенности принципов нравственности и в стремлениях к научному позитивизму. Из его наблюдений можно было бы заключить, что вкус и <...> *

Но в наших жалобах на туман окажется большая разница: я стану жаловаться прямо на туман г-на Соловьева, а когда г-н Соловьев жалуется, то он не говорит прямо о ком и о чем он говорит, а говорит такими общими местами, что надо догадываться, о ком и о чем он хочет говорить, и эта догадка едва ли может удасться.

«Сколько проиграла наша журналистика, — говорит г-н Соловьев, — в гоньбе <за политическими целями, тогда как у нее под носом были цели, хоть и не столь видные, но зато глубже лежащие в обществе. Самый существенный вред, происшедший из этого стремления начинать всё с судьбы народов и никогда с семьи, детей и основных связей человеческих, это упадок вкуса к жизни, притупление чувства к изящному и отсутствие всякого критического движения. Через это множество авторов, которые бы в другое время или в другой стране проложили целые полосы в общественном развитии, остались почти непрочитанными: между ними и публикой не нашлось посредников, которые бы их оценили. Другие же, напротив, за свое верное служение тенденциям, были возвеличены без меры. А третьи,

* Далее отсутствует небольшой отрывок текста.

наконец, благодаря тому же упадку критики, врывались в литературу какими-то кирасирами и совершали самые невероятные подвиги. Будь над всеми этими публицистами и романистами критический, а не только полицейский, надзор они бы не стали так неистовствовать; а то ведь только „Искра“ и хихикала над ними, да и это-то хихиканье более служило им в виде поощрения» (стр. 140).>

Хотя бы автор сколько-нибудь объяснил — кто и что начинает с судьбы народов, а не с семьи, детей и основных связей человеческих, тогда, по крайней мере, можно было бы догадаться, о чем, собственно, автор хочет говорить, что он разумеет под основными связями, что под упадком вкуса к жизни (а это очень сомнительно, чтоб вкус к жизни так-таки и упал и, стало, заменился вкусом к смерти?). Если б автор объяснил, кто и что начинает с судьбы народов, можно было бы понять — кто не прочитан, кто без меры преувеличен, кто ворвался в литературу, как кирасир; но в том виде, в каком излагает свои наблюдения г-н Соловьев — большинство читателей совершенно лишено возможности понять, о ком и о чем он говорит с такой, по крайней мере, кавалергардской самоуверенностью.

Далее (и тут я должен отдать справедливость автору: тут он, по крайней мере, просто говорит не об упадке вкуса к жизни, а об упадке вкуса в искусстве), далее г-н Соловьев приписывает упадок вкуса борьбе гегелизма с нигилизмом, из которых первый, будто бы, заключал в себе «туман, стремление говорить языком, понятным только для себя и своих приятелей, и всячески избегать твердых пунктов мышления»¹ (направление, которое должно быть чрезвычайно симпатично г-ну Соловьеву), а второй будто бы «вертел перед гегелистами игрушками, взятыми из естествоведения — и те струсили». «Поэтому-то, — говорит г-н Соловьев, — когда ему приходилось говорить с нигилистами, он старался их бить на лягушке»².

Полно, так ли?

Я не спорю, что найдутся плохие писатели между гегелистами, так же как найдутся и нигилисты, которые запутались в собственных соображениях из-за * научной скороспелости. Но не со всеми же так называемыми нигилистами это случилось. Найдутся между ними и люди совершенно ясного понимания, которых г-н Соловьев, вероятно, не побил, а разве только раздавил несчастную лягушку, на которой стоял во время борьбы. К этому приводит даже его собственное заключение: <«И что бы ни говорили в пользу деятелей, сохранивших у нас и вкус, и знание, и уважение к науке, мы все-таки должны сознаться, что, когда дело дошло до борьбы, то они чуть было не были забыты, чтобы не сказать заплеваны: некоторые принялись уже говорить и нашим, и вашим; так что ответственность за временное торжество в нашей литературе отрицателей искусства лежит отчасти на них» (стр. 141).>

С кем же тут согласен г-н Соловьев, с гегелистами или с нигилистами? Для меня ясно, что он тут согласен с нигилистами. А уж как он впоследствии дошел до того, чтобы искусству (которого главное содержание все же красота) поставить в основание абстрактные принципы — этого я не знаю, это я после покажу, но объяснить не берусь, — как и всякие сами себе противоречащие выводы.

Но прежде чем мы доберемся до этого вывода г-на Соловьева, я должен указать на его другие посредствующие соображения.

Из того, что красота доказывается не логически, а физиологически, и что где красота — там конец абстракту, г-н Соловьев заключает: <«...как честь распространения у нас безвкусия и безобразия принадлежит прогрессистам, так напущением тумана, облекающего теперь все важнейшие вопросы жизни, мы обязаны, преимущественно, консерваторам.

* Далее зачеркнуто: действительного незнания науки.

Те и другие у нас не образовали в настоящем смысле партии. Вся разница между ними была основана на разности возрастов, заведений, где они воспитывались, а также и на непонимании значения прогресса и консерватизма. Многие, например, у нас под первым разумели род какого-то занятия или ремесла, а под последним простое толчение в ступе воды; <и, соображаясь с этими воззрениями, записывались либо в прогрессисты, либо в консерваторы и, становясь друг против друга>, сражались, как петухи» (стр. 141—142).

Кто же это в прогрессе видел ремесло, а в консерватизме толчение в ступе воды? Я не защитник консерваторов, но все же считаю, что едва ли между ними найдутся люди, которые в своих мнениях видят толчение в ступе воды, а не просто поддержание старых условий общественных отношений, для них практически выгодных. Что это своекорыстное дело вредно и безнравственно, об этом я не спорю; от этого-то и не могу приравнять его толчению воды в ступе, а вижу в нем влияние, противное народному развитию.

«Между тем, — продолжает г-н Соловьев, <— одно простое объяснение этих слов уничтожает даже возможность борьбы на таком основании. Прогресс и консерватизм есть два элемента, совершенно равноценные; они свойственны не только человеческой жизни, но и всей вообще природе» (стр. 142).» *

Итак прогрессу и консерватизму нечего и сражаться, потому что «во всяком живом органическом существе мы видим два противоположные начала — вечное постоянство и вечную изменяемость. Произойдет ли пертурбация в законах (т. е. в вечном постоянстве) или задержка в мене материи (т. е. в вечной изменяемости), органическое существо непременно впадет в патологическое состояние» ⁴.

Да, действительно, игрушка из естествоведения, которую вертит г-н Соловьев перед глазами читателей, построена даже не то чтоб на лягушке, а совершенно на замене определенности понятий пустотою слов.

Во всяком живом органическом существе мы найдем, положим, два начала, но не противоположные, а совпадающие, лучше сказать до такой степени нераздельные, что едва ли не придется просто заключить о их единстве: это начало типа, породы и потом явления индивидуальной жизни, где собственно патологические явления никогда не окажутся ни пертурбацией общих законов типического организма (больной человек останется больным человеком, а больная лягушка — больной лягушкой) и никогда не окажутся задержкой мены материи, а только развитием этой мены материи под известными условиями (мы даже найдем патологические явления, где мена материи совершается гораздо быстрее, чем в здоровом положении организма, напр., во всех эпидемиях, во всех болезнях разложения). Пертурбации болезни мы можем принимать за пертурбации относительно здоровья и отсутствия страдания, но никогда не можем принять за пертурбации общих законов природы и жизни, в пределах которых болезненные явления совершаются точно так же, как и самая смерть.

Из всех физиологических и патологических явлений жизни, из продолжения и видоизменения типов, под многоразличными условиями столкновений, колебаний, помесей и т. д. — мы можем заключить о постоянном

* После начатой, но незаконченной выписки цитаты из Соловьева следует зачеркнутый Огаревым абзац:

[Мимоходом здесь замечу, что из прогрессивных экспериментов над Святогором-богатырем мне помнятся воскресные школы, о которых я никакого обвинительного акта не могу вывести; а из непрогрессивных экспериментов мне всего памятнее бездннское дело, а победа над падениями, столкновениями лбов и отчаянными salto-mortale, если все это найдется — всего больше на стороне Министерства внутренних дел и III Отделения, о вечных принципах нравственности которых едва ли возрадуется какой-нибудь здравомыслящий человек!].

присутствии жизни, потому что природа не может исчезнуть; можем заключить, что все названия на человеческом языке, как то: мир, природа, жизнь, движение — равнозначительны и часто употребляются нами одно вместо другого; можем заключить, что из наблюдений над природой, жизнью, движением мы понимаем, отмечаем способы, процесс, по которому совершается эта жизнь, это движение, приводим наше понимание в надлежащие формулы, надлежащие выражения; эти-то выражения процесса движения и жизни мы и называем общими законами природы, общими мировыми законами; но все же не имеем ни права, ни нужды заключать о существовании каких-то особых, отдельных, предположенных принципов жизни, в жизни проявляющихся, как думал покойный идеализм и думает воздвигающий его г-н Соловьев.

И как легко воображению создать эти принципы! Тут не над чем поработать, все так и выйдет, как из-под жезла чародея. Принцип жизни, принцип земли, принцип моря, принцип растительности, принцип животности, принцип человечества, принцип нравственности — и все явления так и вытекают из своих принципов, так и создаются по своему абстрактному началу. Только, к сожалению, это объяснение ничего не объясняет и для действительности не нужно.

В обществе, говорит г-н Соловьев, «также есть своего рода законы, называемые принципами жизни, и вечное непрерывное движение, выражающееся меною возрастов, мнений, лиц, поколений и т. д.»⁵

Об этом движении, об этой мене возрастов, поколений, мнений, об том, что обыкновенно называют историей рода человеческого или хотя бы отдельного народа — я и не спорю, оно существует в действительности. В развитии этого движения мы именно и ищем законы исторической жизни, т. е. определения процесса этого развития, этого движения, идущего своим, роду человеческому свойственным, ходом, где одинакие причины ведут к одинаким последствиям, подобные обстоятельства к подобным результатам и новые прорастающие мнения и обстоятельства приводят к новым общественным отношениям.

Но где же помимо этого движения своего рода предположенные законы, будто бы называемые принципами жизни? Если г-ну Соловьеву угодно законы человеческого движения, исторического развития называть...⁶

<Женева, после 25 апреля 1867 г.>

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38, лл. 35—36; ед. хр. 44, лл. 105—108, ед. хр. 29, лл. 41—49.

¹ См. «Всемирный труд», 1867, стр. 141.

² Там же.

³ Зачеркнутый Огаревым абзац намечал полемику со следующими утверждениями Соловьева: «Без сбережения их [основ.— Я. Ч.] никакое поступательное движение невозможно, и весь наш прогресс окажется мыльным пузырем. Это именно и случилось у нас, когда все стали говорить только о скорейшей мене лиц, о быстрейшем переходе из одного возраста в другой и от старых мнений к мнениям новым и новейшим. Люди, действительно, сначала стали через это скорее жить, и все пришло в быстрое движение. Юноши пустились вшапуски и без оглядки, девицы, подобравши свои юбочки и думая, что они играют в горелки, бросились за ними вдогонку; старики, разумеется, отстали, а о детях и совсем забыли; народ же, этот непробудившийся и уже почуявший свои силы Святогор-богатырь, чуть было не подвергся разным экспериментам. Движение, впрочем, вскоре потеряло свою стройность, перешло в беспорядочный бег, произошли падения, столкновения лбами и наконец заключились самым отчаянным *salto-mortale*».

⁴ Цитируемый текст см. в журнале «Всемирный труд», 1867, № 1, стр. 142. Обе фразы в круглых скобках вставлены Огаревым.

⁵ См. журнальный текст, стр. 142.

⁶ Текст обрывается на середине фразы. Можно, следовательно, предполагать, что имелось продолжение. Однако разыскать его не удалось.

БЛАГО ЕСТЬ МЕСТО

Благо есть место — мы хотим заглянуть в некоторые недавние, но не безвредные явления в русской литературе. Напр<имер>, вот январская книжка «Всемирного труда». Между прочим в ней статья о «Принципах жизни» Николая Соловьева. Автору хотелось поговорить обо всем, а между тем читаешь, читаешь и не скоро доберешься, что такое и о чем именно говорит автор, пока, наконец, не наткнешься на то, что все его усилия направлены против материализма, позитивизма, утилитаризма и ради вызвания на свет из старых кладовых ничем не объяснимого идеализма. Начинается статья будто бы рассуждением об упадке вкуса — и тут решительно нельзя доискаться, о чем именно идет речь. А ведь как бы легко было автору доказать упадок вкуса в русской литературе, — стоило только привести в пример в той же январской книжке «Всемирного труда» напечатанную драматическую хронику в стихах Островского¹ — и больше упадка вкуса искать было бы нечего.

Но мы перейдем от рассуждения г-на Соловьева о чем-то к его настоящей цели, которая заключается в восстановлении теории принципов жизни, но выражается таким образом:

«Принципы *есть* более или менее формулированные законы нравственного мира. Их можно скорее уподобить *заповеди*, ясно и определенно выраженный *афоризм*; но с теорией их смешивать нельзя»².

Конечно, их нельзя смешивать с той теорией, которая ставит себе задачей — из наблюдаемых фактов вывести свойства, законы целого ряда мировых явлений или явлений отдельного рода. Такая теория — собственно наука, которая *приводит результаты* наблюдений к человеческому сознанию и объясняет их связь и целость. Но это не доказывает, чтобы предположение где-то самих по себе существующих принципов нравственного мира — не составляло не научной, а самой заоблачной теории. Разве на одно мы можем согласиться, что это предположение скорее можно назвать фантазией, чем теорией — может быть!

«Отвергать идеализм», — говорит автор принципов, — «это то же, что проповедовать сенсуализм: сенсуализм есть не что иное, как материализм, *оставшийся наедине сам с собою*»³.

Что такое значит *материализм наедине сам с собою*? Этого, конечно, не поймет ни один человек с здравым смыслом. Но что поймет каждый добросовестный человек — это то, что автор принципов никогда не изучал материалистов ни прошлого, ни нынешнего столетия; иначе он увидел бы, что материалисты были совершенно далеки от того сенсуализма, который совпадает с развратом и на который именно старается намекнуть автор принципов.

Если позитивизм в чем разнится от материализма, — это в отрицании возможности для человеческих способностей постановить какое бы то ни было начало мира, и потому позитивизм не ищет его даже в *веществе* (*matière*, откуда и название материализма). Но развитие того и другого учения естественно совпадает, потому что ищут основы самой истории рода человеческого в физиологических законах человеческого организма и, пожалуй, в самих механических законах природы. Не должен же г. Соловьев забывать, что материализм прошлого столетия, если и отверг предсуществующие принципы, то дошел до того нравственного результата общественности, который поставил своим знаменем: свободу, равенство и братство. Из этого переход к *социализму* является естественным историческим последствием.

Автор принципов воюет не только против материализма, но и против позитивизма и против социализма, не понимая ни того, ни другого, ни

третьего. Иначе он никогда не нашел бы в них отрицания гармонии, музыки или вообще искусства. Если они не выводили существования искусства из *принципов*, то они всегда признавали его существование, как один из результатов отношения законов природы и человеческой деятельности. Утилитаризм, может быть, не говорил об искусстве, потому что преследовал другую задачу, но и он никогда не отвергал его.

Иногда кажется, что г. Соловьев пишет исключительно против «Русского слова», но приводит выписки из статей г. Писарева ⁴, в которых нет ни малейшей бессмыслицы, хотя г. Соловьев и хочет выказать их с этой стороны.

К сожалению, мы не имеем прежних статей автора принципов, иначе — и если ему угодно — мы были бы готовы вступить в подробную полемику ⁵, потому что мы находим его направление, как чрезвычайно ретроградное, *нравственно опасным для русского развития* ⁶.

ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 38.

¹ Драматическая хроника в стихах — «Тушино» А. Н. Островского напечатана на стр. 1—92 журнала. Отзывы Огарева о творчестве Островского были большею частью одобрительными и сочувственными. См., например, отзыв в письме к брату драматурга, М. Н. Островскому, от 13 июля 1853 г. — сборник «Звенья», т. VI, 1936, стр. 369.

² «Всемирный труд», 1867, № 1, стр. 146.

³ Там же, стр. 147. — Воспроизведенную Огаревым цитату Соловьев в тексте статьи сопровождает указанием, что слова эти взяты из его же статьи «Разлад», напечатанной в журнале «Эпоха», 1865, кн. 2 (февраль).

⁴ «Выписки из статьи г. Писарева», о которых говорит Огарев, находятся на стр. 149—150 журнального текста статьи Соловьева и представляют собой отчасти изложение, отчасти цитирование начала статьи Писарева «Исторические идеи Огюста Конта». Крайне недобросовестно и неряшливо, намеренно искажая и опошляя высказывания Писарева, Соловьев приводит более или менее текстуально (т. е. с небольшими искажениями) только две цитаты из указанной статьи (впрочем, так ее и не назвав):

а) «Конт полагал, что политические нелепости и неблагоприятности его времени будут продолжаться до тех пор, пока политика не превратится в науку, — в такую же точную и положительную науку, в какую превратилась, например, астрономия со времен Коперника, Кеплера и Ньютона или химия со времен Пристли и Лавоазье» (Д. И. П и с а р е в. Собр. соч. в шести томах, т. V, изд. 3. СПб., 1901, стр. 305).

б) «Если бы философствующим историкам было какое-нибудь дело до космических законов, до человеческого организма и до рациональных методов научного исследования, то они понимали бы очень хорошо, что им невозможно обойтись ни без физиологии, ни без химии, ни даже без дифференциального исчисления» (там же, стр. 306).

«О незабвенный Писарев! Да ведь этим последним открытием <...> не воспользовались еще и в физиологии...», — иронически заключает Соловьев («Всемирный труд», 1867, № 1, стр. 150). На эти усилия Соловьева доказать нелепость «мечтаний» Писарева и отвечает Огарев.

⁵ Предложение Огарева «вступить в подробную полемику» с Соловьевым вызвало любопытную реакцию со стороны одного из читателей «Колокола». Лицо, подписавшееся А. Новосветин, адресовало в августе 1867 г. в редакцию «Колокола» подробное письмо, доказывавшее, что статьи Н. Соловьева никто не читает, что бороться с ним не стоит и т. д. (см. ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 128). Письмо публикуется в следующем томе «Лит. наследства».

⁶ В «Колоколе», в отделе «Смесь», заметка была напечатана со следующим окончанием: «Кстати, из новых французских изданий мы рекомендуем нашим читателям „Revue“, выходящую раз в неделю (1 лист по 10 сантимов), под заглавием „La pensée nouvelle“». Журнал, о котором говорит Огарев, начал выходить в Париже 19 мая 1867 г., сменив закрытый еженедельник «La libre pensée». Огарев живо заинтересовался органом, который вел настойчивую научно-философскую антиклерикальную пропаганду и потому подвергался преследованиям со стороны французских властей. Его отзывы об этом издании см. в письмах к Герцену от 23 и 24 июля, от 5 и 7 августа 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 447, 448, 455, 457). Герцен отвечал в письме от 3 сентября 1867 г.: «„Новую мысль“ я читал; мило, умно, свежо, но всё же studentmässig <по-студенчески>...» (XX, 3).

Наиболее часто на страницах «Новой мысли» выступали Андре Лефевр, Поль Лаккомб и Шарль Летурно. Кроме упомянутых, также и Луи Асселин, Огюст Кудеро, Ив Гиго и Абель Деру. Отметим, что в январе 1869 г. (№ 38) в журнале была напечатана (в переводе Ш. Летурно, с итальянского) статья А. А. Герцена «Ce qui cause

l'illusion du libre arbitre» («Что порождает иллюзию свободы воли»), представляющая собой, как указывается в редакционном примечании, экстракт из замечательного труда доктора Александра Герцена — физиологического исследования воли, осуществленного при содействии физиологической лаборатории во Флоренции и изданного в Милане.

IV. К ИСТОРИИ «НЕЧАЕВСКОГО» «КОЛОКОЛА»

При изучении так называемой *нечаевской эпопеи* — весьма сложного эпизода в истории русского революционного движения конца шестидесятых годов — исследователь встречается со многими трудностями. Система искусственных «тайн» и преувеличенной конспирации, заведенная Нечаевым; посеянные им (совместно с Бакуниным) среди пресловутых «агентов русского дела» семена лжи и мистификации в такой степени запутали историю «революционной попытки» 1869—1870 гг., что и в настоящее время ее еще не удалось распутать. В частности, до недавнего времени в литературе не существовало сколько-нибудь полных и обоснованных ответов на следующие вопросы: во-первых, кто был автором тридцати с лишком анонимных листовок, воззваний, прокламаций, брошюр, выпущенных женевской типографией между апрелем 1869 и апрелем 1870 г. и разосланных по России так называемой «нечаевской организацией», во-вторых, кто был фактическим редактором так называемого «нечаевского» «Колокола», возобновленного через два с половиной месяца после смерти Герцена и выпускавшегося всего пять недель — со 2 апреля по 9 мая 1870 г.

Первый вопрос был изучен в работах и публикациях Е. Н. Кушевой и Б. П. Козьмина, напечатанных в 1941 г. в «Лит. наследстве» (тт. 39-40 и 41-42). Ныне изучение этого вопроса существенно дополняется материалами, помещаемыми нами в разделе «Агитационно-сатирические произведения». Общий ответ на первый вопрос таков: около двух третей всех пропагандистских и агитационных изданий 1869—1870 гг. написано или составлено Огаревым.

Второй вопрос был рассмотрен Б. П. Козьминым в работе «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“», напечатанной также в 1941 г. в «Лит. наследстве», т. 41-42. Перечислив появившиеся в «Колоколе» в 1870 г. три статьи Огарева, подписанные его именем, и приведя текст краткого обращения Огарева к «новой редакции», опубликованного в № 1 «Колокола», Б. П. Козьмин пишет: «Было ли им (Огаревым) напечатано еще что-нибудь без подписи, неизвестно. Несомненно, однако, что роль Огарева не ограничивалась простым сотрудничеством. Он принимал участие и в редактировании „Колокола“» (там же, стр. 36).

Для ответа на вопрос об участии Огарева в редактировании «Колокола» необходимо подвергнуть рассмотрению все анонимные статьи, напечатанные в этом издании, поскольку не установлена принадлежность их другим авторам.

Прежде всего, надо рассмотреть шесть передовых редакционных статей. В настоящей работе мы не можем ставить перед собой этой задачи в полном объеме. Остановимся только на анализе той статьи, текст которой мы публикуем.

Статья под названием «Империя» (она представляет собой, в сущности, только начало статьи — текст заканчивался указанием «продолжение будет») напечатана в качестве «передовой» в последнем, шестом, номере возобновленного «Колокола», вышедшем из печати 9 мая 1870 г. В «пражской коллекции» нами обнаружена огаревская автографическая рукопись этой статьи, содержащая текст, вполне идентичный с печатным. Тем самым документально устанавливается принадлежность Огареву одной из шести передовых статей, определявших направление «нечаевского» «Колокола».

* * *

В статье «Империя», сохранившаяся часть которой воспроизводится нами по печатному тексту, сверенному с автографом «пражской коллекции», Огарев развивает положения, провозглашенные в первых номерах возобновленного «Колокола». В «передовой» № 2 читаем:

«Силы должны быть сконцентрированы и направлены на одну точку.

Эта точка — империя.

Борьба с абсолютизмом и победа над ним — это первый шаг <на> пути всех желающих выйти из-под гнета существующего порядка» (№ 2 от 9 апреля 1870 г., стр. 2).

В «передовой» № 3 — «От редакции» — это положение развито и конкретизировано. В статье доказывается необходимость объединения всех сил, противостоящих самодержавию. «...в истории, — пишет автор, — мы видим множество примеров, указывающих, как долго может держаться самое бестактное, самое бессмысленное правительство, если общество при этом разьединено и волнующиеся умы долго не приходят к сознанию необходимости единодушного совместного действия» (№ 3, от 16 апреля 1870 г., стр. 1). Из этого наблюдения сделан следующий вывод: «Как невозможна удача какого-либо частного местного восстания, когда оно не находит себе отклика в других местах, так же неосуществима деятельность одного сословия или одного исключительного направления, во имя свободы, в стране, задавленной деспотизмом» (там же, стр. 2).

Даже «передовая» № 4, вызывающая своими противоречиями недоумение исследователей (см., например, в статье Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве», т. 41-42, стр. 37—38), заключала в себе тот же тезис. Доказывая, что деятельность такого «революционного государственного патриота», как Д. А. Милютин, «который возвысил, можно сказать, политическое могущество империи», не была и не могла быть должным образом оценена императорской властью, автор «передовой» пишет: «...надо теперь иметь слишком ограниченные умственные способности, чтоб ждать от *этого* правительства, от *этого* государства и от *этой* династии не только конституции, но даже самых умеренных либеральных реформ. Настоящий порядок способен не к улучшениям, а только к ухудшениям. Кто хочет общественного благосостояния, просвещения, свободы, тот должен его не поправлять, а ломать, чтоб поставить совершенно новый» (№ 4, от 25 апреля 1870 г., стр. 3).

В «передовой» № 5 — «Опоры абсолютизма» — утверждалось, что, «представляя полнейшее выражение противообщественных и противонациональных желаний», абсолютизм в России опирается только на полицию и войско, т. е. на насилие. Силе необходимо противопоставить силу, а создать ее можно только объединившись.

Наконец, в качестве «передовой» № 6 была напечатана публикуемая нами статья «Империя», в которой Огарев обобщает все приведенные выше высказывания. В этой статье он попытался охарактеризовать императорский режим как насилие над национальностями, входящими в состав империи; по его определению, империя есть «соединение несоединяемых под одну власть». Подвергая критике самодержавный гнет в Австрии и Турции, Огарев сопоставляет с ними российский самодержавие. Огарев придает при этом намеренно упрощенную форму своему рассуждению о «королевствах», «царствах», «империях» — потому, главным образом, что перед ним стояла вполне практическая, а не теоретическая задача — пропагандировать необходимость немедленного низвержения императорской власти в России.

Но, конечно, не случайно возникает в его статье упоминание «всобще государства» — как источника национального гнета: здесь сказалось влияние на Огарева, в этот период, Бакунина.

О «Российской империи» Огарев в публикуемой части статьи успел сказать немного. Но ради этого немногого и следует обратить внимание читателей на эту статью. Полное крушение попыток «императорского освобождения», о котором он говорит, и доказательство той истины, что «императорству никакое действительное освобождение не по вкусу и невозможно», что «освободиться народы могут только сами своим пониманием и движением», выражали важный момент в развитии политических взглядов и деятельности Огарева. Деятельность его ознаменовалась вскоре, летом 1870 г., разрывом с Нечаевым. Кроме того, мы знаем, что Огарев в тот же период подвергал критике свои собственные и Герцена либеральные ошибки. В статье «Памяти Герцена» Огарев, касаясь своей и Герцена деятельности в лондонский период эмиграции, писал:

«Характерной чертой нашего „Колокола“ были некоторые надежды на правительство. Вообще, развитие человека идет тугим путем опыта и только через него приходит к пониманию действительной правды. Нынешнее царствование и доказало нам путем опыта, что царская власть не может дать действительного освобождения, что это осво-

бождение всегда оказывается ложью и что самый испуг перед своими затеянными реформами неминуемо ведет правительство к самым постыдным реакциям» («Колокол» № 3, от 16 апреля 1870 г., стр. 6).

Таков был конечный вывод Огарева: не путем реформы, а путем революции можно привести «империю» к полному преобразованию. Потому-то рядом со статьей «Империя» и напечатал он свое последнее выступление в русской печати: «Сплотимтесь дружно!» — статью, призывавшую к образованию тайного революционного общества.

ИМПЕРИЯ

По-французски произносится: *Empire*.

«Что такое империя?» — спросил меня один знакомый. — «Это соединение несоединяемых под одну власть», — отвечал я.

Вот это-то я и хочу доказать.

Вообще все империи, начиная с самой древности, образовались посредством завоевания различных племен под властью одного племени; а племя это повиновалось одному повелителю (императору). Может ли человек, который смотрит на свои приказы, как на нечто, не терпящее возражения, — может ли такой человек народами, чьего языка он даже не понимает, распоряжаться иначе, как не во вред этим народам? Дело едва ли возможное. Даже едва ли возможно, чтобы подобный повелитель распоряжался своим племенем не во вред этому племени и не во благо себе лично!

Королевства (по-русски царства) составились на таком же подобии, как и империи, т. е. на завоевании различных племен под власть одного племени, которым распоряжался один человек (король) — и отношение выходит одинаково. Так, в древности Македония называлась королевством, а Рим — империей; а разницы в основаниях никакой нет: завоевание да завоевание, захват да захват, покорение да покорение — и только. Разница в языке имперском, царском или королевском состоит только в разнице языка латинского и других языков. А это еще не важность! Император — слово латинское, остальные слова — национальные, а удобность одна и та же, только что империя обыкновенно бывает пошире. А что ж в этом лучшего? — Ничего нет. Вот и всё. Стало, королевство, царство, империя, вообще государство — всё равно предательство низшего высшему, и больше ничего.

Теперь мы и усмотрим в существующих властях, что они составляют предательство простого народа — дворянам, помещикам, капиталистам, вообще всем людям, закабаленным власти; а дальше власть хотя бы и хотела двигаться — не может. На этом, на предательстве, она и останавливается. Иначе или пришлось бы разрушить самое себя, или поморить народ.

Какие бы мы ни взяли империи для примера (так как мы с самого начала хотели исключительно говорить об империи), везде мы найдем одно и то же и невозможность вести прогресс дальше.

Начнем хотя с Китайской империи, справляющей свое назначение всего разумнее — за стеною; обогнем хотя весь земной шар (я французской империи зацеплять не хочу, она слишком близка к Швейцарии), а потом зацепим Австрию и переберемся к России; всё найдем одно и то же: завоевание, предательство народа закабаленным служилым его величества и невозможность успеха при таком правительстве.

Австрия соединила под свою власть венгерские и славянские племена. Что же из этого вышло? Совершенное порабощение племен и предательство простого народа местному дворянству. Выйти из этой организации рабства австрийскому императорству невозможно, не разрушив самого себя или не покорив народов. Так оно по силе вещей и остается не менее неподвижно, чем Китай за стеной, и успех делается невозможностью.

То же мы найдем и в Турецкой империи, с немаловажной прибавкой восточных нравов, не смягченных ни наукой, ни даже христианством. Впрочем, разница не так огромна: если на Востоке женщина остается затворенной рабыней, то у нас она остается базарным товаром.

Но теперь мы поспешим переплыть Дунай и перейти к Российской империи.

Самыми разнокалиберными племенами усеяно громадное пространство земли от Балтийского моря до Восточного океана и от Черного моря до Ледовитого *. Племена исповедуют самые разнокалиберные религии и говорят особыми языками. Правительство допускает это по силе вещей, но мешать каждому особому племени и вмешиваться по-своему в его дела — любит. Поэтому империя собственно и составляет давление правительства на народы, искусственное соединение долей враждебных племен под одну лапу. Для этого оно должно было ввести организацию сословную, где чиновничество, переливающееся в барство, могло бы заправлять народами по правительственным указаниям; это тотчас и произвело организацию рабства. После николаевского усиленного закрепощения нынешнему правительству захотелось попробовать явиться перед целым миром освободителем народа. Имя это Александр II на себя принял, но народа действительно освободить не мог по очень простой причине, потому что императорству никакое действительное освобождение не по вкусу и невозможно, как невозможно жажда саморазрушения. Освободиться народы могут только сами, своим пониманием и движением. Благодеяние имеет цель только самохвальную, а не народную. Так оно на этот раз и вышло: много говорили о свободе народа, о свободе цензуры, о новом судопроизводстве; окончательно выходит — закабаление народа податями тому же чиновничеству, подобная же не-свобода двигаться с места, постепенное приращение нового цензурного давления, постепенное ухищрение нового судопроизводства в старое взяточничество. Что же мы из этого нагреем? — По-нашему, мы нагреем только народное восстание, которое одно способно освободить народ.

⟨Женева. Конец апреля — начало мая 1870 г.⟩

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38, лл. 27—31 и печатный текст «Колокола», № 6, 9 мая 1870 г., стр. 1—2.

V. ЗАМЕТКИ И НАБРОСКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1. Диктаториат. 2. «Инструкция о порядке отсылки прокламаций...». 3. «Проект районирования революционных организаций». 4. «Программа письма к Комитету «Земли и Воли» (или список вопросов для устного обсуждения)». 5. «Заметка против Каткова и Леонтьева с поправкой Герцена». 6. «Из черновых рукописей к статье «Частные письма об общем вопросе»». 7. «О статье «Продажа имений в Западном крае»». 8. «Об «Организации» Н. А. Ишутина и его кружке». 9. «Примечание, не включенное в печатный текст «Частных писем об общем вопросе»». 10. «Из черновых рукописей к «Частным» письмам об общем вопросе». 11. «О пропагандистских земледельческих коммунах». 12. «Примечание к статье «Памяти Герцена»». 13. «Отрывок из статьи «Сплотимтесь дружно», в неизвестной редакции». 14. «Две программы несостоявшегося журнала 1870 г.». 15. «Письмо в редакцию «Suisse radicale»»

1

ДИКТАТОРИАТ

Наполеон I явился во Франции единогосударственной (unité de l'état). Если войско и примет участие в русской революции (чего обычно боятся свобододолюбы), то областные интересы помешают явлению диктатора-императора. Дело идет на самобытность областей. Замечательно, что при условии областной самобытности императорство не вырасталось. Ни

* Около 394 926 кв. миль и с лишком 75 000 000 жителей.— *Примеч. Огарева.*

Вашингтон, ни даже Кромвель (которому больше того хотелось бы) не ударился в абсолютную власть, в самодержавие. Кромвелю один шотландский пуританизм помешал бы; довольно было и этой помехи, чтобы не выпереть в самодержавие. Местные тирании также невозможны в России по противуположной причине: по интересу федерации, которой необходимость будет чувствительна для всех масс. Италия была жертвой местных тираний, но именно оттого, что, несмотря на единство породы (национальность), областные интересы оставались городскими, сами по себе, и интерес федерации не возбуждался никогда. Даже Mazzini прыгнул à la française к идее unité государства, а не на федерацию.

⟨Ноябрь 1862 г.⟩

ЛБ. Г.— О. VI. 27. Зап. книжка, № 9, лл. 117—118.

Записная книжка, из которой извлечена публикуемая заметка, озаглавлена Огаревым «Дневник и черновые стихи 1862». Значительное большинство помещенных в этой книжке записей датировано, и все они, как прозаические, так и стихотворные, посвящены политическим темам. Книжка начинается 31 мая «Теоретическими заметками» и заканчивается в ноябре 1862 г. заметками о проекте судебной реформы. Заметка «Диктаториат» помещается недалеко от конца: оглавление — л. 126, «Диктаториат» — лл. 117—118. Публикуемой заметке предшествуют: поэма «Странник» (лл. 98—111), датированная 17 сентября; эпиграмма на Каткова и Чичерина: «Что за год бесчеловечий» (л. 112; дата — ноябрь 1862 г. — устанавливается сопоставлением со временем выхода в свет книги Чичерина «Несколько современных вопросов»—СХV, 565—566) и, наконец, заметка «Религия и наука» (лл. 113—116), не поддающаяся точной датировке. Таким образом, заметку «Диктаториат», помещенную после всех перечисленных записей, следует датировать ноябрем 1862 г.

В заметке «Диктаториат» отразился, как можно предполагать, один из моментов в развитии деятельности общества «Земля и Воля». Именно в это время среди руководителей общества в Петербурге, в Варшаве, в эмиграции ставились и обсуждались многие вопросы, связанные с ожидавшимся восстанием в России и в Польше. Запись Огарева свидетельствует, возможно, о том, что обсуждению подвергался и вопрос о военно-революционной диктатуре.

2

⟨ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ОТСЫЛКИ ПРОКЛАМАЦИЙ И ДРУГИХ ИЗДАНИЙ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» В ПОЛЬШУ И РОССИЮ⟩

Рукой А. А. Слепцова ⟨?⟩:

При извещении из Польши о возможности пересылки отправить:

1) Солд⟨атских⟩ песен	250 экз.
2) Солд⟨атских⟩ проklam⟨аций⟩	1500 экз.
3) Офиц⟨ерских⟩ прок⟨ламаций⟩	1000 экз.
4) Крест⟨ьянских⟩ прок⟨ламаций⟩	2000 экз.
5) Квитанц⟨ий⟩	5000 ном⟨еров⟩
6) Полномочий	$\frac{1}{3}$ всего кол⟨ичества⟩
7) Печати	

Разложить в сколько угодно пакетов, из которых в 1-ый [и 2-ой] должны войти:

Солд⟨атских⟩ песен	100 экз.
Солд⟨атских⟩ прок⟨ламаций⟩	750 экз.

и записка следующего содержания:

«Остальные пакеты сохранить для пересылки в Россию».

2-го номера не выставлять

Кому изданы: 1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

1) 100 экз. 2) 100 экз. 3) 100 экз. 4) 100 экз. 5) 100 экз. 6) 100 экз.

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

Учред. Комитет

ИНСТРУКЦИЯ О ПОРЯДКЕ ОТСЫЛКИ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» В ПОЛЬШУ И РОССИЮ, 1863 г.

автограф А. А. Слепцова (?) в валпной книне Огарева

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Послать строго выбранным людям*.

Григорий Данилович Думшин:— У Семионовского моста, д. Оржевского.—

NB. Адрес давать устно, не письменно.

Для экстренных случаев по почте:

Pour remettre <à> Miss Charlotte [Bak<...>] Nadejdinskaïa, maison Trutt, [chez] Mme la générale Ermoloff **.

NB. Адрес писать на хорошем английском яз<ыке>.

Писать всегда чернилами Mazzini.

Разослать квитанции Касат<кину> и другим хорошим русским на континенте.

[Мой адрес в Париже для присылки:]

France, Basses Pyrénées, Pau. Rue Montpensier, [monsieur] chez Mr de Barotte.

M. Alexandre Moller ***

<Февраль 1863 г.>

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436, лл. 69 об.,—70 об.

Публикуемая запись сделана посторонней рукой в записной книжке Огарева****; находится она среди текстов, относящихся к февралю 1863 г. За публикуемой записью в книжке идет «список <фицеров>», датированный приблизительно серединой февраля 1863 г. (см. выше в наст. томе). Таким образом, публикуемый текст датируется приблизительно тем же временем. Содержание документа позволяет уточнить дату. Запись представляет собой список агитационных изданий и других материалов, предназначенных для военных организаций «Земли и Воли» в России и в Польше. В списке перечислены солдатские, офицерские и крестьянские прокламации, солдатские песни, «квитанции» и «полномочия», отпечатанные в Лондоне в 1862—1863 гг. Так, например, маленький сборничек «Солдатские песни», составленный Огаревым, был выпущен в 1862 г.; точно так же «квитанции» для сбора денег в «Общий фонд» общества «Земля и Воля» были выпущены весной 1862 г., одновременно с объявлением в «Колоколе» об организации сбора средств «на общее дело» («Колокол», л. 133, 15 мая 1862 г.).

Под «солдатской прокламацией», без сомнения, подразумевается воззвание «Братья-солдаты! Одумайтесь пока время...», написанное Огаревым. Получив от Огарева из Ричмонда рукопись этой прокламации, Герцен 15 февраля 1863 г. писал: «В твоём адресе к солдатам следует прибавить вариант для находящихся в Польше» (XVI, 68). Огарев последовал совету Герцена. Существует воззвание: «Братья-солдаты! Ведут вас бить поляков» являющееся вариантом основной прокламации (см. «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 91). Небходимо отметить, что все действия редакции «Колокола», т.е. Герцена и Огарева, по отношению к «Земле и Воле» и начавшемуся польскому восстанию были вполне единодушны. Еще в начале февраля, почти тотчас после приезда в Лондон А. А. Слепцова, представителя Русского центрального народного комитета общества «Земля и Воля», Огарев задумал обе прокламации — солдатам и офицерам — и сообщил об этом замысле Герцену. «Писать ли к солдатам? — мудреный вопрос.

* Строка может быть прочитана иначе: Послать строго выбранными людьми

** Передать мисс Шарлотте [Бак <...>] Надеждинская, дом Трутта [у] генеральше Ермоловой (франц.).

*** Франция, Нижние Пиренеи, <г.> По, улица Монпансье у г-на де Баротт, г-ну Александру Моллеру (франц.).

**** На л. 70 об. Огарев записал адрес Филарета Захаровича, не имеющий отношения к публикуемому тексту (см. фото на стр. 555).

Коли такой стих найдет, можно, — отвечал Огареву Герцен 4 февраля 1863 г. — Род этот опасен и должен быть страшно силен и поэтичен, чтоб пройти» (XVI, 36).

Одновременно с солдатской готовилась прокламация «Офицерам всех войск от общества „Земля и Воля“» (XVI, 38—41); в ее составлении принимал непосредственное участие А. А. Слепцов.

Таким образом, мы устанавливаем, что публикуемая запись неизвестного, в которой упоминаются и солдатская и офицерская прокламации, была сделана *после* 15 февраля 1863 г. — этим числом помечено цитированное выше письмо Герцена. Около 15 февраля приехал в Лондон А. А. Потехня — один из энергичнейших деятелей военной организации, примыкавшей к «Земле и Воле». Это был его последний приезд перед выступлением на стороне польских повстанцев русских офицеров-революционеров. Потехня оставался в Лондоне не более недели — 22 февраля, на следующий день после отъезда Бакунина в Стокгольм, он уехал обратно в Польшу.

Потехня, без сомнения, принимал участие и в подготовке издания прокламаций, и в выработке техники нелегальной отправки их в Польшу и, через Польшу, в Россию. Руководил транспортировкой прокламаций из Лондона в Россию в это время Слепцов. Печатаемая нами запись начинается словами: «При извещении из Польши о возможности пересылки отправить...». На основании этих слов мы вправе предположить следующее: Огареву было предложено дожидаться от возвращающегося в Польшу Потехни извещения о том, что отправка материалов нужна и возможна; следовательно, запись сделана до отъезда Потехни из Лондона, т. е. после 15 и до 22 февраля 1863 г. Рассматривая запись, содержащую инструкцию о конспиративных предосторожностях, необходимых при пересылке прокламаций, адрес для связи в Петербурге и Париже (куда Слепцов уехал в марте 1863 г.) и пр., мы приходим к заключению, что она принадлежит А. А. Слепцову. Мы не имели возможности произвести сличение почерка с автографами А. А. Слепцова, так как не располагаем ими, но в пользу того, что запись сделана именно Слепцовым или при его участии, говорят следующие соображения:

1. Запись содержит несколько указаний, даваемых от имени Центрального комитета «Земли и Воли» в целом, а не от «Общества русских офицеров в Польше». Посылкой полномочий, квитанций и печатей мог распоряжаться только Слепцов. Только от Слепцова могло исходить указание о посылке квитанций эмигранту-землевольцу В. И. Касаткину и «другим хорошим русским на континенте». Наличие в записи *петербургских* адресов тоже свидетельствует о том, что запись принадлежит Слепцову. Едва ли Потехня располагал петербургскими адресами.

2. «Полномочия», выдаваемые Центральным комитетом «Земли и Воли» разным лицам, привлекаемым к деятельности общества, находились тоже в ведении Слепцова. Образец подобных полномочий сохранился в виде копии в записной книге заграничного агента III Отделения Балашевича-Потоцкого и воспроизведен М. К. Лемке (XVI, 95—97). Здесь в п. 7 читаем: «Все необходимое как для устройства, так и дальнейшей деятельности организации, как то: определенные доверенности, *полномочия, квитанции для сбора взносов и пр.*, наши заграничные агенты получают от А. Ив. Герцена, главного представителя общества „Земля и Воля“ за границей» (там же; курсив мой. — Я. Ч.).

3. Наконец, кончается запись зачеркнутой фразой: «Мой адрес в Париже...». Потехня отправился из Лондона в Польшу. 3 марта 1863 г. он в последний раз писал Герцену из лагеря Лангевича (см. в «Колоколе», л. 162, от 1 мая 1863 г. статью Огарева «Надгробное слово»). Слепцов же направился в Париж, куда «вывез каждой прокламации по несколько сот экземпляров», направив их на юг...» (комментарий Лемке, XVI, 37—38) — т. е. в Константинополь, к В. И. Кельсиеву, через которого они и распространялись на юге России.

4. Не противоречит всему сказанному и заключающее запись имя: Александр Моллер. Это, несомненно, условное имя для корреспонденции. В действительности оно принадлежало реакционному публицисту, полковнику русской службы в отставке Александру де Моллеру, жившему в Париже и выступавшему в официальной газете «Le Nord» со статьями, направленными против польского движения (XVII, 108—109;

XVIII, 206—210). Благондежность этого имени с точки зрения французской полиции позволила использовать его для переписки с Парижем.

Публикуемая запись, еще раз подтверждая близость Герцена и Огарева к «Земле и Воле», дает в то же время представление об их участии в практике и «технике» подпольной организации.

3

〈ПРОЕКТ РАЙОНИРОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ〉

1. [Уральская] Среднерусская
2. Северная область
3. [Волжско-Уральская] [Приволжье и Урал] Восточная обл(ась)
4. [Донс(кая обл.)] Юж(ная обл.) и Кавказ *
5. [Ук] Малороссия **
6. Западный край
7. Сибирь
8. Земля и Воля
[Село(?)]

〈Февраль, 1863 г.〉

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436. Зап. книжка, л. 69.

Публикуемый перечень «областей» и краев России заимствован из записной книжки Огарева. Перечень начерно и бегло записан Огаревым на лицевой стороне 69-го листа. Текст, находящийся на обороте, дает нам возможность датировать публикуемую запись.

На обороте помещена инструкция о порядке пересылки солдатских, офицерских и крестьянских прокламаций из Лондона в Россию и в Польшу. Инструкция внесена в записную книжку Огарева неизвестным, вероятно А. А. Слепновым, приехавшим в Лондон в начале февраля 1863 г. Инструкция датируется февралем 1863 г. (см. стр. 556). Таким образом, к этому же времени, т. е. к февралю 1863 г., мы должны отнести и публикуемый текст.

Состоит он из перечисления отдельных районов России, а заканчивается упоминанием общества «Земля и Воля». Очевидно, смысл этого перечня таков: Огарев обдумывал деятельность революционных групп и кружков в разных районах страны и в последнем пункте отметил их предполагаемую или существующую связь с обществом «Земля и Воля».

Публикуемый перечень необходимо сопоставить со статьей неизвестного автора (Н. И. Утина?) «Пропаганда и организация», появившейся в заграничном журнале «Народное дело» в октябре 1868 г.:

«Среди разгара правительственной и общественной реакции, — сообщает автор, — <...〉 организовалось тайное общество, известное публике под именем „Земля и Воля“. Оно вовсе не было основой тайных обществ; они уже существовали во многих местностях, и каждое из них, отдельно взятое, могло бы представить весьма интересную и поучительную историю». И далее: «Конспирационное же значение общества „Земля и Воля“ заключалось в поставленной им задаче слить все отдельные революционные общества и кружки в одно целое, связанное для дружного общего действия всюду в едином и единодушном смысле» («Народное дело», Женева, 1868, № 2—3, октябрь, стр. 33).

Повидимому, публикуемая запись появилась в результате обсуждения Огаревым, Герценом и другими лицами вопроса о «слиянии» отдельных революционных обществ и кружков «в одно целое» — «Землю и Волю». Вопрос этот с особенной остротой стоял именно в феврале 1863 г.: как раз в это время в России истек срок подписания крестьянами уставных грамот, и в полной силе было «Положение», обдирающее крестьян как

* Строка не поддается бесспорному чтению. Повидимому, первоначально Огарев написал: Донс(кая обл.) и Кавказ. Затем слово Донс(кая) было переделано в Южная. После этого вся строка была зачеркнута и затем восстановлена.

** В подлиннике за пунктом 5-м следует пункт 7-й (Сибирь) и уже затем пункт 6-й (Западный край).

липку (см. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 27). Многие революционные деятели этого периода ожидали всеобщего крестьянского восстания, а «Земля и Воля» активно к нему готовилась.

В связи с разразившимся в Польше восстанием и с ожидавшимися событиями в России — в феврале 1863 г. в Лондон и приехал один из руководителей «Земли и

Henry Maciejowski
Commission - Speditionsbank
Ostrycki
in Kattowitz
X. O. (Ober Schlesien)

1. ~~Средне-русские~~
2. ~~Средне-русские~~
3. ~~Средне-русские~~
4. ~~Средне-русские~~
5. Укрупнения.
7. Сибирь.
6. Индустриальный
8. Земельный

ПРОЕКТ РАЙОНИРОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, 1863 г.

Записная книжка Огарева. Автограф (нижняя запись — под чертой)

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Воли»—Слепцов. Вряд ли можно сомневаться, что из переговоров со Слепцовым Герцен и Огарев почерпнули много новых сведений о деятельности и планах общества. (Письмо Огарева к Слепцову от 8 мая 1863 г., в котором обсуждались теоретические и практические вопросы, стоявшие перед революционным обществом, см. XVI, 90—92.)

Допустимо поэтому предположение, что печатаемый перечень отражает в какой-то мере информацию, полученную Огаревым от Слепцова о связях «Земли и Воли»

с революционными деятелями, находящимися в перечисленных областях, — связях, частью уже установленных, частью только намечаемых.

Вопрос о том, в каких районах должна быть сосредоточена деятельность «Земли и Воли», возник еще в 1861 г., как свидетельствуют воспоминания Слепцова, записанные Лемке, или изложенные, по словам Лемке, самим Слепцовым в известной «тетради». Хотя источник этот с научной точки зрения сомнителен (Лемке допустил антинаучные приемы при его опубликовании в комментариях к т. XVI сочинений Герцена), некоторые из свидетельств Слепцова представляют несомненную ценность. К их числу относятся следующие сообщения.

Первое касается ноября 1861 г.: «... Чернышевский интересовался работой нарождавшегося общества (тогда еще не имевшего названия) и при свиданиях с бывшими у него братьями <А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичами. — Я. Ч. > и со мной <...> то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы. Так, ему принадлежит совершенно правильная мысль разделить Россию на округа: северный, где была своя историческая традиция, в атавизм которой он верил при некоторых поправках времени и наших условий; южный, но не украинский, где работа должна была вестись <...> в стороне от нарождавшегося украинского движения мысли; северный и южный поволжские, приуральский и московский, понимая его в широком смысле всего торгового промышленного района. На Сибирь мы не надеялись и не трогали, в чем также были одобрены Чернышевским, зная, как там трудна работа в условиях тогдашнего времени, почти без всяких путей сообщения, телеграфа и т. п. Сибирь нам должен был осветить Шелгунов...» (XVI, 75).

Если верить этому свидетельству, Чернышевский предлагал организовать 6 округов — без Сибири, Украины и Западного края, но с двумя поволжскими (северным и южным) и с приуральским округом.

В соответствии с предложениями Чернышевского летом 1862 г. Слепцов отправился в города Поволжья. Со слов Слепцова Лемке сообщает:

«Когда Слепцов вернулся с Волги, организовав комитеты в Астрахани, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде и Твери, центр заслушал его доклад, сообщения двух других членов, а также много сообщений с мест и пришел к заключению, что временно всякая работа, вроде выпуска прокламаций, устройства типографий и пр., должна быть приостановлена, а на первое место выдвинута устная пропаганда; это было сделано из осторожности; сбор денег и усиленные сношения с Лондоном, который, под влиянием требований провинции, хотели сделать центром всего общества, были поставлены также в очередные задачи» (XVI, 83).

Эти сообщения Лемке не поддаются пока документальной проверке. Однако мы полагаем, что вопрос о необходимости для общества установить связь с Лондоном действительно стоял перед центром. Именно этим и вызван был приезд Слепцова в Лондон в феврале 1863 г.

На основании приведенных соображений мы и определяем публикуемую запись как очередной проект районирования революционных организаций, составленный Огаревым после совещаний со Слепцовым в феврале 1863 г.

4

«ПРОГРАММА ПИСЬМА К КОМИТЕТУ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» ИЛИ СПИСОК ВОПРОСОВ ДЛЯ УСТНОГО ОБСУЖДЕНИЯ»

- 1) Ссылные и сношения с Комитетом? об них.
- 2) Станции.
- 3) Коммерческие сношения с Петербургом, и теперь с паромством, а потом с таможенной или капитанами?.
- 4) Старообрядчество и пропаганда по Уралу. Аресты Геронтия и М. В. Носова. Другие секты.
- 5) Сношения с Кавказом и старообрядцами юго-запада.

6) Доктрина: аграрно-социальная пропаганда, пропаганда выборного начала, пропаганда конфедерации, пропаганда выборности царя и учр(е-
ждений) на республ(иканско)-социальном основании.

<Начало 1864 г.>

ЛБ, ф. Г.—О. VI. 32. Зап. книжка, № 12, л. 46 об.

Трудно читаемая запись Огарева сделана карандашом в памятной книжке, содержащей заметки 1864 и 1867 гг. Вопрос об организации в нескольких городах Европы «станций», т. е. агентств, предназначенных для связи с Россией, был поднят Огаревым в сентябре 1863 г. Поездка Герцена во Францию, Швейцарию и Италию (15 сентября — 6 декабря 1863 г.) была отчасти вызвана необходимостью создания этих агентств (см. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII, 1951, стр. 151—155 и 164). Попытки их организации продолжались и в начале 1864 г. К этому времени мы и относим публикуемую запись.

Слова «сношения с К» в первом пункте записи предположительно расшифровываются как «сношения с Комитетом». Политическим сыльным оказывалась помощь из средств, специально собираемых для «Земли и Воли» редакцией «Колокола». Передача средств осуществлялась через Комитет общества «Земля и Воля».

Трудно читаемое слово в третьем пункте мы расшифровываем: «капитанами», по аналогии со следующим местом из другой записи Огарева, сделанной в сентябре 1863 г.: «Этот путь должен навести на то, чтобы были друзья — капитаны пароходов, которые бы доставляли письма...» (см. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII, 1951, стр. 162—163).

Упоминаемые в пункте четвертом сокращения: Гер и М. В. Нос — фамилии крупных деятелей старообрядчества, Геронтия Ливанова и М. В. Носова. Первый, старообрядческий иерарх, был арестован и содержался в Шлиссельбурге. 4 июля 1864 г. Огарев писал О. С. Гончару: «Не только Геронтия не освобождают, а еще захватили крестьянина Носова (в Пермской губ., в Нижнетагильске). При нем нашли архиерейскую ризницу и держат в тюрьме» (XVII, 280). Заключительный, шестой, пункт записи важен для определения политического содержания пропаганды, которую вел Огарев в «Общем вече» в 1862—1864 гг. Не видя возможности в статьях и воззваниях, адресованных крестьянам-старообрядцам, открыто проводить республиканские начала, Огарев проводил их при помощи обходного маневра — выдвинув лозунг «выборности царя» и создания учреждений на «республиканско-социальном основании».

Публикуемая запись говорит о том, что в результате наступившей реакции сношения редакции «Колокола» с Россией были в эту пору чрезвычайно затруднены. Поэтому Герцену и Огареву приходилось изыскивать новые средства связи с родиной.

5

<ЗАМЕТКА ПРОТИВ КАТКОВА И ЛЕОНТЬЕВА С ПОПРАВКОЙ ГЕРЦЕНА>

Рукою Огарева:

Сколько бы мы ни расходились по убеждениям, мы всегда уважаем искреннюю веру; но когда церковь вместо того, чтобы держаться убеждением и проповедью, хочет держаться доносом и полицией, мы презираем — если не церковь, то духовенство, которое становится таким отвратительным ее представителем. «Киевский телеграф» вместо религиозной проповеди сделал полицейский донос на мальчиков. Без сомнения, ни один честный человек не мог этому сочувствовать; сочувствовали только «Московские ведомости».

Поэтому мы больше ничего не находим сказать их издателям: г-да Катков и Леонтьев — вы шпионы и мерзавцы, которым каждый честный человек имеет право наплевать или ударить в рожу, соразмеряя силу удара с степенью вашей подлости и зла, которое вы приносите русскому народу.

Н. О г а р е в

«Напротив этого абзаца на соседней странице рукою Герцена написан следующий текст:»

Поэтому-то в своем бешенстве доносов эти падшие люди откопали и этот факт в провинциальном журнале и явили его на свет.

Мы истинно не знаем меры презрения — не к журналистам-шпионам, но к падшей, гадкой, гнусной среде, которая их читает, которая допускает бесстыдство полицейской литературы and so on... *

«Конец марта — апрель 1864 г.»

ЛБ, ф. Г. — О. VI. 32. Зап. книжка, № 12, лл. 54—55.

Заметка Огарева и поправка к ней Герцена находятся в записной книжке, заполнявшейся Огаревым в два различных периода. Одна половина содержит записи 1864 г.; в 1867 г. Огарев перевернул книжку и начал заполнять ее с другой стороны. Публикуемый текст находится на стыке обеих частей, поэтому датировать запись по ее местоположению в книжке невозможно. Трудно также сказать, какую именно заметку или статью «Киевского телеграфа» — реакционной шовинистической газеты — имеет в виду Огарев, говоря о «полицейском доносе на мальчиков» вместо «религиозной проповеди». Более или менее соответствующие этому определению материалы мы нашли в №№ 28, 30 и 31 этой газеты от 13, 18 и 20 марта 1864 г. Здесь помещены: заметка «Университетская церковь и ученики Киевской 2-й гимназии», «Ответ на заметку об учениках 2-й гимназии» и «Несколько слов по поводу университетской церкви». Первые две сообщали о «непристойном» поведении учащихся в церкви. В последней заметке директор гимназии защищает учеников, нарушивших «благочиние» в университетской церкви, от обвинений в безверии. Автор, между прочим, защищая учащихся, говорит, что «общий упадок веры, угрожающий гибелью правительству», тут вовсе не при чем. Заметка, помещенная на эту тему в «Московских ведомостях», нами не обнаружена. Весьма возможно, что публикуемая заметка относится к более позднему времени — к периоду особенно ожесточенной травли молодежи реакционной печатью, т. е. к 1866—1867 гг. Поэтому датируется нами заметка условно.

Публикуемая заметка была в искаженном и неполном виде напечатана Лемке (XXII, 142). Напечатана она была без начала, и текст Огарева от слов «Поэтому мы больше ничего не находим...» до «...и зла, которое вы приносите русскому народу», Лемке воспроизвел в качестве принадлежащего Герцену, опустив также и подпись Огарева.

Мы полагаем, что предложенный Герценом текст предназначался в качестве замены абзаца заметки, содержавшего призыв «наплевать или ударить в рожу» шпионов и мерзавцев — Каткова и Леонтьева. Текст Герцена находится на обороте л. 54, прямо против соответствующего абзаца заметки Огарева, занимающего левую сторону л. 55.

Ни в «Колоколе», ни в «Общем вече» заметка напечатана не была.

6

«ИЗ ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЕЙ К СТАТЬЕ «ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ»»

ПИСЬМО МЕЖДУ ЧЕТВЕРТЫМ И ПЯТЫМ

Вместо того чтобы прямо перейти к учению школы Сен-Симона, я чувствую себя вынужденным придти к новому отступлению, которое, конечно, не уклоняется от общей нити, от общей задачи моих писем, но вызвано слишком натянутыми обстоятельствами. Может, это письмо укажет,

* и так далее... (англ.).

раньше, чем я думал, на некоторые позднейшие выводы; но вы на меня за это не сетуйте — оно стало неизбежно.

С некоторого времени мы постоянно слышим возгласы, иногда даже не слишком любезные — вроде того как: «да чёрт вас возьми — что вы всё предлагаете нам теории, а еще нигде не определили вашего вероисповедания и нигде не сказали, что же нам теперь делать. Давайте не теории, а формулы, не * утопии, а ** инструкции».

Другие или прибавляют к подобным обвинениям новые или ставят эти новые совершенно отдельно. Они говорят: «Мы на столько-то годов вас моложе, следственно, больше и знаем, чем вы знаете, мы учились новой науке, а вы еще учились старой науке. Вы даже не умели разрешать вопрос о женщине и вопрос молодого поколения. От этого вы и не можете нам назвать предстоящего дела и должны нам предоставить его развитие».

Сами видите, друг мой, что под наплывом таких обвинений и требований нельзя не придти к разработке вводной темы, которая должна восстановить и выяснить все наши главные вопросы и, если и составит отступление от распорядка моих писем, то всё же не уклонится от их общей задачи. Да еще надо из ее выводов хладнокровно рассмотреть, правы ли наши оппоненты и запросчики и насколько они правы? Только развитие общей задачи может указать — в чем истинное понимание и что делать.

<Август 1866 г.>

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 33 об.— 35 об.; черновые варианты приведены частично.

Комментируемый текст возник в связи с работой Огарева над циклом статей под названием «Частные письма об общем вопросе». «Письма» Огарева, посвященные критике утопического социализма, начиная от учений Бабефа и Сен-Симона и кончая взглядами Оуэна и Прудона, печатались в «Колоколе» с большими интервалами. «Письмо первое» было напечатано в л. 211 (от 1 января 1866 г.), «Письмо второе» — в л. 216 (от 15 марта 1866 г.), «Письмо третье» — в л. 220 (от 15 мая 1866 г.), «Письмо четвертое» — в лл. 223 и 225 (от 1 июля и 1 августа 1866 г.). Затем, прервав на полгода печатание цикла, Огарев опубликовал в лл. 237, 239 и 240 (от 15 марта, 15 апреля и 1 мая 1867 г.) еще одно «письмо», озаглавив его «Письмо между четвертым и пятым». По замыслу Огарева, это промежуточное письмо должно было служить переходом от критики западноевропейского утопического социализма к развернутому изложению теории «русского социализма». Но этот замысел не был осуществлен. С прекращением 1 июля 1867 г. «Колокола» (на русском языке) оборвался и огаревский цикл статей о социализме.

Публикуемый черновой отрывок, начинающийся словами «Вместо того чтобы прямо перейти к учению школы Сен-Симона...», предназначался, несомненно, для «Письма», следующего за разбором учения самого Сен-Симона, т. е. за «Письмом четвертым». Огарев заключил разбор словами: «В следующий раз я надеюсь приступить к школе сенсимонистов и заключить мнимо-религиозную эпоху социального учения во Франции» («Колокол» л. 225, от 1 августа 1866 г.). Огарев, однако, намерения этого не выполнил и вообще разбора школы Сен-Симона (т. е. взглядов Анфантена и др.) не написал. Вместо этого разбора он сперва решил рассмотреть разногласия и споры с «молодой эмиграцией», о чем и свидетельствует публикуемый отрывок. Написан он очевидно вскоре после 1 августа 1866 г. По своему содержанию это не вошедшее в окончательный текст вступление к «Письму между четвертым и пятым» представляет собою существенный интерес. Во вступлении Огарев характеризует позицию оппонентов «Колокола» из среды «молодой эмиграции»; таким образом, перед нами еще один документ, дающий возможность судить о том, какие

* Далее зачеркнуто: рассуждения

** Далее зачеркнуто: рецепты

именно требования предъявляли редакции «Колокола» «молодые эмигранты». Выясняется, что в то время как одни из них упрекали Герцена и Огарева в излишнем теоретизировании и отрыве от нужд практической революционной деятельности, другие, напротив, указывали на недостаточность и отсталость пропагандируемой «Колоколом» теории. Создателями передовой теории «молодая эмиграция» считала Чернышевского и его ближайших единомышленников.

Как это явствует из публикуемого текста, Огарев готов был прислушаться к голосу критики, готов был выступить в дружеский спор и «хладнокровно рассмотреть, правы ли наши оппоненты и запросчики и насколько они правы».

Однако Огарев пришел, повидимому, к выводу, что всякая, даже самая дружеская, полемика с «молодой эмиграцией», в обстановке ожесточенных нападков на молодежь со стороны всей реакционной печати России после события 4 апреля 1866 г. была бы несвоевременна и вредна. Вот почему он, как мы полагаем, и отказался от своего намерения.

7

«О СТАТЬЕ «ПРОДАЖА ИМЕНИЙ В ЗАПАДНОМ КРАЕ»

Мне очень жаль, что в моей статье, возбудившей столько спора, я не пометил, что переселение русских крестьян в Литву так же мало способно руссифицировать Литву, как поселение мордвы в России способно омордвинить русских крестьян. Тут все дело заключается в количестве переселенцев относительно туземного населения и их более или менее миролюбивых наклонностях. Что количество русских переселенцев в нашем предположении, уже по ограниченности продажных земель и по возможности местному крестьянству скупить долю их, не может их отношение к литовскому или белорусскому народу поставить выше отношения мордвы к русским крестьянам, — например, Пензенской губернии, — это несомненно. Что русские переселенцы, помимо вмешательства правительства, миролюбивы — тоже несомненно. Стало, это переселение не помешает Литве или Белоруссии сохранить областную самостоятельность совершенно литовскою и белорусскою.

Может, это объяснение покажется также обидно; но что же мне делать — я этим высказываю, что я не хочу руссифицировать Литвы и Белоруссии; но внутренне я не могу принять феодальной (шляхетной) колонизации Литвы и Белоруссии. Мне кажется, что подобное замечание можно и надо куда-нибудь вставить, тем больше, что в статье сказано, что мы не признаем ни руссификаций, ни колонизаций.

<Ноябрь 1866 г.>

ЩГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 36—36 об.

Публикуемая заметка Огарева, обнаруженная в его записной книжке 1866—1867 гг., относится к острому столкновению редакции «Колокола» с демократическими элементами польской и русской эмиграции, происшедшему в 1866 г. Конфликт возник в связи с появлением в л. 229 «Колокола» (от 1 ноября 1866 г.) статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае». История этой на шумевшей статьи и вызванного ею конфликта вкратце такова.

Среди других репрессий, обрушенных правительством Александра II на западные губернии, т. е. на Белоруссию, Литву и Польшу, после восстания 1863 г., широко применялся также секвестр имений у тех польских землевладельцев, которые в той или другой степени оказались причастны к восстанию. 10 декабря 1865 г. правительством был издан указ, предписывавший собственникам этих секвестрованных имений продать их в течение двух лет русским помещикам или же променять на имения в России. Указ содержал аналогичное предписание и относительно имений, принадлежавших административно сосланным (тоже связанным с восстанием 1863 г.). Таким

образом, значительная часть польских дворян-землевладельцев лишалась земельной собственности в пользу русских помещиков и чиновников или их немецких собратьев, среди которых правительство надеялось тоже найти покупателей.

Появление указа было отмечено редакцией «Колокола» специальной заметкой в л. 213 (от 1 февраля 1866 г.). Анонимный автор, критикуя указ, приравнивал его к «ограблению без суда сосланных». Выступая против нового акта насильственного «всеми неправдами» обрусения Польши, он спрашивал: *«Разве нельзя было продать те же земли крестьянам и крестьянским громадам?»* Дело могло бы обойтись легче и менее разорительно для продавцов при пособии крестьянству со стороны казенных кредитных учреждений. Или это средство не по вкусу демократической империи?»

Считая цитированную заметку принадлежащей перу Герцена, Лемке включил ее в соответствующий том собрания сочинений (XVIII, 327). При этом он весьма глухо сослался на какую-то записку Л. Чернецкого (заведующего женевской типографией), которой якобы «устанавливается принадлежность» заметки Герцену (XVIII, 445). Не входя здесь в рассмотрение правильности или неправильности этой атрибуции, отметим, что Лемке совершенно прав, утверждая, что в заметке «была отчасти сформулирована мысль», развитая впоследствии в злополучной статье Огарева (XIX, 77, примеч.).

Действительно, Огарев, отправляясь от предложения автора заметки продать в кредит секвестрованные польские земли «крестьянам и крестьянским громадам», разработал далеко идущий «проект» переселения около 100 000 крестьян из русских малоземельных общин в секвестрованные имения западных губерний. С этим «проектом» Огарев решил выступить открыто на страницах «Колокола».

В черновых заметках Огарева, относящихся к статье «Продажа имений в Западном крае», мы находим важное указание, разъясняющее мотивы, которыми он руководствовался. Огарев усмотрел в создавшейся в западных губерниях ситуации возможность «экспериментально» проверить практическую жизнеспособность одной из своих излюбленных идей — о роли «народного кредита» в деле распространения общественной собственности на землю. Отвлекаясь от политических условий, Огарев полагал, что поскольку на секвестрованные в западных губерниях земли необходимого количества покупателей среди помещиков, чиновников и купцов не находилось, поскольку, таким образом, «сама жизнь» толкала правительство на путь продажи земли крестьянам, постольку аграрная политика самодержавия в западных губерниях объективно содействовала распространению общественной собственности на землю. Особенно существенным Огарев считал то обстоятельство, что государственное содействие крестьянам в покупке большого количества земли неизбежно поднимало и ставило в порядок дня вопрос о «народном кредите» — вопрос, которому, как сказано, он придавал весьма важное значение.

«И вот внезапно начало народных банков или народного кредита! — восклицает Огарев в упомянутых черновых заметках к статье. — Мысль эту, конечно, следует развить побольше. Печатать в „Колоколе“ едва ли возможно, потому что она тогда неминуемо лопнет и не понравится ни врагам, ни дуракам. Но предложить ее окольными путями правительству — мне кажется стоит труда и заботы (положим хотя бы через Н. Милютину?)» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 39 об. — 42 об.).

Под «врагами» и «дураками» Огарев разумел здесь, без сомнения, людей правительственного лагеря, которые по враждебности или глупости отвергнут это предложение только потому, что оно напечатано в «Колоколе».

Свои соображения Огарев сообщил Герцену. Получив текст статьи Огарева, Герцен отвечал ему: «Статью эту печатать следует непременно, только вычисти ее пополитичнее» (XIX, 74). Герцен, следовательно, отказался от двусмысленного «окольного пути» — натолкнуть «через Н. Милютину» правительство на мероприятия, которые представлялись редакции «Колокола» прогрессивными, и предпочел открытое выступление в печати. Он потребовал, однако, от Огарева «пополитичнее» вычистить текст и дал при этом специальное указание: «С 8-ой страницы следует лавировать, там особые ЛВ» (XIX, 74). Отсутствие рукописи Огарева с герценовским «нотабене» не позволяет раскрыть конкретный смысл указаний Герцена. Повидимому, Герцен призывал Огарева

тщательнее сформулировать те положения в статье, которые, как это предвидел Герцен, могли создать впечатление руссификаторских тенденций. Недаром пять дней спустя (25 октября 1866 г.) Герцен писал Огареву: «„Голос“ рекомендует продажу западных земель раскольникам с гарантией веротерпимости и предлагает звать русских из Турции и Пруссии. Вот, как поляки узнают, — будет тебе трезвон» (XIX, 77).

Итак, Герцен и Огарев не желали, конечно, столкновения с польской эмиграцией, но, предугадывая его, все-таки не отказались от выступления, убежденные в своей правоте. Оба они шли навстречу конфликту, главным образом, потому, что считали разрушение шляхетского землевладения единственным возможным путем к освобождению польского народа, главнейшим условием успеха борьбы поляков за независимость. С другой стороны они переоценивали устойчивость и прочность «общинного землевладения», ошибочно принимая сельскую общину за зародыш социализма.

Но как ни готовы были Герцен и Огарев к столкновению, действительность превзошла их опасения.

Первым подверг их позиции беспощадной и, в основном, справедливой последовательной революционно-демократической критике А. А. Серно-Соловьевич, сперва пытаясь в устных объяснениях с редакцией «Колокола» устранить одниозные места из статьи Огарева, а после отказа редакции — в листовке «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“», вышедшей в декабре 1866 г. на французском языке в Женеве. Затем начался «польский шквал», по выражению Герцена, — шквал, бушевавший в течение всего ноября 1866 г. Тогда-то и возникла необходимость в объяснении. Позиция Герцена ясно изложена в опубликованной в настоящем томе (см. стр. 133—136) листовке «Нашим польским братьям» (написана Герценом, подписана им и Огаревым). Герцен признавал ошибочность выступления Огарева, но усматривал эту ошибочность, собственно, в *несвоевременности* выдвинутого им предложения: «Может, оно выражено не во-время, в таком случае мы первые от души скорбим, что прибавили еще горькую минуту к великому сетованию вашему. В этом вы судьи, и мы умоляем», — писал Герцен. В то же время он взял под защиту *существо* предложения Огарева. Оно «совершенно логически истекает из всего воззрения нашего», — говорил Герцен здесь же.

Публикуемый отрывок выясняет реакцию самого Огарева. Огарев продолжает доказывать, что переселение русских крестьян на земли польских помещиков в Литве и Белоруссии не содержит в себе угрозы руссификации, но, вместе с тем, явится препятствием для «феодальной колонизации» литовского и белорусского населения.

Увлекаемые своей утопической теорией «русского социализма» Герцен и Огарев не раз отходили от реальных задач политической борьбы демократии с самодержавным строем и вступали тем самым в противоречие с этими задачами. В применении к изучаемому эпизоду полнее и резче всех других современников указывал на эти противоречия и ошибки Герцена и Огарева — А. А. Серно-Соловьевич.

В своем «Протесте» * он писал: «В 229 № „Колокола“ (1-го ноября) помещена статья г. Огарева „О продаже имений в Западном крае“. Корректируя эту статью, я просил г. Огарева выбросить из нее всё то, что относится до переселения в Польшу русских крестьян, говоря, что это и ложно по мысли и довольно грубо оскорбит тех, которым „Колокол“ постоянно говорит „наши братья-поляки“. Господа редакторы не согласились на эту поправку, защищая свой проект своими социальными теориями и тем, что в статье они будто бы остаются верными своей прежней деятельности и вывешенному ими знамени». Перечислив несколько положений и формулировок из статьи Огарева, вызывавших его протест, Серно-Соловьевич заключал: «Я *протестую*, наконец, чтобы

* Цитируем «Протест» А. А. Серно-Соловьевича по русскому подлиннику-автографу, посланному автором в редакцию «Колокола», не напечатанному Герценом и сохранившемуся в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126). До настоящего времени этот важный документ был известен только в обратном переводе с французского языка на русский, опубликованном в 1941 г. в т. 41-42 «Лит. наследства» (стр. 111—115). Полностью документ будет напечатан в т. 63 «Лит. наследства».

доказать, что я понимаю совсем иначе, чем гг. издатели „Колокола“, и осуществление социальной теории и какие бы то ни было обновления общественных форм <...> Истинные социалисты совсем не хотят, чтобы народы, как дикие звери, поели друг друга; в том-то и великая задача социализма — найти такую формулу, которая, перестроив экономический быт народов, дала бы возможность не только каждому из них, но и каждой местности жить своей полной, независимой жизнью».

Не признать справедливости этой критики Огарев не мог. Поэтому-то в публикуемом отрывке он пытается лишь оправдаться и разъяснить свою позицию, не вступая в споры по существу вопроса.

8

«ОБ «ОРГАНИЗАЦИИ» Н. А. ИШУТИНА И ЕГО КРУЖКЕ»

Если народ принял в <для?> «организации» название наделисты, то, очевидно, надо иметь популярное название. Если не удалась «Земля и Воля», надо продолжать дело иначе, под названием «наделисты», отбросив глупое название нигилистов (ничего не означающее, кроме тург<енев>-ского узкоумия).

<Конец 1866 г.>

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 20—20 об.

Публикуемая заметка извлечена из записной книжки Огарева 1866—1867 гг. Мысль, записанная Огаревым, возникла у него, повидимому, при редактировании статьи Н. А. Вормса «Белый террор». Именно в этой статье, в главе пятой, Огарев встретил рассказ о том, как своеобразно преломляется слово «нигилисты» в народной среде. «Есть, братец ты мой, рассказывал мне рабочий, — пишет Вормс, — сехта такая и называется она наделистами, значит, всех наделить землей хочет» («Колокол», лл. 233—234, от 1 февраля 1867 г., стр. 1909). Далее Вормс рассказывает содержание легенды о «сехте» наделистов, о ее составе, о порядках, в ней принятых, о том, как полиция старается захватить собрания наделистов «в Глухом переулке», но что этого сделать не удастся, — нет охотников выдать людей, стоящих за бедняков и батраков.

В своей статье, посвященной процессу Ишутина — Каракозова, Вормс связывал возникновение этой легенды с деятельностью ишутинского кружка и основанной Ишутиным «Организации». Ее-то и имеет в виду Огарев, говоря о том, что «Организации» следовало бы прямо принять название «наделисты».

О Тургеневе, как об «авторе» слов «нигилизм» и «нигилисты», Огарев упоминал неоднократно (см., напр., «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII, 1951, стр. 166—167).

9

«ПРИМЕЧАНИЕ, НЕ ВКЛЮЧЕННОЕ В ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ «ЧАСТНЫХ ПИСЕМ ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ»»

Примечание к стр. 14:

Вы, может быть, тут меня спросите, что же я думаю о вооруженной революции в России? Я думаю, что пока народ для достижения ликвидации частных поземельных собственности в собственность общественную употребляет знамя императорской власти (а эта ликвидация для народа идет прежде ликвидации казенной поземельной собственности), до тех пор не может быть достаточных средств и элементов для вооруженной революции; могут являться только случайные, отдельные попытки, которые не в силах ни ясно постановить свою задачу, ни достигнуть до победы. Сколько бы это ни было прискорбно для наших революционных симпатий, но действительность ярко является в этом виде, и спорить против факта нельзя.

Первая половина марта 1867 г.>

КАБИНЕТ ОГАРЕВА

Фотография, 1870-е гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 44, л. 23 об.

Публикуемый текст представляет собою проект «примечания», предназначавшегося для л. 237 «Колокола» от 15 марта 1867 г. Здесь Огарев начал, после полугодового перерыва, печатать продолжение своих «Частных писем об общем вопросе», т. е. писем о социализме. Темой нового «Письма», озаглавленного «Письмо между четвертым и пятым», была теория так называемого «русского социализма», развиваемая Герценом и Огаревым. Основа рассуждения Огарева в этом письме — мысль о progressing в России процессе «ликвидации», как он выражается, «помещичьей и казенной поземельной собственности на землю» в собственность общественную», т. е. о предполагаемом переходе земель в руки крестьянских общин. Огарев констатировал, что последовательность совершающегося в России процесса такова: сперва «ликвидируются в общественную собственность» помещичьи земли, а затем земли казенные, государственные. Однако сделанного он полагал далеко не достаточным: «освобождение крестьян не может считаться совершенным» и дальнейшая, как выражается Огарев, перестройка «необходимо поставит себе целью окончательную ликвидацию частной поземельной собственности в собственность общественную».

Вот что писал он в рассматриваемом письме: «... народ, в сущности, не может примириться ни с помещичьей, ни с казенной (императорской) собственностью и властью. Но он совершенно рационально начинает бороться с первой, ибо она первая на пути, подлежащая сдвигению. Он даже инстинктивно берет себе императорскую власть в помощь в своих начинаниях перестройки равно путем революционным и путем экономическим. Последний путь является только теперь; но народные стремления к перестройке — дело не новое и всегда начинались с попыток сдвинуть частную поземельную собственность. Вспомните, что сама пугачевщина действовала под знаменем царской власти (законной или не законной — все равно), и вам не покажется удивительным, что при экономическом пути ликвидации народ движется тем же способом, т. е. употребляет в пользу ликвидации частной поземельной собственности в собственность общественную знамя императорской власти» («Колокол», л. 237, от 15 марта 1867 г., стр. 1938).

К этим именно строкам должно было относиться публикуемое примечание. Оно должно было ответить на естественно возникающий вопрос: не помешает ли этот совершающийся «экономическим путем» переход части земель в руки крестьянских общин (как представлялось Огареву — на деле помещичьи земли начинали в это время переходить в руки городской и сельской буржуазии) развитию революционного движения в крестьянстве, возможности в близком будущем широкого «повсюдного», как выражался Огарев, восстания крестьян?

Огарев сперва дал отрицательную оценку возможности, в обстановке второй половины шестидесятых годов, участия крестьян в «вооруженной революции». Но, рассматривая вопрос дальше и глубже, он изменил свое суждение. В тексте статьи он говорит, что, хотя помещичья земельная собственность под напором крестьян затрепала, поддалась «сдвигенью», все же на очереди, сверх вопроса о помещичьей земле, в борьбе миллионов т. н. государственных крестьян, вопрос о казенных землях, особенно обострившийся в 1866—1867 гг. в связи с указами правительства (от 24 ноября 1866 г. и др.).

Огарев пришел к заключению, что, несмотря на то, что крестьяне еще не потеряли окончательно надежды получить помещичьи земли из рук правительства и временно берут «себе в помощь» императорскую власть», все же неизбежно развитие и обострение борьбы массы помещичьих и государственных крестьян и против землевладельцев и против чиновников и против императорской власти.

«Это отнюдь не доказывает, — продолжает Огарев, отказавшись от помещения примечания, — возможности народного примирения с казенной поземельной собственностью и отношением <так! — Я. Ч.> к чиновничьей, вообще к казенной (императорской), власти» (там же).

Огарев вновь и вновь подчеркивает, что примирение крестьянства с царским правительством невозможно, и заключает, что «малоземельные и безземельные»

крестьяне имеют право «на заселение огромной доли частной и казенной поземельной собственности» (там же).

Придя к заключению, что вопрос об этих правах миллионов крестьян «отныне первый вопрос, являющийся на пути русского развития», Огарев отказался от оптимистической оценки перспективы участия крестьян в «вооруженной революции».

10

〈ИЗ ЧЕРНОВЫХ РУКОПИСЕЙ
К «ЧАСТНЫМ ПИСЬМАМ ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ»〉

Materials

Общине принадлежит вещь производительная; такую вещь или долей оной лицо может пользоваться с согласия общины. Так〈овы〉 земля, фабрика, общественное здание, материалы фабричные, произведения. Всем оным лицо пользуется или распоряжается в известных, узаконенных пределах.

Вещь, назначенная для потребления и уничтожающаяся с оным, принадлежит лицу, и ее пользование не может иметь иных пределов, кроме естественных возможностей, т. е. не нуждается в согласии или несогласии общины, не требует предела во внешнем законе.

Но это вопрос едва ли не слишком общий, а не вопрос, стоящий на ряду сейчас. Надо различать вопросы, стоящие на ряду и требующие немедленного приложения, от вопросов высшей степени, которых приложение явится после. Но также не надо забывать, что и эти вопросы высшей степени провозглашать необходимо и помогать их родам необходимо. Первые вопросы нуждаются в немедленной организации дела; последние — в устранении преград и стеснений.

Таким образом, организация общины, организация области, организация иного правительства — вопросы немедленно приложимые; вопрос женской свободы еще так мало уяснен, что для его разрождения требуется не организация женской свободы, а устранение всех преград для высшего образования и деятельности научной или гражданской или промышленной.

〈Первая половина апреля 1867 г.〉

ЛБ, ф. Г.— О. VI. 37. Зап. книжка (листки), № 38. 1, лл. 1—2.

Текст публикуемого отрывка написан на двух из девяти сохранившихся листов записной книжки Огарева за 1867 г. Точная дата устанавливается при сопоставлении отрывка со статьей Огарева, опубликованной в «Колоколе», л. 239, ст 15 апреля 1867 г.— «Частные письма об общем вопросе. Письмо между четвертым и пятым» (продолжение).

В «Письме» этом Огарев пишет:

«Есть вопросы, стоящие на ряду *теперь*, их разрешение можно искать в современно-существующих данных. Есть вопросы, пожалуй имеющие высшую степень общественного значения, но разрешение которых в современных данных не отыщется, и постановка которых еще не может дойти до надлежащей ясности. Тем не менее, нельзя их не провозглашать, нельзя не помогать их разрождению, нельзя не расширять их пути от препятствий.

Например, вопрос свободы женщины...» 〈далее следует развернутая программа борьбы за достижение крестьянками и женщинами других сословий гражданской равноправности и научного образования; борьба за то, чтобы добиться «организации женского труда и посредством его — женской независимости»〉 («Колокол», л. 239, ст 15 апреля 1867 г.).

Сопоставление публикуемого текста с приведенной частью «Письма» Огарева позволяет датировать отрывок первой половиной апреля 1867 г.

〈О ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУНАХ〉

Мы, *n* человек, согласились приобрести землю в наше общее владение и обрабатывать ее собственными средствами на следующих условиях:

1) Мы приобретаем землю от продавца *N* в долгосрочный кредит, оставляя ее в залоге у продавца и уплачивая проценты и погашение капитала на основании равных паев.

2) Мы вносим каждый свой пай или приобретаем в долгосрочный кредит свободный капитал, уплачивая его на основании равных паев, для приобретения всякого рода земледельческих орудий, лошадей и пр., *также для найма рабочих.*

3) Смотри по местности, мы устраиваемся несколькими семьями в отдельных домах или каждой семьей отдельно.

4) Для детей мы устраиваем школу, которой главная цель — техническая, для развития земледелия, избрав между собой учителей и учительниц. Если окрестные жители захотят присылать (за известную плату) своих детей в нашу школу, мы не отказываемся.

5) По мере надобности мы устраиваем на общий счет библиотеку и выставку различных инструментов, которые должны быть каждому из нас доступны.

6) Если местность позволит устроить какое-нибудь фабричное заведение, мы его устроим на тех же основаниях.

7) Выручку, которая останется сверх уплаты процентов и погашений, мы разделим между собою посемейно, смотря по числу нуждающихся, и отложим возможный процент для общего запасного капитала и домашнего кредита.

П р и м е ч а н и я:

1) Покупка земли должна делаться исключительно в русских губерниях, приречных и довольно плодородных.

2) Покупка может быть близ деревни или сельца, но не села (для избежания поповского вмешательства).

3) Если продавец сам будет членом товарищества — это не помешает, лишь бы он был совершенно известен.

〈Начало 1868 г.〉

ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 38, лл. 37—39.

Публикуемый текст, написанный на трех листках, вырванных из записной книжки, является, повидимому, результатом попытки выработать юридическую форму договора для легальной организации земледельческих коммун.

Вопросом о создании коммун пропагандистов в земледельческих районах России Огарев был занят в начале 1868 г. (см. публикуемое в т. 62 «Лит. наследства» письмо А. Крыля к Огареву от 28 января 1868 г., хранящееся в «пражской коллекции»). На этом основании мы относим печатаемый документ к началу 1868 г.

Организация для крестьян земледельческих коммун с фермами-школами еще с молодых лет была мечтой Огарева: в 1847 г. он пытался создать подобную коммуну в Старом Акшене (см. М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1908, стр. 298 и сл.). Аналогичные проекты развивал Огарев и в период наивысшего подъема крестьянского движения в 1861—1863 гг.

Мы предполагаем, что хранящиеся в «пражской коллекции» два варианта (черновой и белой) статьи-проекта Огарева «Народные земледельческие училища» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38 — документ не издан) написаны им для того, чтобы пояснить и развить пункт 4-й публикуемой рукописи.

〈ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА»〉

2) Да! Герцен всегда оставался преданным делу русского освобождения*. Это можно ясно увидеть из всего им напечатанного и из некоторых статей, еще не изданных, но которые будут изданы. Даже в то время, когда мы колебались и думали о возможностях народного освобождения посредством царской власти, он писал Александру II, что он — Герцен — «неисправимый социалист».

〈Первая половина апреля 1870 г.〉

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 45.

2) Да! Герцен всегда оставался преданным делу русского освобождения*. Это можно ясно увидеть из всего им напечатанного и из некоторых статей, еще не изданных, но которые будут изданы. Даже в то время, когда мы колебались и думали о возможностях народного освобождения посредством царской власти — он писал Александру II, что он — Герцен — «неисправимый социалист».

АВТОГРАФ НОВОНАЙДЕННОГО ОТРЫВКА ИЗ СТАТЬИ ОГАРЕВА
«ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА», 1870 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Публикуемый отрывок написан на клочке, отрезанном от какой-то рукописи Огарева. Цифра со скобкой поставлена карандашом, дальнейший текст написан чернилами. Можно предположить, что строки эти сперва являлись частью основного текста, а потом были отрезаны с тем, чтобы служить примечанием к нему. На это указывает номер сноски, внесенный карандашом, в текст, написанный чернилами. Год, когда отрывок был написан, устанавливается самим содержанием его: он написан после смерти Герцена, т. е. в 1870 г. Упоминаемые статьи, которые не изданы, «но будут изданы» — сборник «Посмертные статьи А. И. Герцена», вышедший в Женеве в 1870 г. Более точная дата устанавливается по связи текста со статьей Огарева «Памяти Герцена», напечатанной в «Колоколе», № 3, от 16 апреля 1870 г., где Огарев писал о своих и Герцена либеральных ошибках, совершенных в начале издания «Колокола».

Статья «Памяти Герцена» заканчивалась словами: «Здесь я только призываю всех людей русских, жаждущих освобождения, помянуть его имя с заслуженной любовью и благодарностью». Далее, как мы полагаем, должны были следовать публикуемые строки. Редактируя текст, Огарев сперва решил отнести их в примечание, а затем, по каким-то причинам (быть может, в связи с возражениями сотоварищей по редакции нового «Колокола»), вовсе отказался от их опубликования.

* Последние три слова надписаны над зачеркнутыми словами: революционному делу.

〈ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ «СПЛОТИМТЕСЬ ДРУЖНО»,
В НЕИЗВЕСТНОЙ РЕДАКЦИИ〉

Я думаю, это самое общее выражение смысла *полезного*.

Теперь спрашивается: что же делает личность внутренне свободною? Ясность мысли и ее согласность с поступком *. Что делает личность независимую? Это немешание окружающей средою каждому ясно мыслить и действовать. — Стало, полезное в общественном смысле — это знание и устранение препятствий, мешающих человеку ясно мыслить и действовать.

Что же мешает человеку ясно мыслить и действовать? — Подчинение, сословность, правительство; преднамеренное, для поддержания этих вещей, учение, которое нисколько не есть знание, нисколько не есть ясность, а запутыванье мысли и угнетение действия.

Может ли тайное общество быть полезным для выхода из такого положения?

Да! скажем мы, для этого тайное общество полезно, возможно и необходимо.

Но какая же может быть его цель и какое построение?

Цель может быть одна: разрушение правительства **, распадение государства на союзные области, выборные управления, общинное землевладение, общинная работа.

Построение общества, как построение всякого тайного общества, начиная с христианского апостольства, иезуитского ордена и до масонства и декабристов, не может не начаться с центра.

Центр, зерно общества, не имеет нужды в многолюдстве; он нуждается только в искренности и понимании своих членов. Центр должен быть искренен как бы одно лицо, а его понимание вещей должно быть энциклопедическое; это — *conditio sine qua non****, когда дело идет о положительном знании и практическом общественном перевороте. Центр должен иметь свое выражение в печати, где бы его понятия высказывались как можно более цельно. Центральное издание должно высказывать направление, теорию, предположение применений, исполнение которых падет на периферию общества. Чем далее в периферию, тем более потребуются специальностей, как бы они мелки ни были, так чтоб всякий человек мог найти свое дело и общество имело бы наконец**** деятелей, действующих в смысле общества, не имея нужды знать о его существовании.

Конечно, общество не может ограничиться одним книгопечатаньем, а должно иметь всяких практических деятелей в народе, в солдате, в офицерстве, в чиновничестве и пр.

Кажется, я достаточно высказал цель и построение. Теперь только могу закончить воззванием, что мы зовем живых, *vivos voco*!

〈Вторая половина апреля 1870 г.〉

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 26—27. — Автограф на листе писчей бумаги in folio. В правом углу каждого полулиста — нумерация, сделанная рукой Огарева: 5 в 6. Перед нами, следовательно, не целая рукопись, а лишь отрывок из нее (окончание): первые четыре страницы до нас не дошли. Первая строка публикуемого текста («Я ду-

* Слова: согласность с поступком — написаны над зачеркнутым: применимость к поступку.

** Слово правительства написано карандашом над зачеркнутым: сословности

*** неперменное условие (лат.).

**** После слова наконец зачеркнуто: агентов

маю, это самое общее выражение смысла *полезного...*) в одной из предшествующих редакций заканчивала следующий абзац: «Может ли в наше время тайное общество быть полезно, и, если может, какая должна быть его цель и организация? Это приводит к еще более общему вопросу: что значит полезное в общественном смысле? Я смело отвечу: все, что клонится к свободе личности и к равному распределению ее в общественном устройстве, словом все, что может хотя приблизительно примирить несгнетаемую независимость лица и его действий с необходимостью рода людского, лежащую *in natura rerum*, жить стадом. Я думаю, это самое общее выражение смысла *полезного*» («Лит. наследство», т. 39-40, стр. 323). Бумага, на которой написан печатаемый текст, чернила и почерк, какими он написан, совпадают с бумагой, почерком и чернилами рукописи Огарева «Империя» — статьи, напечатанной в последнем, шестом, номере «нечаевского» «Колокола» за 1870 г., вышедшем 9 мая. Отсюда наша датировка автографа второй половиной апреля 1870 г.

Публикуемый отрывок представляет собой существенный интерес. Многие его строки дословно совпадают как с текстом статьи Огарева «Сплотимтесь дружно!», напечатанной в том же, шестом, номере «нечаевского» «Колокола» за 1870 г., так и с текстом «Записки о тайном обществе», опубликованной в 1941 г. Б. П. Козьминым в т. 39-40 «Лит. наследства» с ошибочной датой 1860 г. (следует: март — апрель 1857 г. — см. «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII, М., 1951, стр. 67—68). Таким образом, за 13 лет до 1870 г. Огарев уже сформулировал свои основные идеи о «цели и построении» тайного общества. Обнаруженная третья редакция тех же формулировок, *созданная в 1870 г. на материале текста 1857 г.*, доказывает, что проблема создания тайного революционного общества была для Огарева одной из главных проблем на протяжении 13—14 лет его заграничной деятельности.

14

〈ДВЕ ПРОГРАММЫ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ЖУРНАЛА 1870 г.〉

ОБЩИНА ИЛИ РУССКАЯ ОБЩИНА

〈а〉

Община вышла бы напомниманием Гмины, а Русская община слишком национально.

С о д е р ж а н и е.

Отдел 1-й

Разъяснение разных форм общины — в особенности формы русской общины. Тут не нужно забыть разъяснение отношения русской общины к Малороссии и пр., т. е. к населению необщинному в России, и поставить вопрос: может ли это необщинное население перейти в общинное путем русской революции.

Затем следует отношение русской общины к интернациональному делу.

〈вырван листок〉

обозначение возможностей русской революции и способов ее организации.

Отдел 2-й

Разбор происшествий в России.

Отдел 3-й

Русские корреспонденции и обличительная часть.

〈Июль 1870 г.〉

ЛБ, ф. Г.— О. VII. 3. Зап. книжка № 37, лл. 19—21 об.

[РУССКИЙ] ВОСТОК

<6>

Мы принимаем это заглавие для нового листа, потому что Русский Восток * уже с ** прошлых столетий неоднократно заявил свое стремление к делу народного освобождения.

Первый отдел листа должен содержать статьи, где Русский Восток подает руку всем освобождающимся народам, начиная с всего славянского Запада, будь то Польша и каждая ее область, будь то славянские народы, — каждого племени. Разумеется, статьи будут совершенно в социальном направлении и также с указанием на революционное движение Русского Востока.

Второй отдел должен отнестись к обозрению происшествий во всех иностранных землях и в особенности к разбору их отношений к русско-славянскому миру.

Третий отдел должен содержать известия из самой России — по газетам и корреспонденциям.

Стихи могут быть помещены, когда случится.

Размер журнала — лист формата старого «Колокола».

Выходить он будет сначала раз в месяц, а там — посмотрим.

О г а р е в

Члену Обществ(а) взаимн(ого) труда и помощи Р. Ц.

<Август 1870 г.>.

ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 38, л. 51.

Публикуемые тексты относятся к лету 1870 г. В это время Огарев после разрыва с Нечаевым задумал издавать новый журнал взамен «нечаевского» «Колокола», прекратившегося 9 мая 1870 г.

Текст под названием «Община» или «Русская община» — это первый проект программы журнала.

Названия не удовлетворяли Огарева: первое потому, что совпадало с названием польской газеты «Gmina» (издававшейся польским «Социально-демократическим товариществом» в Цюрихе в начале семидесятых годов); второе потому, что не отражало в полной мере программы предполагаемого органа.

В ходе обсуждения проекта вместе с Бакуниным и другими лицами возникло новое название — «Социалист», но и оно принято не было. Тогда были предложены названия «Русский Восток», а затем «Восток».

Нами публикуются тексты: 1) программа «Общины или Русской общины» (из рукописи утрачен листок — повидимому, об интернациональных, преимущественно славянских, проблемах, которыми должен был заниматься журнал) и 2) программа журнала «Восток». Помимо этих текстов сохранился первоначальный *черновой* текст программы «Русский Восток», находящийся в записной книжке Огарева (ЛБ. Г.—О. VII. 3, лл. 19—21 об.), чем и доказывается принадлежность программ именно Огареву.

Вопрос о том, кто явился автором программы, возникает потому, что на этот счет имеются донесения агента III Отделения, провокатора К. А. Романа, находившегося в 1870 г. в Женеве под именем «издателя Н. В. Постникова» и утверждавшего, будто автором программы был не Огарев, а Бакунин (см. книгу: Р. К а н т о р. В погоне за Нечаевым, Пг., 1922, стр. 53—61; переиздано в 1925 г.).

4 июля 1870 г. Роман сообщал в очередном донесении, что Бакунин, приехав из Локарно в Женеву, тотчас пришел к нему и с полным доверием предложил отправиться в Россию «для заготовления материалов для будущей пропаганды, так как издание „Колокола“ теперь, за неимением материалов и средств, прекращается». В донесениях от 10 июля и следующих ход этих переговоров освещен подробно.

* Далее зачеркнуто: заявил себя

** Далее зачеркнуто: времен пугачевщины

Почему Роман так упорно именует автором программы Бакунина? Дело в том, что во всех предыдущих донесениях он твердил, будто Огарев из-за болезни, ослабления памяти и дряхлости более «не опасен». Таким образом, программа Огарева не могла бы заинтересовать III Отделение. Поэтому-то инициатором, руководителем

МОГИЛА ГЕРЦЕНА В НИЦЕ

Фотография 1919 г.

Исторический музей, Москва

будущего журнала Роман изображает Бакунина. Между тем, на деле Бакунин не очень интересовался будущим журналом.

Вместе с тем факты, сообщаемые Романом, повидимому, верны. «Сегодня утром заходили ко мне Огарев и Бакунин, — сообщает агент 10 июля, — и заявили, что прекращение „Колокола“ ими окончательно решено, но взамен его они будут издавать, под обоюдную свою редакцией, новый журнал под заглавием „Община“ или „Русская община“, — словом, под одним из этих названий. Бакунин прочел мне набросанную

им программу этой новой пропаганды. Направление ей дается социально-демократическое, но, тем не менее, с прибавкой революции, без мысли о которой Бакунин жить не может. В проектированной пропаганде он поставил задачею выяснить, как путем революции народ может стать в обштинное положение. Государственных форм он не допускает, конечно, ровно никаких. Это будет 1-й отдел. 2-й отдел будет посвящен корреспонденциям и известиям из России, с критическим их разбором. 3-й отдел должен заключать в себе критический разбор статей, печатаемых в русских журналах и газетах. 4-й отдел — обличения» (цит. изд., стр. 57).

Утверждение агента, будто Бакунин «прочел» «набросанную им программу», сделано с целью изобразить инициатором журнала именно Бакунина. В действительности же программа, несомненно, составлена Огаревым и соответствует его взглядам на очередные задачи революционного движения в этот период.

В следующих донесениях содержится рассказ о совещании относительно журнала, в котором принимали участие, кроме Огарева и Бакунина, В. М. Озеров, Н. И. Жуковский и «неизвестный молодой человек». На этом совещании обсуждался вопрос об участии в журнале, в качестве третьего редактора, П. Л. Лаврова, находившегося в Париже. «Огарев будет писать статьи по развитию обштинного вопроса, — сообщает Роман, — Бакунин — по части социализма и рабочего движения, а Лавров — статьи, касающиеся земства, военного дела и атеизма» (цит. изд., стр. 58).

Эти сообщения вполне достоверны. Переговоры с П. Л. Лавровым о сотрудничестве в задуманном журнале действительно велись в конце июля 1870 г. через посредство М. П. Сажина. Раздел журнала, который предложено было вести Лаврову, должен был быть посвящен проповеди атеизма (М. П. Сажин. Воспоминания. — «Голос минувшего», 1915. кн. 10, стр. 124). Однако Лавров от сотрудничества с Бакуниным отказался.

Программа журнала «Восток» является развитием и уточнением программы журнала «Община». Мы полагаем, что она была написана в августе 1870 г., когда Огареву стало известно, что Нечаев, уехавший в Лондон, выпускает там журнал «Община». Название «Община», таким образом, отпало.

Обращение, содержащееся в конце программы, расшифровывается нами следующим образом: буквы Р. Ц. означают «Революционный центр». «Общество взаимного труда и помощи» — тайное общество, идею организации которого вокруг революционного центра, будто бы существующего в России, Огарев развивал в статье «Сплотитесь дружно!» («Колокол», л. 6, 9 мая 1870 г.).

15

〈ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «SUISSE RADICALE»〉

Genève, 27 juin 1870

Monsieur le Rédacteur.

Le № 154 du journal russe «le Golos», rédigé par mon ancien patron en littérature, M. Krajevsky, contient un feuillet qui voudrait faire main basse sur toute l'émigration russe et qui fait une dénonciation sur les tendances révolutionnaires en Russie-même.

Gloire à M. Krajevsky! Je m'attendais depuis longtemps à ce qu'il allait tomber dans cette honorable voie. Mais en même temps je dois prévenir mes compatriotes qui circulent en Europe, que le susdit feuillet, écrit à Genève, est signé A...v. Je sais de bonne source (et en cas de besoin, je pourrai citer les vrais noms et les pseudonymes), que ce monsieur voyage avec une dame, comme agent de la 3-me section de la chancellerie impériale russe (police secrète).

Je dois donc prier mes compatriotes d'être bien prudents. Pour le moment, ce monsieur se trouve à Paris.

Agrééz, etc.

Nicolas O g a r e f f

Перевод:

Женева, 27 июня 1870

Господин редактор.

№ 154 русской газеты «Голос», редактируемой моим старым покровителем в литературе г. Краевским, содержит фельетон, который ставит себе целью — разгром всей русской эмиграции и который является доносом на революционные течения в самой России.

Слава г. Краевскому! Я уже давно ожидал, что он попадет на эту почтенную дорожку. Но в то же время я должен предупредить своих соотечественников, которые разъезжают по Европе, что вышеупомянутый фельетон, написанный в Женеве, подписан А...в. Я знаю из верного источника (и в случае надобности, я смогу назвать подлинные имена и псевдонимы), что этот господин путешествует в сопровождении одной дамы, в качестве агента III Отделения Русской императорской канцелярии (тайной полиции).

Я должен поэтому просить моих соотечественников быть очень осторожными. В настоящее время этот господин находится в Париже.

Примите и пр.

Николай Огарев

Происхождение публикуемого документа следующее. В № 154 петербургской газеты «Голос» от 6/18 июня 1870 г. появился фельетон «Шутовство русской эмиграции. (Письмо в редакцию)». Подписан был фельетон: «К. А-в»; помечен «Женева, 20 мая 1870 г.».

Автор фельетона издевался над листовками и воззваниями, выпущенными в Женеве в 1869—1870 гг. так называемой нечаевской организацией, и приводил из них выдержки.

Ознакомившись с фельетоном, Огарев послал в «Suisse radicale» публикуемое письмо.

Источник сделанных им разоблачений остается нам неизвестным. Не раскрывая фамилии или псевдонима автора фельетона, Огарев указал на его действительную роль — роль агента III Отделения и предупредил соотечественников, что необходимо соблюдать осторожность.

Поместить свое письмо в русской заграничной печати Огарев не мог: издание «Колокола» прекратилось 9 мая 1870 г.

В записной книжке Огарева за 1870 г. (ЛБ. VII. 3, лл. 4—8) находится черновик публикуемого текста, содержащий дополнительные сведения об авторе фельетона: «... feuilleton écrit à Genève, est signé A...v [(с. à d. Aliabiève)]. Cet homme connu aussi parfois sous le nom de Nem<zo>ff voyage avec une dame (Mamontoff) comme agent» *.

Фамилии — Немцов и Мамонтова, упоминаемые Огаревым в записной книжке и не вошедшие в печатный текст его письма, встречаются еще в одном документе, который имеет прямое отношение к интересующему нас эпизоду. Это — донесение агента III Отделения К. А. Романа («издатель Н. В. Постников») из Женевы в Петербург от 26 мая 1870 г. «В Женеву, — доносил агент, — дней 10 тому назад приехали некто Немцов, Алябьев и девица Мамонтова и отправили тотчас телеграмму в Мontre, откуда и явилась сюда же некто г-жа Висковатова <...> Немцов, Алябьев и Мамонтова 23 мая выехали в Париж, откуда намерены были ехать в Россию» (ЦГИАМ, ф. III Отдел., II секр. архив, 1869—1870 г., № 85, л. 133).

Постников (Роман), агент, хорошо осведомленный (см. Р. К а н т о р. В погоне за Нечаевым. Пг., 1922, стр. 23, примеч., 39 и сл.), пишет об Алябьеве и Немцове как

* фельетон, написанный в Женеве и подписанный А...в [(т. е. Алябьев)]. Этот человек, известный также под именем Нем<по>ва, путешествует в качестве агента, в сопровождении одной дамы (Мамонтовой) (франц.).

о разных лицах. Огарев же в своем черновике указывает на фамилию Немцова как на псевдоним Алябьева.

Мы не беремся окончательно разрешить это противоречие; быть может, запятая, разделяющая фамилии Немцова и Алябьева в донесении Романа, поставлена не случайно и речь идет о двух лицах, но мы склонны полагать, что Алябьев и Немцов это одно и то же лицо.

После опубликования письма Огарева Постников переслал соответствующую вырезку в III Отделение. 6 июля 1870 г. он писал в донесении: «Вырезку из „Suisse radicale“ насчет Алябьева, о чем я говорил в предыдущем письме (оно в деле отсутствует.— Я. Ч.), представляю» (цит. дело, л. 255).

Был ли Алябьев в действительности агентом III Отделения, мы не знаем. Судя по переписке Романа с К. Ф. Филиппеусом, начальником секретной агентуры, Филиппеус имел полную возможность печатать в «Голосе» разные сообщения. Как указывает Р. Кантор. Роман «несколько раз просто-напросто пишет: „Не напечатаете ли заметку в этом духе в „Голосе“ Краевского?“ „Не напечатаете ли опровержение в „Голосе?“ и т. п. в том же приблизительно смысле» (цит. изд., стр. 23). Далее исследователь ставит вопрос: «Не инспирировал ли <...> Филиппеус редакцию „Голоса“ через кого-нибудь из своих агентов?» (там же).

Мы полагаем, что на основании публикуемого письма Огарева и разысканных нами дополнительных материалов на этот вопрос следует ответить утвердительно. Помещение в «Голосе» статьи К. А-ва «Шутовство русской эмиграции» было, по всем данным, инспирировано III Отделением. Дело в том, что еще 9 августа 1869 г. III Отделение представило Александру II доклад о ходе борьбы с распространением заграничных воззваний и листовок с апреля по июль 1869 г. и признало безуспешность этой борьбы методами перлюстрации. Александр II написал на этом докладе: «Весьма грустно. Необходимо условиться с Мин. Внутр. Д(ел) о принятии возможных мер об остановке на почте этих возмутительных воззваний. Ливадия, 16 авг. Петербург 22 авг.» (ЦГИАМ, ф. III Отдел., 3-й эксп., 1869 г., № 110, ч. 2-я, лл. 262 и сл.).

Одновременно, 7 сентября 1869 г., видным чиновником — почт-директором Шором была подготовлена особая докладная записка. Шор предлагал уничтожить влияние революционной агитации другим способом: публиковать эти листовки или часть их в легальной печати, разумеется, в специально препарированном виде, и тем ослабить их подпольное воздействие (записка находится в том же деле, ч. 2-я, лл. 272 и 276 об.).

Мы не располагаем сведениями о том, какая судьба постигла записку Шора, хотя с его предложением солидаризировалось и III Отделение. Н. В. Мезенцев написал на копии доклада Шора: «С моей стороны я полагаю, что мера эта принесла бы пользу несомненную» (цит. дело, л. 276 об.).

Судя по приведенной выше резолюции Александра II, план на первых порах был отвергнут. Но весной 1870 г. III Отделение возвратилось к тому же плану. Статья Алябьева и своим заглавием и своим содержанием вполне соответствовала видам и намерениям III Отделения. Появиться на страницах «Голоса» она могла только с ведома и согласия редактора газеты Краевского, с одной стороны, и соответствующих учреждений — с другой. Таким образом, Огарев был совершенно прав, квалифицируя эту статью как совместную попытку газеты «Голос» и III Отделения «разгромить русскую эмиграцию» и «сделать донос на революционные течения в самой России».

Отметим также, что в дальнейшем ни подпись «К. А-в», ни подпись «К. Алябьев» более в «Голосе» не появлялись. О деятельности этого лица (или псевдонима) нам не удалось собрать никаких дополнительных данных, которые разъясняли бы его роль. Однако приведенные выше материалы не оставляют сомнения в том, что в данном эпизоде это лицо действовало в качестве правительственного агента.

АГИТАЦИОННЫЕ И САТИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПАМФЛЕТЫ И ПЕСНИ: 1. СОВРЕМЕННОЕ; 2. МЫСЛИ РОССИЯНИНА ПРИ ЧТЕНИИ УКАЗА...; 3. «ЖИЛ НА СВЕТЕ РУССКИЙ ЦАРЬ...»; 4. «ЦАРЬ — ОТЕЧЕСТВА ОТЕЦ!»; 5. НАДГРОбНОЕ; 6. ЦАРСКИЕ УКАЗЫ (ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ). ЛИСТОВКИ: 7. МУЖИЧКАМ; 8. ВСТРЕЧА (ПОСВЯЩЕНО ДУХОВЕНСТВУ); 9. НАПУТСТВИЕ (НАУЧИТЕ НЕМУДРЫХ!); 10. К ДУХОВЕНСТВУ. ЭПИГРАММЫ: 11. «Я НЕ ЛЮБЛЮ ПОПОВ НИ НАШИХ, НИ ЧУЖИХ...»; 12. «ПАЛАЧ СВОБОДЫ ПО ПРИЗВАНЬЮ...»; 13. «БРАННОЙ ЛИРЫ, БРАННОЙ СЛАВЫ...»; 14. «ОТЦЫ ОТЕЧЕСТВА! В МУНДИРАХ КРАСНЫХ!»; 15. ТУРГЕНЕВУ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПАМФЛЕТЫ И ПЕСНИ

1

СОВРЕМЕННОЕ

Вот Семен Авдеич
Крикнул, зло немножко:
«Филька!.. ерофеич!..
Всё сосет под ложкой.
Ты, дурак, скажи-ка —
Врал там кто с тобою —
Даст-де царь великой
Волю да с землею?
Что ж? поверил сдуру?
А? холопья морда!
Ты свою фигуру
Держишь больно гордо.
Эдак мне умыться
От тебя, крамольный,
Скоро не добиться;
Скажешь — я-де вольный!
Ну! вы что от воли
Ждете за послугу?
Изленился, что ли,
Да и спиться с кругу?
Чай, мой дед недаром
Вас купил с землями
И причислен к барам:
Нажил всё трудами;
Долго службу правил,
Исполнял веленья
И себе составил
Важное именье.
Ну! с твоей ли рожей
Станешь ты вдруг волен?
Спи себе в прихожей
Да и будь доволен».
«Эх, Семен Авдеич!
Успокойтесь, барин,
Пейте ерофеич,
Век у нас бездарен.
Те, к царю кто ближе,
Наши лиходеи,
Думают как вы же,
Тупы и злодеи.
Неизвестно, что ли —
Там всё разговоры:

Не дадут нам воли
 Панины да воры;
 Так восторжествуют,
 Так подпустят шпильку,
 Что кругом надуют
 И царя и Фильку».

<1858 г.>

2

МЫСЛИ РОССИЯНИНА

ПРИ ЧТЕНИИ УКАЗА
 О ПРЕКРАЩЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯН
 К ПОМЕЩИКАМ В ЗАПАДНЫХ ЧЕТЫРЕХ ГУБЕРНИЯХ
 И ЧЕТЫРЕХ УЕЗДАХ

1

Эх ты, царь наш батюшка,
 Александр второй!
 Знать, и вправду бубны-то
 Славны за горой,
 Знать, покуда в Питере
 Тешили слова,
 Думал ты, пируючи:
 «Всё, мол, трын-трава!
 И в освободители
 Попаду, мол, я
 И с моими барами —
 Будем мы друзья.
 Мужик помажу я
 Медом по усам,
 А другой-де воли я
 Всё ж ему не дам.
 В некой постепенности
 Отыщу матерью
 Удобрить зарас
 Всю мою имперью...»

2

Эх ты, царь наш батюшка,
 Я простой мужик —
 И к словам заморским
 Вовсе не привык.
 Мне бы как попроще-то:
 Посулил — подай,
 Хочешь да — скажи, а нет —
 Рта не разевай.
 В промежутке пустошном
 Между да и нетом
 Смыслу не найти тебе
 С всем твоим Советом.
 Был бы ты, царь-батюшка,
 Сам себе не враг, —
 Верно не втесался бы
 В постепенный мрак,
 А с начала с самого
 Нам бы землю дал,

Без оброков-выкупов
Всех бы развязал.

3

Ты пойми, царь-батюшка,
Испужавшись ляха,

ВОЛЬНЫЙ ПѢСЕННИКЪ

(Второй выпуск)

Наголося: *«Вниз по матушки по Волгѣ»*

Изъ за матушки за Волги
Со широкаго раздолья,
Поднялась толпой народомъ
Сила русская, сплошная.
Поднялась спокойнымъ строемъ
Да какъ кликнуть громкимъ кличемъ:
Добры молодцы идите,
Добры молодцы собирайтесь —
Съ Бѣла-моря ледянаго,
Со степнаго Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украинѣ по казацкой,
Отстоимъ мы нашу землю,
Отстоимъ мы нашу волю,
Чтобъ земля намъ да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась
Властью царской не томилась!...

СТИХОТВОРЕНИЕ ОГАРЕВА «ИЗ-ЗА МАТУШКИ ЗА ВОЛГИ»,
(«ВОЛЬНЫЙ ПЕСЕННИКЪ», ВЫПУСК ВТОРОЙ, 1869 г.)

Лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Ты ведь за развязку-то
Вдруг взялся со страха.
Страх — советник плохонькой,
Не волён в мыслях,
И, глаза зажмуривши,
Бродит всё впотьмах.
Страх в российском воинстве
Уничтожил строй
И пустил солдатушек
На простой разбой.

Так что победятся-то
Ляхи не войсками,
А сдадутся — будут в том
Виноваты сами.
С страху ты, царь-батюшка,
Русским на проклятье
Бросился украдкою
В прусские объятья;
С поганью немецкою
Заключил союз,
Хныча словно махонькой:
«Дяденька, боюсь!»

4

И теперь, со страху же,
Хочешь ты, чтоб пан
Лапою казенною
Брал оброк с крестьян.
Да смотри, не поздно ли
Ты взялся за ум?
Да и ум не выйдет ли
Только *наобум*?
Кто к уставной грамоте
Руку приложил —
По указу надобно,
Чтобы рубль платил;
Кто же не подписывал,
Был тебе противен, —
Тот заплатит с скидкою
Только восемь гривен:
Стало быть, царь-батюшка,
Уж такой уряд —
Кто тебя послушался,
Тот и виноват.
Племена литовские
Идут бунтовать —
Ты крестьян от панщины
Хочешь развязать.
А как между русскими
Бунта еще нет —
Ну так переходностью
Сжать их на сто лет,
Чтобы царской милости
Век был русский барин —
За неразвязание —
Очень благодарен.

5

Ну, — с Литвой как рядышком,
Если наш народ
В неповиновении
Выгоду поймет?
Если Псков да Новгород
Да смоленский люд,
А потом московские
К ним же подойдут,

Да по всей империи
 Русский весь народ —
 На неправосудие
 Вдруг возопиет:
 «Нутка, царь, развязывай!»
 Нет уж, тут с рубля
 Двадцатью копейками
 Отлынять нельзя.
 Видишь ли, царь-батюшка,
 В страхе нет добра,
 С ним, — чего мудреного, —
 Побежишь с двора.
 Знамо, тучу божью
 Не спхвырнешь на вилах —
 Ты сознайся попросту,
 Что владать не в силах.
 Обратись-ка к земщине,
 Сзови собор,
 Да народных выборных
 Слушай приговор;
 Слушай во смирении,
 Головой склонись,
 Разуму народному
 Сам-то поучись.
 Да спеши, царь-батюшка,
 Чтоб не запоздать,
 Не пришлось бы земщину
 Без тебя сзывать.

6

Если я, царь-батюшка,
 Что сказал не в лад, —
 Ты уж не взыщи на мне,
 Я не виноват.
 Твой покойный тятенька
 Человек был строг,
 Всех, кто был пограмотней,
 Гнул в бараний рог.
 Мы учились без толку
 Как-то на-авось...
 Впрочем, свет царь-батюшка,
 Ты меня не бось,
 Человек я маленький,
 Смирный, не буйн,
 Чином не запятнанный
 И не из дворян.
 Я не вор, не взяточник,
 Не шпион какой,
 Купленный и проданный,
 А мужик простой —
 Пока верноподданный.

Фирс * Х о л м о г о р о в

<1863 г.>

* Я, люди добрые, именинник бываю 14 декабря; милости просим закусать. —
 Примеч. сочинителя.

3

На голос: «Ездил русский белый царь
Православный государь,
Из своей страны далеко
Лавры пожинать».

Жил на свете русский царь,
Разнемецкий государь,
Он крестьянскому народу
Волю обещал! (*дважды*)

Чтобы каждый селянин,
Как теперь дворянин,
От работы подневольной
Век не горевал!

Чтоб его ни бить, ни сечь,
Обдирая шкуру с плеч,
Ни помещик, ни чиновник
Более не мог.

Чтобы он землей владел,
И пошли б ему в надел
Те поля, за что платил он
Барину оброк.

Обещал-то царь легко.
Но уехать далеко
На посуле, как на стуле,
Видно захотел.

Думал: «глуп мужик, всё съест!»
И составил Манифест,
Что ни в толк взять, ни понять
Никто не сумел.

Ну, чиновники читать,
Да крестьянам толковать,
Что та новая неволя —
Волюшка и есть.

Воля-вольная нищать,
Да под розгами пищать,
Да начальству грош последний
Со слезами несть.

Призадумался народ,
Чует — кто-нибудь да врет:
Иль начальство надувает,
Или самый царь.

Что за воля без земли,
Чтобы барщину несли
И оброк крестьяне так же,
Как водилось встарь?

Это что-нибудь не так —
И попалися впросак
Те крестьяне, что судили
О делах своих.

МУЖИЧКАМЪ.

* * *

Люди мои милые, люди мои бѣдные,
Когда-жъ это вы начинѣте голоса-то побѣдные?
Поразберите сами—что вы теперь справляете—
Плотите, плотите, голодаете, голодаете...
Развѣ это въ самомъ дѣлѣ жизнь для человѣка?
И чѣмъ-же это лучше какого крѣпостнаго вѣка?—
Старшинъ выбираете будто вы, а выбираетъ начальство,
Отъ этого и идѣть только грабѣжъ да нахальство.
А вся бѣда, что вы еще вѣрите въ дѣло царское,
А оно тоже дѣло чиновничье и дѣло барское.
Когда-жъ это вы перестанете во вздоры-то вѣрить,
Да станете всѣ дѣла на свой аршинъ мѣрить?
Пора, братцы, пора! Время то уходитъ,
Не станете за себя сами—такъ они васъ уходятъ.
Надо самимъ силу въ руки взять для лучшей-то доли,
Чтобы добиться въ самомъ дѣлѣ и земли и воли,
А тамъ ужъ межъ себя подѣлитесь и разверстаєте,
Не то что по указу царскому, а какъ сами знаете.

* * *

«МУЖИЧКАМЪ» — ЛИСТОВКА, НАПИСАННАЯ ОГАРЕВЫМ
1869 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции,
Москва

По селам, без дальних слов,
Как прямых бунтовщиков,
Стала сечь их и тиранить
Стая становых.

Ну, сзывать на них полки,
Да водить солдат в штыки,
Чтоб по старому порядку
Всё водилось вновь.

Напроказил царь-отец!
На Руси с конца в конец
Из-за царского обмана
Пролилася кровь.

Надо, значит, для крестьян,
Чтоб народ за волю сам
Дружно — миром, волостями
В одно время встал!

Надо, значит, чтоб солдат
Помогал ему как брат
И, не слушая приказа,
В него не стрелял.

<1863 г.>

4

Царь — отечества отец!
Гроши сгибли на дворец,
На железные дороги
И на Невский мост.
Прошлогодние итоги
Нам поджали хвост.

Всем известно, что расход
Прибывает каждый год,
И недаром за ушами
Чешет бедный наш народ.
Все финансы по рукам
Так и льются здесь и там;
А уж главный над путями
Без пути берет.

Мы министры — господа,
Неизвестна нам нужда!
Всё по-русски — сущий вздор!
Чтоб добраться цели,
Жмем народ до тех мы пор,
Сок пока есть в теле.
Им же лучше — пусть сидят
В нищете и мраке,
Ведь от жиру, говорят,
Бесятся собаки.

Все приказы отданы —
Не жалею мирской казны,
Войску нашему маршрут:
Пусть их лямку трут,
На венгерца прут,
За австрийца мрут,
Вместо их рекрут
Втрое наберут.

<После 1863 г.>

5

НАДГРОБНОЕ

Что тебя прихлопнуло,
Старый генерал?
Совесть ли проснулася,
Царь ли обругал?

Видишь, как бы ни было.
Будь хотя подлец,
А кондрашка всё-таки
Хватит наконец.

И хватил насмешливо,
Не уважив чин,
Накануне именно
Царских именин.

И равно ни холодно
И не горячо,
Есть Андрей с брильянтами
Иль через плечо.

Вот мораль из этого,
Будь ты хоть палач,
А издохнешь всё-таки,
Злобствуй или плачь.

<1866 г.>

6

ЦАРСКИЕ УКАЗЫ

(ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ)

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но их без волненья
Сносить невозможно.

Как полны их звуки
Безумством стяжаний,
В них все наши муки,
Обман обещаний.

Дождется отпора
От схода мирского —
Из гнета и вздора
Сотканное слово.

В селе или в поле,
Мы — где б ни случилось —
Проклясть поневоле
Его мы решились.

Не кончивши жнитвы,
Для воли все разом
Мы бросились в битвы
На гибель указам.

<1869 г.>

ЛИСТОВКИ

7

МУЖИЧКАМ

Люди мои милые, люди мои бедные,
Когда ж это вы начнете голоса-то победные?

Поразберите сами — что вы теперь справляете —
Плотите, плотите, голодаете, голодаете...

Разве это в самом деле жизнь для человека?
И чем же это лучше какого крепостного века?

Старшин выбираете будто вы, а выбирает начальство,
От этого и идет только грабеж и нахальство.

А вся беда, что вы еще верите в дело царское,
А оно тоже дело чиновничье и дело барское.

Когда ж это вы перестанете во вздоры-то верить
Да станете все дела на свой аршин мерить?

Пора, братцы, пора! Время-то уходит.
Не станете за себя сами — так они вас уходят.

Надо самим силу в руки взять для лучшей-то доли,
Чтобы добиться в самом деле и земли и воли.

А там уж меж себя поделитесь и разверстаете,
Не то что по указу царскому, а как сами знаете.

<1869 г.>

8

ВСТРЕЧА

(посвящено духовенству)

Идет мужичок с сенокоса домой, на плече несет косу вострую. А косил он траву полумертвую, от весенних дождей полусгнившую, от июньских жаров пожелтелую. А навстречу ему косматый поп — в синей рясе степенно идет, широкополою шляпой прикрывается, от солнца от знойного защищается. И несет косматый поп святые дары — отпустить во иные благие миры бабу старую, неумытую, горькой долей разбитую.

И, завидя попа, мужичок отплевывается, от попа, говорит, беда наклеивается. От попа, говорит, дни беды полны — отплеваться надо на три стороны. На одну на сторону, чтоб он грех не взыскал; на другую на сторону, чтобы денег не взял; а на третью на сторону не быть бедствию, от поповских враньев не придти к сумасшествию.

От плевка мужика поп обиделся.

Ты из старой сказки, говорит, не выбился,

Чем же я не друг тебе, мужичок?

А пойдем-ка мы лучше с тобой в кабачок,

Зеленáго вина выпьем чару дружную,

Потолкуем речь, обоим нужную.

А старуха святых даров без хлопот подождет,
И приду ли я поздно, всё равно помрет.
И пошел с попом мужичок в кабачок,
Чару выпили зеленого вина,
И поп говорит: моя жизнь не красна
И не лучше мужицкой, ты мне просто поверь,
Мы живем, как холоп, как замученный зверь.

Венгрия
(Повстаніє двобічне)!

Wider superior or convex down?, has
 slender necks very long. A comb on
 upper notyriophylla, one broader dorsal set
 on notyriophylla, one broadest dorsal notyriophylla.
 A narrow and somewhat notyriophylla
 on notyriophylla, ~~upper notyriophylla, in 10.~~
 on notyriophylla, ~~upper notyriophylla, in 10.~~
 broad, one where one notyriophylla
 A narrow notyriophylla notyriophylla
 against to under Marie high - Lady of
 notyriophylla, notyriophylla notyriophylla,

U zjednať svoje myšlienky o utlačovaní
 nás, roľníkov, ľahko neľahká vec, čo
 má, ~~na~~ ^{duť} ~~roľníkov~~, ^{duť} ~~roľníkov~~ — on-
 skelapľi má sa na úroveň. Na úroveň
 úroveň, ~~na~~ ^{on} ~~roľníkov~~ ne bytovať; ~~na~~
~~roľníkov~~ na úroveň, ~~na~~ ^{na} ~~roľníkov~~ ^{na} ~~roľníkov~~
 a na úroveň ~~na~~ ^{na} ~~roľníkov~~ ^{na} ~~roľníkov~~
 odozvučujú ~~na~~ ^{na} ~~roľníkov~~ ^{na} ~~roľníkov~~
 ly ~~na~~ ^{na} ~~roľníkov~~ ^{na} ~~roľníkov~~

Otr iheba myka nort aduol
 With my efapud wagen, wolojpo, ne bl. b. b. b.
 Dore fu & ne dore wale, myka
 A wale na il tyne er wale de wale

«ВСТРЕЧА» — ЛИСТОВКА, НАПИСАННАЯ ОГАРЕВЫМ, 1869 г.

Автограф, лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции,
Москва

А теперь нам еще хуже приходится,
Наше племя больше на шатанье расходуется.

А мужик говорит: Дурень ты, поп,
Присылай к нам детей и в жар и в зноб,
Мы им работу дадим на месте,
Землю пахать станем вместе,
Мы только примем их, как родных,
Мы только вскормим их, как своих.

А не то надоело косить траву блеклую,
 Я возьму косу, косу вострую,
 Да смету вас всех, моих начальников,
 Моих предателей, моих нахальников,
 И поверь, тогда без вашей подготовки,
 Проживем и проверуем безо всякой поповщины.

<1869 г.>

9

НАПУТСТВИЕ

(НАУЧИТЕ НЕМУДРЫХ!)

У нас в России мудрыми называются: наживающееся чиновничество, немножко производящее и много проматывающееся дворянство, заслуженное профессорство, дикое купечество и бессмысленное духовенство; а немудрыми называется крестьянство сельское и крестьянство городское, т. е. мещанство. Мудрым также называется царь, т. е. главный дворянин и главный чиновник в России.

Мудрых учить нечему. Они никогда не согласятся с требованиями, нужными крестьянству и мещанству — для свободно-общественных или, лучше сказать, общинных порядков.

Что же делать и кому?

Делать остается одно: сплотить крестьянство и мещанство в одно восстание, к которому они естественно стремятся, к которому примкнет и солдатство, т. е. крестьянство, закабаленное в чужую, противную собственность.

Кому делать? Делать остается только юношеству, которое отказалось от мудрых, которое прониклось смыслом общинных порядков и решилось дать крестьянству направление для того, чтобы оно сплотилось в одно всеобщее восстание.

На обороте:

Тут нужно только свое устройство, и, стало, много бесстрашной, безусталой и неуклонной работы.

Научите немудрых!

<1869 г.>

* * *

Забудь уныния язык!
 Хочу — помимо произвола,
 Чтоб ты благоговеть привык
 Перед святынею глагола.

Мне надо, чтобы с уст твоих,
 Непразднословных и неживых,
 Звучал поток речей живых,
 Как разум ясных и правдивых.

Отбрось рабов обычных школ —
 И книжника и фарисея:
 Пред ними истины глагол
 Проходит, власти не имея.

Учи того, кто не успел
 С ума сойти в их жизни ложной,
 Кто ищет, искренен и смел,
 Рассудка простоты несложной.

Глагол — орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли? Ну! Теперь смотри —
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом.

<1858 г.>

10

К ДУХОВЕНСТВУ

Ах, вы, мои милые попы! Что это у вас за оказия? Сельские приходы поуничтожили, всё, мол, нужен центр, центр, центр — чиновничье средоточие. Поэтому заводятся большие приходы, куда крестьяне за 50 верст должны ездить помолиться.

Что ж вы думаете, что правительство хочет уничтожать веру... в неизвестное? ну! это еще было бы не так дурно; но не в том дело. Правительство хочет, чтобы не было ни одного свободного, самостоятельного попа, дьякона, дьячка, пономаря. Стало быть, как можно больше мелких попов, дьяконов, дьячков, пономарей — в сторону, в заштат; а останутся только попы-чиновники, вот что и нужно правительству. А для этого оно сообразило, что, кроме уничтожения мелких приходов и маленьких лиц духовного звания, еще будет лучше не впускать в семинарии больше половины детей, которые шли в них, так чтобы из 500 шло не больше 2-х сот. А остальные пойдут, куда хотят — в кузнецы или в солдаты. Я не скажу вам, чтобы семинария была хорошая вещь, в ней обычно преподавание шло глупо; но она давала стольким-то юношам средство питаться, а теперь этого не будет.

Что же делать?

Да идти в мужики — туда, где мужики захотят встать и разрушить это недобросовестное государство.

Так ли?

Подписываюсь Преданный народу искренний человек.

<Сентябрь 1869 г. — март 1870 г.>

ЭПИГРАММЫ

11

Я не люблю попов ни наших, ни чужих —
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви, иль попы свободы —
Все подлецы! Всех к чёрту! Что нам в них?
На место этих иноков бесплодных
Давайте просто нам — людей свободных.

<1858 г.?)

12

Палач свободы по призванию,
Палач науки по уму,
Пригавший к ясному преданью

Теоретическую тьму:
 Как ты ни гордо лицемерен,
 А всё же знай, Видок Тетерин,
 Что ты, в глазах честных людей,
 Доносописец и злодей,
 Холоп и шут самодержавья,
 Достойный тяжкого бесславья
 Иль смерти немца Коцебу...
 Итак — свершай свою судьбу.

<1862 г.>

13

«И бранную повесил лиру
 Меж верной сабли и седла....»

Бранной лиры, бранной славы
 Ненавижу я права,
 Ими жив орел двуглавый,
 Чёрт возьми их пир кровавый!
 Лучше бранные слова.

<1863 г.?)>

14

Отцы отечества в мундирах красных!
 Как это нет у вас понятий ясных,
 И не вперед вас из апелляционных
 Подвинуло название кассационных?
 Недаром в вас народ, назло призракам,
 Обычное находит сходство с раком.

<Апрель 1867 г.>

15

Т<УРГЕНЕ>ВУ

Я прочел ваш вялый «Дым»
 И скажу вам не в обиду —
 Я скучал за чтеньем сим
 И пропел вам панихиду.

<1867 г.>

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. СОВРЕМЕННОЕ

Принадлежность данного стихотворения Огареву устанавливается на основании автографа, хранящегося в ЛБ (Г.— О. VII. 36). Автограф белой с поправками карандашом и чернилами.

Печатается по тексту «Колокола» (л. 21, от 15 августа 1858 г., стр. 173—174), где стихотворение, опубликованное анонимно, следует непосредственно за статьями Огарева, посвященными разбору проектов Главного секретного комитета по крестьянскому вопросу. Эти статьи — «Нет больше освобождения крестьян!» и «Нет больше спасенья от чиновничества!» — напечатаны тоже анонимно; принадлежность их Огареву устанавливается сопоставлением с заметкой — «Ответ», напечатанной за подписью Огарева в «Смеси», л. 28.

Назначение «Современного» очевидно: оно призвано было служить прямой сатирической параллелью тем положениям, которые развивались в названных статьях, направленных против крепостнических проектов «освобождения». За несколько месяцев до того как было написано «Современное», Огарев в «Колоколе» (л. 14 от 1 мая

1858 г., стр. 99—100), в стихотворении «С того берега», упоминая о «Кесаре», т. е. об Александре II, писал:

Погляжу я на дальний на восток:
Там мне племя живет, племя доброе.
Кесарь хочет ему сам свободу дать,
Хочет сам да и побаивается.
.....
Ну! Да как же Кесарю нам свободу дать?
У него всё ж орел на знамени
.....
А орел — птица кровожадная! —
Верить хочется и не верится,
С думы сердце в груди надрывается.

Недоверие к возможности «освобождения сверху» отчетливо звучит во многих выступлениях Герцена и Огарева даже в тот период, когда на страницах «Колокола» появлялись слащавые письма к Александру II Вешателю, о которых упоминает в своей характеристике Герцена В. И. Ленин (т. 18, стр. 12).

В публикуемом стихотворении Огарев создает образ барина, злорадно издевающегося над мечтами дворового человека о воле. Сатирический образ, созданный Огаревым, служит разоблачению политической позиции и классового своекорыстия крепостников-помещиков. Однако и в этих стихах Огарев еще отделяет царя от крепостников и реакционных бюрократов («Панины да воры»), вкладывая в уста дворового опасение, что они «кругом надуют» не только «Фильку», т. е. народ, но и самого царя.

2. МЫСЛИ РОССИЯНИНА

Печатается по тексту «Общего веча», № 14 (15 апреля 1863 г., стр. 69—70). Первый вопрос о принадлежности этого стихотворения-памфлета Огареву был поднят М. М. Клевенским. Покойный исследователь писал: «Кто такой „Фирс Холмогоров“, стихотворение которого помещено в 14 номере „Общего веча“? Огарев ли, что очень вероятно, или кто-нибудь другой?» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 580). Предположение, высказанное М. Клевенским, мы можем подтвердить нижеследующими данными.

Изучая тексты, вошедшие во второй выпуск «Вольного песенника» (по несброшюрованному оттиску в «пражской коллекции» — ЦГАОР ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 63), мы обнаружили здесь другую сокращенную редакцию первых двух главок публикуемого стихотворения приспособленную к нуждам агитационной кампании 1869—1870 гг. Тексты «Вольного песенника» были подобраны, а частью и написаны Огаревым. Ему, несомненно, принадлежат напечатанные в песеннике стихотворения «Из-за матушки за Волга», «Надгробное» и, вероятно, стихотворения «Царские указы», «Жил на свете русский царь» и «Царь — отечества отец!», включенные (кроме первого) в настоящую публикацию. Как мы указываем ниже (см. стр. 599 в примечаниях к листовке «Напутствие (Научите немудрых!)», в агитационной практике Огарева были нередки случаи переделки собственных старых стихов и приспособление их к нуждам агитации в новой политической обстановке.

Одним из таких случаев и является переработка стихотворения-памфлета 1863 г.

Памфлет при переделке подвергся коренным изменениям и по содержанию и стилистически. Главки 3—6 памфлета были удалены, потому что устарели. Они содержат (кроме 6-й главки) сатирическую характеристику политики царского правительства в Литве и Белоруссии по отношению к крестьянам. Как известно, желая предотвратить участие литовских и белорусских крестьян в польском восстании 1863 г., царское правительство в западных губерниях пошло на отмену «временнообязанных» отношений крестьян к помещикам. Автор памфлета умело использовал в качестве объекта сатиры трусливую и двоедушную политику царя. В агитационной кампании 1869 г. эти мотивы были уже неуместны: «временнообязанные» отношения крестьян к помещикам продолжали существовать во всей России и к борьбе с ними и призывал Огарев почти во всех своих агитационных выступлениях 1869 г. Этой борьбе и посвящена была песня «Мысли россиянина...».

Работая в 1869 г. над песней, автор использовал первые две главки печатаемого нами памфлета 1863 г., подвергнув их некоторым стилистическим изменениям. Короткие строки памфлета (5- и 7-сложные) были соединены и превращены в 12-сложные.

Например, стихи:

Мужику помажу я
Медом по усам,
А другой-де воли я
Все ж ему не дам —

в новой редакции приняли следующий вид:

И народ помажем мы медом по усам
(А другой-де воли я мужику не дам).

Доведены до большей отчетливости неясные прежде строки. Например, вместо строк:

Знать, покуда в Питере
Тешили слова,
Думал ты, пируючи:
«Всё, мол, трын-трава!» —

в «Песеннике» читаем:

Знать, покуда в дело-то шли одни слова,
В Питере вы думали: «Всё, мол, трын-трава».

Вместо стихов:

Верно не втесался бы
В постепенный мрак —

находим:

Не вдался тогда бы ты в постепенный мрак.

Несомненно, осуществить подобную переработку памфлета могло только лицо, хорошо знавшее состав старых номеров «Общего веча» — журнала, единоличным редактором которого был Огарев. Издание «Общего веча» прекратилось летом 1864 г. Кто же, кроме Огарева, среди участников агитационной кампании 1869 г. мог помнить, что за шесть лет перед тем в «Общем вече» были напечатаны стихи, которые следовало использовать для создания агитационной песни? И кто же в этом кругу, кроме него, умел перерабатывать стихи?

Мы, таким образом, приходим к заключению, что авторство помещенных в «Общем вече» «Мыслей россиянина...» и переработка памфлета для «Вольного песенника» принадлежат Огареву и что, следовательно, псевдоним «Фирс Холмогоров» является псевдонимом Огарева.

В тексте к «авторской» подписи стихотворения — Фирс Холмогоров — сделано следующее «примечание сочинителя»: «Я, люди добрые, именинник бываю 14 декабря; милости просим закусьте». Справка, при всей своей шутовщине, вполне точная: в святцах под 14 декабря среди других имен первым назван Фирс. Огарев постоянно связывал традиция 14 декабря 1825 г. с современным ему революционным движением. Примечание призвано было служить своего рода политическим самопредставлением и автохарактеристикой «Фирса Холмогорова»-Огарева как человека свято чтущего («именинник» чтит день своих именин) день первого в России открытого выступления против самодержавия с оружием в руках.

Возможно, что и выбор фамилии для псевдонима — «Холмогоров» — следует тоже поставить в связь с постоянным интересом Огарева ко всему, что было связано с деятельностью декабристов.

Разбирая в 1857 г. книгу Корфа о 14 декабря и донесение Следственной комиссии, составленное Блудовым, Огарев в специальном примечании взял под защиту от насмешек Блудова проект Пестеля (в «Русской правде»), предлагавшего образовать особую: «Холмогорскую область». «Автора донесения поразило название: Холмогорская область, — писал Огарев, — но если бы он сам знал Россию, то он <...> понял бы название: Холмогорская область, и понял бы, что географические понятия Пестеля шли далее, чем хозяйственная наслышка о холмогорских коровах в Архангельской губернии» («Разбор книги Корфа» — «Избранные социально-политические и философские произведения Огарева». М., 1952, стр. 229).

Таким образом, и анализ самого псевдонима — «Фирс Холмогоров» — подтверждает наше предположение, что псевдоним этот принадлежит Огареву.

3. «ЖИЛ НА СВЕТЕ РУССКИЙ ЦАРЬ...»

Печатается по тексту второго выпуска «Вольного песенника» (Женева, 1869, стр. 10—13, лит. экз.). Первые песни были напечатаны в 1863 г. в сборнике «Свободные русские песни», выпущенном Бернской типографией. Повидимому, составителем этого сборника, а также и автором нескольких песен был Огарев (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 58). Написана, несомненно, Огаревым и песня «Жил на свете русский царь...». По содержанию она полностью совпадает с агитационными и публицистическими выступлениями Огарева в 1861—1863 гг. — со статьями «Разбор нового крепостного права» и «Что нужно народу?» и воззваниями 1862—1863 гг. По форме и языку песня «Жил на свете русский царь...» тоже сильно напоминает приемы и словопотребление Огарева. Напр. оборот, дважды встречающийся в данном произведении:

Ну, чиновники читать

или:

Ну, сзывать на них полки —

весьма часто встречается в огаревской публицистике. Приведем несколько примеров: «Ну, так просто заплати за твои часы, которые у тебя в кармане» («Письмо к малороссийскому помещику», 1859); «Ну! а как правительство способно только грабить...» («Конституция и земский собор», 1863); «Ну, тогда спокойно и достойно будет расти свобода и могущество единого, бесспорного русского народа» («Ход судеб», 1862); «Ну, а если народ нас не понимал...» («Ответ на ответ „Великоруссу“», 1861) и др.

Что касается совпадения темы данной песни с темами других агитационных произведений Огарева, то оно настолько полно, что нет необходимости проводить отдельные параллели. Главный же замысел песни — разоблачить царский манифест: царь посулил крестьянам волю и землю, а дал расстрелы, — может быть сопоставлен со следующим местом из статьи «Разбор нового крепостного права»: «Вам захотелось поиграть в освобождение и вы не пожалели мужицкой крови, Александр Николаевич? Ну! смотрите — как бы вам ею не захлебнуться».

Автор песни издается также над высокопарными канцелярскими оборотами «Положения», делающими его непонятным народу. Тот же мотив наличествует и в статье: «Первый вопрос, который невольно задаешь себе, прочитавши устав: <“Положение” — Я. Ч.> для кого он написан? Всего меньше для крестьян. Книгу в 43 листа двойного in folio ни один грамотей из крестьян не одолеет и ни один безграмотный не прослушает...» и т. д. (см. «Разбор нового крепостного права». Лондон, 1861, стр. 5).

4. ЦАРЬ — ОТЕЧЕСТВА ОТЕЦ!

Печатается по тексту «Вольного песенника» (Женева, 1869, стр. 30, цит. экз.), где стихотворение помещено без подписи. Его принадлежность Огареву устанавливается нами на основании косвенных данных и анализа содержания; документальные доказательства пока отсутствуют. Данными для точной датировки мы не располагаем. Стихотворение представляет собой переработку текста 1849 г., осуществленную, повидимому, после 1863 г., т. е. после выхода в свет сборника «Свободные русские песни», в состав которого оно не попало.

В песне высмеивается состояние финансов царской России и разоблачается финансовая политика паризма. Самодержавное правительство, разоряющее страну, чиновничество, грабящее казну и народ, — это темы многих статей Огарева в «Полярной звезде» и «Колоколе».

Постоянный интерес Огарева к вопросам финансового положения России, статьи, разоблачающие мнимое «благополучие» царских финансов, позволяют предполагать, что ему принадлежит и агитационно-сатирическая песня, посвященная этой теме.

Если наше предположение правильно и «песня» «Царь — отечества отец!» принадлежит Огареву, то тем самым определяется метод, применявшийся Огаревым при составлении «Песенников». Дело в том, что и эта «песня» представляет, подобно памфлету «Мысли россиянина...» (см. выше), обработку ранее напечатанного произведения. В 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» Огарев поместил в разделе «Стихотворения разных авторов» сатирическую сцену в стихах «Разговор в 1849 году». Действующие лица этого «Разговора» — Николай I, требующий денег на Венгерский поход, министр финансов Вронченко, обер-прокурор Синода Протасов и министр двора Волконский. Песня «Царь — отечества отец!» составлена из реплик Вронченко и Волконского (см. указ. издание, Лондон, 1861, стр. 370—374 или «Лютня II», Лейпциг, 1874, стр. 283—286), реплик, к которым Огарев дописал необходимые, связывающие текст строки.

Так, в третьей строфе описаны первые строки:

Мы министры — господа,
Неизвестна нам нужда! —

заменяющие восемь строк реплики Волконского.

В четвертой строфе начальные строки:

Все приказы отданы —
Не жалей мирской казны, —

заменяют строки реплики Николая I:

Маршрут составлен мной, приказы отданы;
Развязывай кошель и не жалей казны.

Работая над подготовкой песенника, Огарев, следовательно, переработал старый текст, удалив все упоминания о Николае I и его министрах — с целью приспособить песню к новой обстановке и сохранить ее остроту, направленную против царской

финансовой политики. Разумеется, нельзя с полной уверенностью утверждать, что не только переработка, но и сама сатира принадлежит Огареву. Это подлежит дальнейшему исследованию.

5. НАДГРОВНОЕ

Печатается по тексту второго выпуска «Вольного песенника» (Женева, 1869, стр. 20—22, лит. экз.), где это стихотворение было опубликовано анонимно. Авторство Огарева устанавливается на основании автографа, находящегося в его записной книжке 1866—1867 гг. (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 59—60); здесь же на листе 19 — черновик двух строф.

Сатирическая эпитафия придворному генералу-палачу написана в сентябре 1866 г. С полной уверенностью можно утверждать, что относится она к М. Н. Муравьеву, который скоропостижно умер в ночь с 28 на 29 августа этого года.

В статье «Виселица и Муравьев», напечатанной 1 октября 1866 г. в л. 228 «Колокола», Герцен писал: «За четыре дня до казни Каракозова, в деревенской глуши, темной ночью <...> задохнулся отвалившийся от груди России вампир <...> Зачем бежал задыхающийся старик от царских имений, от какого барского слова? Зачем Зимний дворец не остановил его, а бросил на окоченелый труп брильянтовые знаки Андрея? Ни государь, ни общество не смоют пятна, которое им завещал умерший палач...» (XIX, 61).

Огарев, так же как и Герцен, говорит о смерти Муравьева «накануне... царских имений» и об «Андрее с брильянтами», т. е. об ордене Андрея Первозванного, пожалованном Муравьеву в тот день, когда он был уже мертв, и пр.

6. ЦАРСКИЕ УКАЗЫ (ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ)

Печатается по тексту второго выпуска «Вольного песенника» (Женева, 1869, стр. 22—23, лит. экз.), где стихотворение опубликовано анонимно. Хотя документальным доказательством авторства Огарева мы не располагаем, но многое свидетельствует о том, что автором был именно он. В прозаическом воззвании «К сельскому духовенству», принадлежащем Огареву (как это убедительно показано Е. Н. Кушевой), автор говорит о борьбе с указом царя от 16 апреля 1869 г. («Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 144—145; атрибуция Е. Н. Кушевой подтверждается сохранившейся в «пражской коллекции» автографической рукописью Огарева «К духовенству», представляющей собой сокращенный вариант того же воззвания). В зачеркнутых строфах стихотворения «Часто в жизни всё не вяжется», относящегося к началу шестидесятых годов, Огарев писал:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие.

(«Избранные стихотворения и поэмы»,
М., 1938, стр. 48—49).

Губительные «царские указы» как воплощение лжи самодержавного строя — эта формула характерна и для поэзии и для публицистики Огарева; характерно также, что стихотворение написано в форме подражания Лермонтову. Огарев неоднократно использовал лермонтовские стихотворения в качестве основы для собственных агитационно-сатирических произведений. Широко известна, например, стихотворная листовка Огарева «Спи, потомок благородья», построенная на использовании «Казачьей колыбельной» Лермонтова.

7. МУЖИЧКАМ

Печатается по оттиску анонимной листовки, сохранившейся в «пражской коллекции» (ЦГАОР ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 63, л. 54). Кроме этого экземпляра, в 1950 г. был обнаружен еще один (ЦИАМ, Отдел печатных источников).

Листовка была выпущена в 1869 г. для нужд агитационной кампании Нечаева. Автором ее, несомненно, является Огарев. По стилю, по словарю, по содержанию листовка примыкает к другим агитационным произведениям Огарева 1869—1870 гг. Так, мы находим в листовке постоянные мотивы публицистики и агитации Огарева: установившиеся после 19 февраля 1861 г. порядки не лучше «упраздненного» крепостного права; самоуправление крестьян — мнимое, оно в руках чиновников и бар; необходимо самому народу подняться за «землю и волю» и действовать не по «указу царскому», и т. д. Ср. стихотворение «Царские указы» и комментарий к нему.

Впервые листовки «Мужичкам» были зарегистрированы в III Отделении 14 августа 1869 г. (Арх. III Отдел., ф. 109, 3-я экзп. 1869 г., № 110, ч. 2-я, л. 167). Поскольку перлюстрация и регистрация листовки происходили обычно спустя семь — десять дней после ее напечатания, следует считать, что работал Огарев над листовкой в конце июля — начале августа 1869 г.

8. ВСТРЕЧА. (ПОСВЯЩЕНО ДУХОВЕНСТВУ)

Печатается по рукописи Огарева, сверенной с корректурным оттиском, который был исправлен автором. И автограф и корректура хранятся в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 31). Листовка «Встреча» была выпущена в Женеве для нужд агитационной кампании 1869—1870 гг.; 8 октября 1869 г. зарегистрирована в III Отделении при перлюстрации пакетов с воззваниями, рассылавшимися по России (Арх. III Отдел., ф. 109, 3-й эксп., 1869 г., № 110, ч. 3-я, л. 80). Следовательно, работал Огарев над листовкой в двадцатых числах сентября 1869 г.

9. НАПУТСТВИЕ. (НАУЧИТЕ НЕМУДРЫХ!)

Текст листовки воспроизводится по экземпляру «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 63). Листовка под этим заглавием была выпущена в Женеве в 1869 г., и Нечаев рассылал ее по всей России. До сих пор текст ее известен не был; под кратким заглавием «Напутствие» она была только описана (не de visu) в библиографическом указателе «Русская подпольная и зарубежная печать» (вып. 1, М., 1935, стр. 173), но без указания авторства Огарева.

Благодаря обнаруженному в «пражской коллекции» оттиску мы имеем возможность сообщить следующее. Текст листовки, частью прозаический, частью стихотворный, расположен с двух сторон листа обычного (16°) книжного формата. Прозаический текст занимает лицевую сторону и верх оборота. Далее, отделенный звездочками, следует текст стихотворения, написанного Огаревым еще в 1858 г., причем напечатано оно в листовке 1869 г. полностью, но без заглавия («Напутствие») и эпиграфа («Научите немудрых!»), соединенных вместе и вынесенных в общее заглавие, без ссылки на евангелие. Четвертая строфа воспроизведена в листовке с вариантом. В редакции 1858 г. вместо слова «ложной» было — «дикой», вместо слова «несложной» — «великой».

По архивным материалам история появления листовки «Напутствие» представляется в следующем виде. В августе — сентябре 1869 г., когда для агитационной кампании Нечаева (начавшейся в апреле) потребовались новые воззвания, обращения к студентам, крестьянам, солдатам, низшему духовенству, Огарев, наряду со многими вновь написанными листовками, вспомнил о прежних своих аналогичных опытах и, между прочим, решил использовать для новой цели старое стихотворение «Напутствие». Он написал прозаический текст, в котором сформулировал главную задачу: «...сплотить крестьянство и мещанство в одно восстание, к которому они естественно стремятся, к которому примкнет и солдатство, т. е. крестьянство, закабаленное в чужую, противную собственность». Задачу эту должно разрешить юношество — молодежь. Примечательно, что обо всех трех силах, т. е. о крестьянстве, мещанстве и солдатстве, говорится в третьем лице, безлично, как бы объективно и лишь в конце воззвания Огарев прямо адресуется к молодежи: «Тут нужно только свое устройство (т. е. своя организация. — *Я. Ч.*), — пишет он, — и, стало, много бесстрашной, безусталой и неуклонной работы. Научите немудрых!».

Листовка, следовательно, по замыслу своему не была обращена прямо ни к одной из социальных групп в отдельности, а ко всем им вместе, — через юношество, т. е. в полном соответствии с известным планом Нечаева. Именно на юношество — на студенчество — по плану Нечаева возлагалась задача «дать крестьянству направление для того, чтобы оно сплотилось в одно всеобщее восстание», как пишет Огарев в этой же листовке. Центральной фигурой, к которой обращено воззвание, является, таким образом, молодой пропагандист. Огарев естественно вспомнил свое старое, написанное за одиннадцать лет до того стихотворение «Напутствие», тоже обращенное к пропагандисту.

Тема листовки «Научите немудрых!» занимала Огарева еще задолго до знакомства с Нечаевым. В 1866 г., т. е. за три года до описываемого времени, Огарев завес в записную книжку следующее: «В христианской морали много хорошего. Напр., научите немудрых. Это, впрочем, не значит учить подлецов, которых никогда и ничему не научишь. А научите немудрых и за это жизнь положите» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 43 об., карандашная запись).

Экземпляры листовки, отпечатанные во второй половине сентября 1869 г., были в двадцатых числах отправлены в Россию, вложенные в конверты вместе с известным стихотворением-листовкой Огарева «Студент», посвященным «молодому другу Нечаеву». Первые обе листовки были перехвачены при перлюстрации в начале октября 1869 г. и тогда же зарегистрированы в III Отделении (Арх. III Отдел., ф. 109, 3-й эксп., 1869 г., № 110, ч. 3-я, л. 76). Следовательно, работал Огарев над листовкой в сентябре 1869 г.

Использование Огаревым одного из своих ранних стихотворений в качестве материала для листовки характерно для его агитационных приемов вообще. Стихотворения Пушкина, Лермонтова, Рыльева и других поэтов иногда перерабатывались, а иногда и пародировались им в соответствии с нуждами агитационной работы, наряду с собственными прежними стихами. Комментируя стихотворение «Напутствие», мы в свое время отмечали, что Огарев использовал мотив пушкинского «Пророка», а в последней

строфе прямо перефразировал заключительные строки Пушкина. Мы полагали, что стихотворение было написано в качестве прямого напутствия одному из посетителей лондонских изгнанников, возвращавшемуся в Россию для пропагандистской работы (Н. П. О г а р е в. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1938, стр. 335).

Сведения о революционном движении конца пятидесятих годов, имеющиеся в литературе, далеко не достаточны, поэтому мы не можем подтвердить высказанное предположение документально; но то обстоятельство, что впоследствии Огарев использовал свое стихотворение как практическое напутствие пропагандисту-нечаевцу, делает наше предположение вполне законным.

10. К ДУХОВЕНСТВУ

Прокламация воспроизводится по автографу Огарева, хранящемуся в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 31). Повидимому, отпечатана и разослана она не была. Исследователям до настоящего времени ничего не было известно о ее существовании. По основному содержанию текст прокламации примыкает к двум другим воззваниям Огарева 1869—1870 гг.: к листовке «Сельскому духовенству», перепечатанной в 1941 г. Е. Н. Кушевой в «Лит. наследстве» (т. 41-42, 1941, стр. 142—145), и к листовке «Встреча», опубликованной нами выше.

Время работы Огарева над текстом с точностью определить трудно. Но близость темы данной прокламации к теме листовки «Встреча», написанной в сентябре 1869 г., заставляет предположить, что Огарев написал публикуемый текст в сентябре — октябре 1869 г. Однако другое обращение к низшему духовенству (прокламация «Сельскому духовенству») было выпущено в начале 1870 г. (после 11 января и до 3 апреля). Таким образом, публикуемый текст может относиться и к 1870 г.: мотивы агитации обоих обращений тождественны. В прокламации «Сельскому духовенству» читаем: «Царь <...> велел уничтожить мелкие приходы <...> <ребенка> за 50 верст тащить <...> воспитанников <семинарий> убавить вдвое» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 143). В публикуемом тексте то же: «Сельские приходы поуничтожили... за 50 верст должны ездить... не впускать в семинарии больше половины детей...».

Поэтому мы датируем публикуемый текст сентябрем 1869 г. — мартом 1870 г.

11. «Я НЕ ЛЮБЛЮ ПОПОВ НИ НАШИХ, НИ ЧУЖИХ...»

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ (Г.— О. VII. 107). Написана эпиграмма на той бумаге, которой Огарев нередко пользовался в Лондоне (в частности в 1858 г.). Основываясь на этом, мы и датируем рукопись предположительно 1858 г.

По содержанию текст не дает никаких данных для датировки. Направленный против либералов — «попов свободы» — он стоит в одном ряду с другими выступлениями Огарева, в которых подвергается критике либерализм; см., например: стихотворение «Ответ кн. Вяземскому» (1863), статьи «Памяти художника» (1859), «Письмо к издателю» (1857), «Надгробное слово» (1863), из которого В. И. Ленин процитировал едкую характеристику либерала Кавелина (В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 13), и мн. др.

Если предполагаемая дата верна, то очень возможно, что конкретным поводом для эпиграммы послужило резкое столкновение Огарева с Б. Н. Чичериным в ноябре 1858 г. След этого столкновения сохранился в воспоминаниях Чичерина («Поездки за границу». М., 1932, стр. 51).

12. «ПАЛАЧ СВОБОДЫ ПО ПРИЗВАНЬЮ...»

Эпиграмма записана набело в записной книжке Огарева из «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 19) вслед за стихотворением «М. Л. Михайлову», относящимся к началу 1862 г.

Видок Тетерин — без сомнения, Б. Н. Чичерин, выпустивший в 1862 г., в издании К. Т. Солдатенкова, сборник статей «Несколько современных вопросов», в который было включено письмо его против Герцена — «Обвинительный акт», напечатанное в л. 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. Участие Чичерина в травле Герцена в 1862 г. было организовано и поддержано прежними либеральными «друзьями» Герцена. 12 декабря 1862 г. Герцен писал Тургеневу: «Кетчер, Е. Корш и Бабст уговорили кретина Солдатенкова издать сборник чичер<инских> статей, поставив во главе письмо его ко мне...» (XV, 565—566). Огарев дал следующую краткую характеристику этому выступлению Чичерина:

Что за год бесчеловечий!
Жатва сгилла в смраде слов,
И взопли от корня Гречей
Всё Чичерин да Катков.

Таким образом, публикуемая эпиграмма является не единственным ответом Огарева Чичерину.

Весною того же 1862 г. Огарев резко отрицательно отзывался в своей французской брошюре «*Essai sur la situation russe*» о книге Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». Чичерин утверждал, что земельные общины в России насаждались государственной властью. Это утверждение имеет в виду Огарев в следующих строках публицистического текста: «Приглавший к ясному преданию || Теоретическую тьму».

В бумагах Огарева, находящихся в ЛИБ (Г.— О. VI. 32, зап. книжка, № 12, л. 5), сохранился черновой набросок последних четырех строк.

13. «БРАННОЙ ЛИРЫ, БРАННОЙ СЛАВЫ...»

Печатается по беловому автографу, обнаруженному в той записной книжке Огарева из «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 27), которая содержит произведения 1861—1863 гг. Автограф эпиграммы находится среди стихотворений 1861—1862 гг.; однако в данном случае местоположение не может служить достаточным основанием для датировки, так как в этой записной книжке многие листы остались незаполненными и Огарев мог записать эпиграмму позднее на любом.

Говоря о «кровавом пире» «двуглавого орла», Огарев имеет в виду и общую политику паризма и, в частности, вероятно, расправу царского правительства с польским восстанием 1863 года и ту разнузданную пропаганду войны, которая велась реакционной печатью. Повидимому, эпиграмма написана в июне 1863 г., когда последовали известные «решительные» ответы министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова на угрожающие ноты Англии, Франции и Австрии по поводу событий в Польше.

Эпиграф взят из лицейского стихотворения Пушкина «В. Л. Пушкину» (1817).

14. «ОТЦЫ ОТЕЧЕСТВА В МУНДИРАХ КРАСНЫХ!»

Печатается по тексту «Колокола» (л. 239, от 15 апреля 1867 г., «Смесь»), где эпиграмма подписана псевдонимом «Ветхий сатирик» и помещена в конце заметки «Вот юридический казус, совершенно оригинальный...». В «пражской коллекции» находится огаревский черновой автограф эпиграммы (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 46). Нет никакого сомнения, что и вся заметка написана Огаревым. Приводим ее текст:

«Вот юридический казус, совершенно оригинальный.

Сотрудник „Русских ведомостей“, мещанин Николай Пастухов, принес мировому судье жалобу на оскорбление, нанесенное ему квартальным надзирателем Ильинским, когда он, в качестве сотрудника, пришел к Ильинскому узнать касательно слухов о каких-то пещерах близ Дорогомиловского моста. Мировой судья приговорил Ильинского к аресту на одну неделю. Товарищ прокурора подал на этот приговор протест, который был найден мировым съездом не заслуживающим уважения; приговор же мирового судьи был утвержден. На это решение съезда товарищ прокурора подал опять протест, а Ильинский кассационную жалобу, в которых они доказывали неподсудность мировым учреждениям настоящего дела, подлежащего рассмотрению полицейского начальства, в порядке, установленном для дел о преступлениях по должности. Правительствующий сенат находит, что в жалобе, поданной мировому судье, Пастухов заявил, что надзиратель 6 квартала Хамовнической части нанес ему оскорбление за то, что он, в качестве сотрудника „Р. В.“, пришел узнать от него положительные сведения об открытых в его квартале пещерах. Ясно, что Пастухов обратился к Ильинскому как к лицу официальному и что сам он признавал оскорбление от Ильинского как идущее от лица официального. А так как преступления по службе не подлежат разбирательству мирового судьи, то сенат определил: „приговор мирового съезда I округа г. Москвы отменить, а дело передать на рассмотрение начальства квартального надзирателя, в порядке указанном 1085 ст. Уст(ава) уг(оловного) суд(опроизводства)“. Теперь берегитесь, господа москвичи или вообще россияне. Если квартальный надзиратель ни с того, ни с сего ударит кого в зубы, то виноват будет не ударивший, а ударенный, потому что квартальный надзиратель — не то что обыкновенные люди — ест, пьет и всякое другое дело делает исключительно по службе».

Далее следует эпиграмма: «Отцы отчества в мундирах красных!»

Николай Пастухов, упоминаемый в заметке Огарева, был впоследствии издателем реакционного «Московского листка» (с 1881 г.).

15. Т<УРГЕНЕ>ВУ

Печатается по беловому автографу, находящемуся в записной книжке Огарева 1866—1867 гг. (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 39). Датировка маем 1867 г. после прочтения Огаревым романа «Дым», напечатанного в мартовской книжке «Русского вестника». Судя по характеру эпиграммы, Огарев не усмотрел себя в образе Губарева, рассматривавшемся исследователями как карикатура на Огарева.

Отзывы Герцена о «Дыме» вполне совпадали с оценкой Огарева (XIX, 293, 314—315 и 321). Таким образом, несомненно, что в своем мнении о «Дыме» Герцен и Огарев были единодушны. Они оба игнорировали «гейдельбергские арабески», как назвал сам Тургенев в письме к Герцену ту главу романа, где изображены вечера у Губарева (XIX, 321—322).

ЛИРИКА

1. <К. М. Л. ОГАРЕВОЙ>; 2. «ДАЙ РАССКАЖУ ТЕБЕ, МОЙ ДРУГ...»; 3. ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА «BUSCH DER LIEBE» (I—XXII); 4. «ТУЧИ СЕРЫЕ БРОДЯТ В ПОДНЕБЕСЬИ...»; 5. «С КАКОЙ ТРЕВОГОЙ ОЖИДАНИЯ...»; 6. «ОНА СО МНОЮ ТАК ДОБРА...»; 7. РУДОЛЬФОВ ТРАП (Л. Н. ТОЛСТОМУ); 8. ОТРЫВКИ; 9. В СТЕПИ; 10. «O LACRYMARUM FONSI...»; 11. РАЗВРАТНЫЕ МЫСЛИ; 12. «МОЙ РУССКИЙ СТИХ, ЖИВОЕ СЛОВО...»; 13. КАРТИНЫ ИЗ СТРАНСТВИЯ ПО АНГИИ (ПОДРАЖАНИЕ ГИЙНЕ); 14. НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ (ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ); 15. ИЗ ГИЙНЕ (ПЕРЕВОД); 16. «БЕРЕЗА В МОЕМ СТАРОДАВНЕМ САДУ...»; 17. ОСУЖДЕННОМУ; 18. «НАДЕЖДЫ ПАДАЮТ И РУШАТСЯ МЕЧТЫ...»; 19. ПРЕДИСЛОВИЕ; 20. <ЮМОР, Ч. III>; 21. «СЕГОДНЯ НАСТОЕЛ МОЙ МОЗГ МУЗЫКАЛЬНО...»;

99. МОЯ БИОГРАФИЯ

1

<К. М. Л. ОГАРЕВОЙ>

18 декабря, вечером

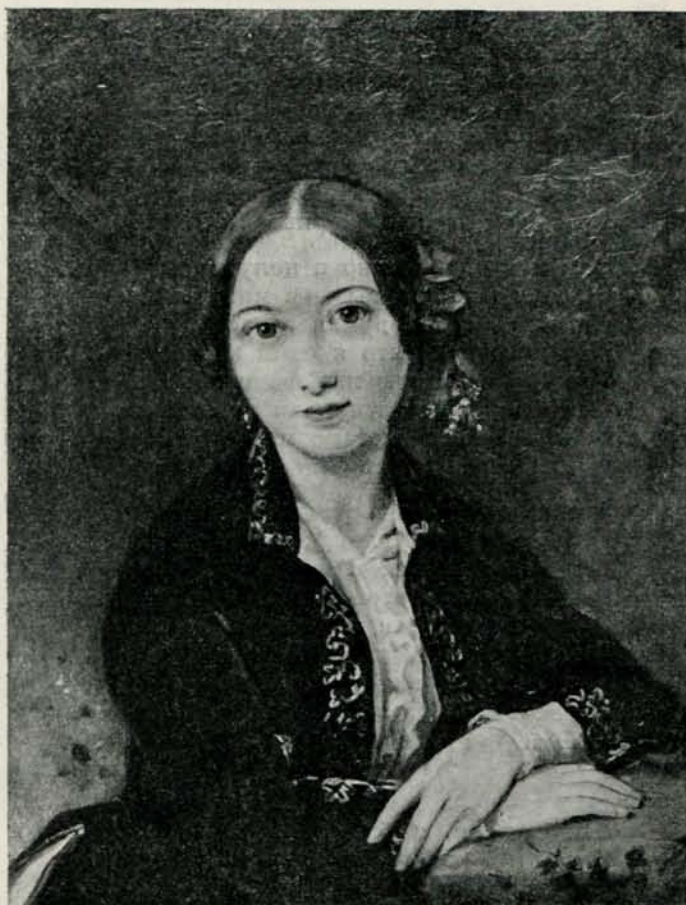
Хочу еще письмо писать
 От делать нечего и скуки
 И время длинное разлуки
 Стихом причудливым занять.
 Я здесь один и словно в пытке:
 Тоска, и на сердце темно;
 Сажу на месте, а давно
 Мне быть хотелось в кибитке.
 Как все живут, и я живу:
 Всё недоволен всем на свете;
 Зимой скучаю я об лете,
 А летом зиму я зову;
 В Москве разладил я с Москвою,
 В деревне грустно по Москве, —
 Кататься буду по Неве —
 И стану рваться в степь душою.
 Что делать? — так устроен свет!
 У всех неясное стремленье,
 Все ищут с жизнью примиренья,
 И я ищу — да, видно, нет.
 Порою люди надоели,
 Там недоволен сам собой;
 Тоскуешь часто день денской
 И ночь не спится на постеле.
 Грустить, желать! — к чему желанья?
 Что надо, то устроит бог,
 Желал же Фауст — да не мог
 Объехать с солнцем мирозданья!.. <...>

<Старое Акшено. 18 декабря 1840 г.>

2

Дай расскажу тебе, мой друг,
 Всю жизнь мою. «Зачем? — ты скажешь, —
 Ты нового мне не расскажешь,
 Я знаю всё. К тому же вдруг
 Сказать всю жизнь — как это много!»
 Да так хочу — что ж делать с тем?
 Потребность не уймешь ничем, —

Итак, послушай, ради бога,
Я не могу не говорить,
Здесь много так воспоминаний,
Здесь осужден бывших преданий
Я в память много приводить.
Здесь был ребенком я. Тогда
Я молчалив, как ныне, был,

М. Л. ОГАРЕВА

Портрет маслом П. Н. Орлова, 1844 г.

Третьяковская галерея, Москва

Бродить я по саду любил;
Сидеть на берегу пруда,
Когда на запад день склонялся,
По лону вод, как жар горел,
А я всё на воду смотрел,
Где тихо поплавок качался,—
Смотрел и ждал, когда придет,
Крючок обманчивый лаская,
Играть им рыбка золотая,
И быстро с ним ко дну мелькнет.

<Старое Акшено. 18 декабря 1840 г.>

3

BUCH DER LIEBE*

«Du Tor, du Tor! du prahlender Tor!
Du kummergequälter!»

Heine**

ОТРЫВКИ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

I

Заснула Пиза в тишине ночной,
Но Арно в берег плещет, не смолкая;
Сквозь туч, едва озарена луной,
Стоит уныло башня городская,
Протяжным звоном каждый час считая...
Вдали гуляка позднюю стопой,
Стуча о плиты в ходе торопливом,
Тревожит воздух оперным мотивом.

Как пусто, страшно в полуночный час...
О! если б знали вы — в минуты эти
Как я страдаю, думая о вас!
Как чувствую, что я один на свете!
Что отказала мне любовь в привет! —
Что в жизни тщетной ни единый раз
Ошибкой не сойдет ко мне отрада,
И мне отречься от блаженства надо!

А если бы меня любили вы —
Что мне тогда условий светских пени,
Людей насмешки, глупый суд молвы,
Гнилой закон, что с каждым днем нелепей!
С собой бы вас в мои увлек бы степи,
Которым, кроме неба синевы,
Иных границ еще не положили,
И беспредельно мы бы там любили.

<Пиза. Осень 1842 г.>

II

Вы выросли, любя отца и мать,
Сестер и братьев, тихо и спокойно,
Без тяжких дум, без горя, без страстей;
Взошли вы в круг, где всё условно, плоско,
Живому чувству проблеснуть нельзя.
Вам молодежь, за вами увиваясь,
Открыла тайну вашей красоты,
И зеркало вам рассказало то же —
И вы довольны были. Иногда
Казалось вам, что будто тот или этот
Вам нравится. Но их любви язык —
Бездушный или детский лепет —
Не мог вам ни на миг дойти до сердца.
Так ваша жизнь всё шла обыкновенно,
Привычной колеей, которая

* Из 40 стихотворений цикла «Buch der Liebe» («Книга любви») мы печатаем 22. — *Ред.*

** «О, глупец ты, глупец, хвастливый глупец! Горем замученный». — Гейне. Песнь океанид. Из второго цикла книги стихов «Северное море». — *Пер. М. Михайлова.*

И впал в раздумье я безмолвное:
 Я чувствовал, что вы мое блаженство!
 Ведь вы самих себя не знаете,
 Вы с жизнью света свыклись поневоле;
 Вам кажется, что роль красавицы
 Играть вам надобно самолюбивой.
 А между тем, я видел вас тогда,
 Когда прямое чувство пробуждалось
 У вас в душе, иль рифма звонкая
 Касалась вам до трепетного слуха;
 И видел ваше я лицо, когда
 Оно души глубину выражало...
 О! если бы меня любили вы,
 Как мы могли бы счастливы быть оба!..
 А вот вся жизнь моя разорвана...
 За что? Зачем? За что вся эта кара?
 Весь божий гнев на мне отяготел
 И жизнь моя осуждена на муку?
 Но я настолько понимаю жизнь,
 Что эта мука есть мое блаженство.
 <Пиза. Осень 1842 г.>

III

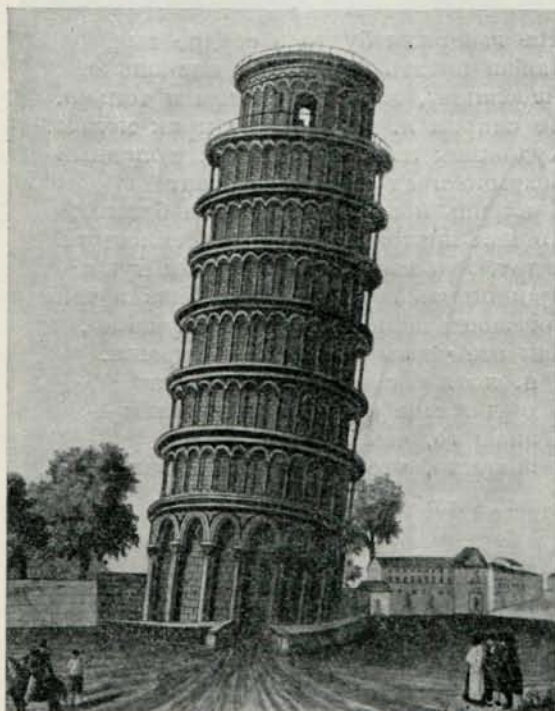
Флоренция

Я по Флоренции бродил печально,
 По лестницам высоким я входил
 В большие залы мраморных палатцов,
 Где по стенам висели в ярких рамах
 Картины вдохновенных мастеров.
 И я смотрел и втайне всё искал
 Я вашего лица среди созданий,
 Которые живут на полотне
 Своей глубокой неподвижной жизнью.
 Искал его средь ангелов святых,
 Молящихся Мадоннам Рафаэля;
 Искал его я в нежных образах
 Correggio и Andrea del Sarto,
 Искал в спокойных ликах Перуджини
 И грустно вышел из старинных зал,
 Не встретя вас среди толпы созданий.
 И вот пошел бродить из храма в храм,
 Искал везде с тоскою беспокойной,
 Предчувствуя, что должен вас найти.

Вошел я в церковь dell'Annunziata *.
 Налево вижу памятник надгробный:
 Две женщины из мрамора сидят,
 И их святой, молясь, благословляет.
 Я побледнел и вспыхнул. Да! Одна
 Из них на вас похожа. Та же тихость
 Во всей ее прекрасной форме. Та же
 Безоблачность в ее лице спокойном
 И та же нежность взора. Даже так
 Она склонила голову, как вы.

* Благовещения (итал.).

Ее художник неизвестный создал!
 Быть может в мире я, как он, пройду —
 Художник неизвестный — и как он,
 В душе я проношу чудесный образ,
 И с ним умру и встану в жизни новой.
 На женщину из мрамора глядел
 Я долго в умилении безмолвном.
 С тех пор я в церковь dell'Annunziata

ПИЗАНСКАЯ БАШНЯ

Раскрашенная литография, 1830-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Хожу, как на молитву, каждый день,
 И там сажусь пред ликом мраморным,
 И молча созерцаю в обожаньи.

<Флоренция. Октябрь 1842 г.>

IV

Любовь моя мне стала тайным светом
 Души. Уж не враждую я ни с кем,
 Людей встречаю с ласковым приветом,
 Хотя мне их не надобно совсем;
 На всё смотрю я, всё благословляя...
 Две жизни разных я ношу в себе,
 Моей любовью обе просветляя:
 В одной я пошлину плачѹ судьбе
 И людям жертвую самим собою

С участием... хоть тяжело оно;
 Но, как ребенок, стал я добр душою
 С тех пор, как в ней любовью всё полно...
 За то в другой я жизни полон вами,
 За то в другой я вам принадлежу
 И счастлив, что духовными очами
 На вас безмолвно, долго я гляжу.

〈Флоренция. Октябрь 1842 г.〉

V

Мне говорили будто в сердце вы
 Любви питать не можете нисколько,
 Тщеславны, злы, кокетливы и только.
 Не спорил я. Что значит крик молвы?
 Художник легкомысленный, холодный
 Безумно пред картиною стоит
 И вкривь и вкось порочит и бранит;
 Но как ничтожен суд его бесплодный!
 А тот, кто взором внутренним души
 Проникнуть в ней умел до жизни тайной.
 Тот знает верно, знает не случайно,
 Как все черты в создании хороши.
 А я, хотя б сто голосов шумели
 И в уши мне кричали суд молвы —
 Я знаю то, чем кажется вы,
 И знаю то, что вы на самом деле.

〈Флоренция. Октябрь 1842 г.〉

VI

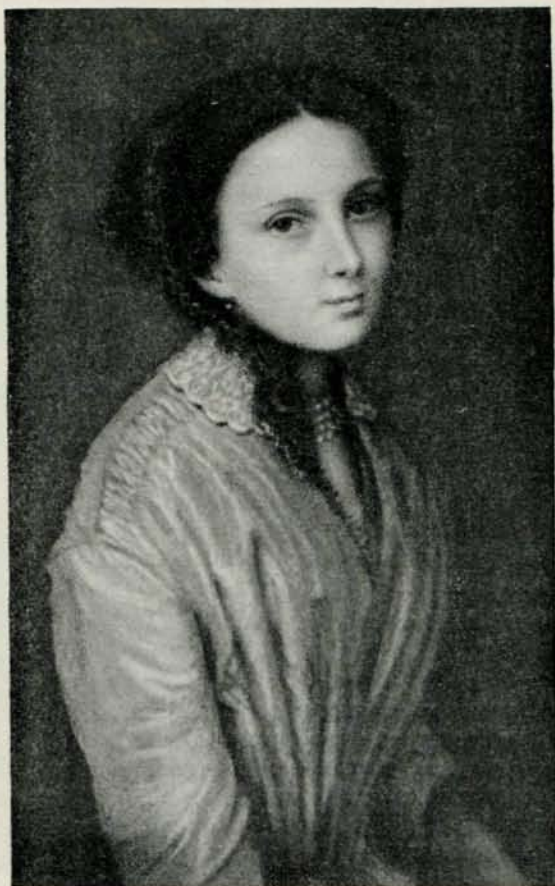
Я одарен способностью ужасной:
 В то время как я жизнью поглощен,
 В движении страстном ею увлечен,
 Могу я видеть вещи холодно и ясно.
 Я вижу, что любовь моя есть бред,
 Который молодость мою погубит,
 Что носит смерть в себе, кто тщетно любит,
 Что в самом деле для меня блаженства нет.
 Я вижу ход судьбы бесстрастной, ровной,
 Причины, следствия — всё вижу я,
 Как будто человек другой в меня
 Взошел и судит безучастно, хладнокровно.
 Он строг всегда и незнаком с ошибкой;
 Страдаю ль я, иль счастлив, иль люблю, —
 Он в гордом знании на жизнь мою
 Взирает с равнодушно-горькою улыбкой.
 Когда блаженствую — он без участия,
 С насмешкой говорит, что это бред;
 Когда я чувствую, что счастья нет,
 Он злобно мне твердит, что есть на свете счастье.

〈Флоренция. Октябрь 1842 г.〉

VII

Вы дружбу мне хранить глубоко
 Клялися, ввек не изменяя.
 О! если так — в стране далекой
 Молю вас, вспомните меня!

В часы унынья и страданья,
Печально голову склоня,
Как друга, полного вниманья,
Молю вас, вспомните меня!

Евд. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА
Миниатюра конца 1830-х гг.
Литературный музей, Москва

В часы молитв и умиления —
Вы, как заступница моя,
Как ангел, полный сожаленья,
Молю вас, вспомните меня.

〈Флоренция. Октябрь — ноябрь 1842 г.〉

VIII

Два дня я не видал моей статуи.
Флоренция уныла в эти два дня
Была. Над ней висели тучи. Арио,
Как желчный человек, всё время злился,
И дождь всё лил, и было холодно.
Но вот опять настало воскресенье,

И солнце проглянуло. Стало сухо
 На улицах. Привычною дорогой
 Пошел я в церковь dell'Annunziata.
 Опять орган играл. Моя статуя
 Казалась на вас еще похожей,
 Глядела на меня точь в точь как вы.
 О! этих у меня минут блаженных,
 Минут безмолвного воспоминанья,
 Никто отнять не может. Я украл их
 У жизни, и с тех пор сносить мне легче
 Мучения, которые она
 Мне щедро расточает. — Но, должно быть,
 Ужасно странно старику-монаху
 Меня всегда на том же месте видеть!
 Он, верно, взор мой выследил уже
 И рассердился, что хожу я в церковь
 Не для молитвы, или — может быть,
 Жалея, помолился за меня;
 А может быть, он улыбнулся только,
 Как человек, давно привыкший к жизни...
 О! если б знали вы, как я могу
 Любить и нежно и глубоко — сами
 Вы рады были бы любить меня.
 Но я не смею высказать любви!
 Я несколько могу украсть у жизни
 Минут безмолвного воспоминанья
 И только...

〈Флоренция. Ноябрь 1842 г.〉

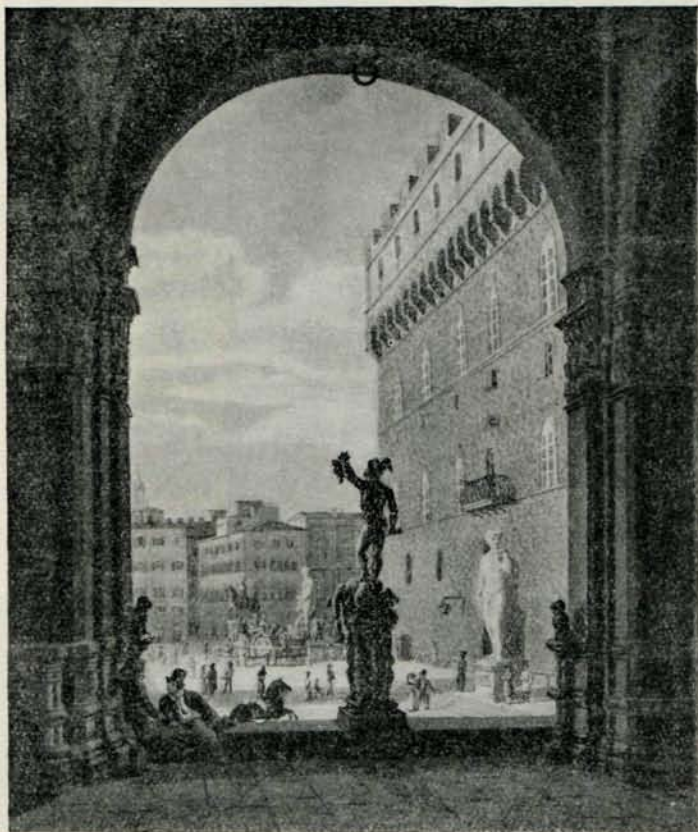
IX

Сегодня колоколен звон печальный
 Воспоминанье разбудил во мне
 О близких сердцу, об отчизне дальней,
 Ее великопостной тишине;
 О людях мрачных, будто жить им мұка,
 Об улицах, где тает желтый снег,
 И всюду пустота, унынье, скука,
 Туман и сырость — томен человек.
 Я вспомнил, как мы с вами у камина
 Сидели вечером... уже давно!
 Но памяти не свеяла чужбина.
 Чтó было в сердце — и теперь оно.
 Еще я ночь храню в воспоминаньи
 Христова воскресенья. В церкви вы
 Тогда стояли в белом одеянии,
 С свечой в руке, средь набожной толпы;
 Ваш ясный взор исполнен был покоя...
 Вы как-то улыбнулись мне раз;
 А я тогда, поодаль грустно стоя,—
 Я вас любил и мог глядеть на вас.

*

И год прошел, прошло и больше года...
 Я вновь был с вами летнею порой;
 Кругом цвела зеленая природа,
 И вы дружней казались со мной.

Да, дружбу вашу, может быть, в награду
 Вы за любовь мне дали. Может быть,
 Недаром вам старинную балладу
 О рыцаре вдруг вздумалось твердить.
 Тот рыцарь был в далекой Палестине,
 Искал забвения сердечных ран;

ФЛОРЕНЦИЯ. ВИД ИЗ ЛОДЖИИ НА ПЛОЩАДЬ СЕНЬОРИИ

Акварель В. Морица, 1829 г.

Исторический музей, Москва

Но сердце, верное своей святыне,
 Von seinem Grame nicht genesen kann *.
 И он оставил бой и Палестину
 И, возвратясь, ждал, когда она
 Окно растворит, взглянет на долину,
 Как светлый ангел тишины полна!

Как рыцарь тот, и я теперь, блуждая,
 Ищу забвения сердечных ран,
 Но сердце, всё тоскуя и желая,
 Von seinem Grame nicht genesen kann.

〈Флоренция. Декабрь 1842 г.〉

* «Не может излечиться от своей тоски» (нем.). Сокращенная цитата двух стихов Шиллера: «Doch das Herz von seinem Grame nicht genesen kann» («Ritter Toggenburg»). В переводе Жуковского: «Но душа в нем всё тоскою прежнюю болит».

ФЛОРЕНЦИЯ. ЛЕСТНИЦА
В ПАЛАЦО БОРДЖЕЛЛО

Акварель Эрнесто Бенза

Музей изобразительных
искусств им. А. С. Пушкина,
Москва

X

Я новому искусству предался,
Исполненный надежды и отваги;
С благоговением чертить взялся
Карандашом я лица на бумаге.

Не знаю я, успею или нет.
Быть может, нет способности нimalo;
А может, есть она! Но ваш портрет
Мне сделать надобно во что б ни стало.

А если мастером мне быть дано
И бросить кистью, свyше вдохновлённой,
Живые образы на полотно —
Вы будете моей святой Мадонной.

*

Труд не пропал, учился я не тщетно.
Ходил я в церковь dell'Annunziata
С моим maestro. Там в благоговеньи
Я очерк написал моей статуи.
И он похож. Теперь я стану ночи
Просиживать перед моим рисунком

Или чертить с него другие лица,
 Всё больше приближаясь к сходству с вами,
 И наконец я воссоздам ваш образ.
 Его поставлю я перед собою,
 И поселится в комнате моей
 Он как святыня. В ней тогда, как в храме.
 Всё тайною небесною задышит,
 А я садиться стану перед ликом,
 Безмолвно созерцая в обожанье.

<Флоренция. Декабрь 1842 г.>

XI

Ливогно спит, озарено луною,
 А я стою печально у окна;
 Верхушки мачт мелькают за стеною,
 Маяк горит. Там море! Там волна
 Кочует вслед за дружною волною...
 Туда пушусь я завтра, и луна
 Осветит бледно зыблемое лоно
 С конца в конец далекий небосклона.

Но страх и скорбь в ночи меня тревожат.
 Что, если вы не любите меня?
 Что, если вы действительно, быть может,
 Смеетесь надо мной, тогда как я
 Любовью мучусь?..
 И между тем как мчится жизнь моя

ФЛОРЕНЦИЯ. ГАЛЕРЕЯ УФФИЦИ

Гравюра, 1830-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Мучительно в волнении бесплодном —
Гордитесь вы в тщеславии холодном.

*

А я, как Пигмальон, стою пред вами
И тщето вас хочу одушевить...
Но нет! и тут я тешусь мечтами!
Но вы горды, я горд. Что может быть
Для вас с своими муками и снами
Моя ненужная любовь? Хранить
Ее я стану про себя, и только,
А вы и не заметите нисколько.
〈Ливорно. Конец декабря 1842 г.〉

XII

Рим.

Я ночью подъезжал к святому граду,
О вас воспоминанием томим:
Так вот где жизнь давала вам отраду,
Вот он, любимый вами, старый Рим!
Я видел в полукруге колоннаду.
И храм и купол, скругленный над ним,
При свете лунном, в синей мгле тумана, —
И слышал плеск я звучного фонтана.

Какими-то несбыточными снами
Душа исполнилась; казалось мне,
Что здесь могу бродить я вместе с вами
В тиши колонн, безмолвных при луне;
Фонтан журчит и искрится пред нами,
Темнеет купол в синей вышине;
А я гляжу при блеске лунной ночи
Вам в светлые, задумчивые очи.

Мне странным веет Рим воспоминаньем
О днях безвестных мне; душа моя
Так с вашим сблизилась существованьем,
Что вашу жизнь переживаю я.
В особый мир, как бы очарованьем,
От лиц окружных я унес себя;
Ничьими не проникнутый очами,
В прошедшем вашем всё я вместе с вами.

Мы молимся Мадоннам Ватикана,
Мы в Колизей идем, когда луна
Над ним восходит. Дома утром рано
Иль вечером стоим мы у окна;
Глядим на Тибр; за ним лежит поляна
И горы синие; его волна
У берега колышет челн забытой;
Пол-Рима в отблеске зари открыто.

Уста немы. В дали теряясь взором,
Мы чувствуем, что происходит в нас,
И говорим безмолвным разговором...
В моей душе то, что в душе у вас,

ПЛОЩАДЬ СВ. ПЕТРА В РИМЕ
Картина маслом Г. Г. Чернецова, 1850 г.
Русский музей, Ленинград

ПАНОРАМА РИМА С МОНТЕ-ПИНЧО
Акварель и гуашь С. Корроди, 1852 г.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Родится разом; мысль в движеньи скором
Летит за вашей мыслью каждый раз,
И я люблю, блаженствую и плачу,
И жизнь в несбыточном мечтаньи трачу.

⟨Рим. Январь 1843 г.⟩

XIII

Вчера она пела, Клара Новелло,
И песнь ее звонко неслась.
За песней куда-то сердце летело,
И вздох прорывался не раз.
Влюбленные звуки, страстные звуки
Так живо встревожили вновь
Желания сердца, полные муки,
Стремленье, тоску и любовь.
Она улыбалась мило и нежно.
Как поступь мила у нее!
Откинутый локон вьется небрежно
Вкруг белеющей шейки ее.
Смотрел я и слушал, грудь изомлела,
С ресницы слеза пролилась...
Мучительно, сладко Клара Новелло
Вчера мне напомнила вас.

⟨Рим. Январь — февраль 1843 г.⟩

XIV

Не знаю почему, певица эта
Мне вас напоминает каждый раз...
Да! общее есть что-то между вами,
Хотя она не столько хороша.
Не знаю, взгляд ли то, иль русский локон
С виска слегка откинутый назад?
Иль профиль весь, иль тихая походка?
Но на нее могу глядеть я долго
И видеть не ее, а видеть вас.
Ее черты в моем воображенье
Так изменяются, что я могу
Себе представить вас. А звонкий голос
Поет мне песнь любви, и я так счастлив,
Когда смотрю и слушаю безмолвно,
И забываю, что сижу в театре,
И вкруг меня толпа людей мне чуждых...
А после, возвратясь домой, — один
Сижу я долго; тяжело на сердце
Становится. Я начинаю вновь
Так понимать глубоко, что всё это
Мечта напрасная, и я для вас
Почти чужой. Чужим остаться должно!
Все эти дни я как-то болен был,
Мне как-то было на душе тревожно,
И сны меня пугали по ночам;
Вы мне являлись горды, равнодушны,
Почти насмешливы. А между тем —
Не правда ль?.. никогда вы надо мною
Не насмехались? Вы со мною были

Добры — не правда ль? То был сон пустой,
 Навейный моей враждебной жизнью,
 И при свиданьи дружелюбно вы
 Попрежнему протянете мне руку...
 Но ночь бежит, а на душе всё грустно!..

⟨Рим. Январь — февраль 1843 г.⟩

ФОНТАН И КОЛОННАДА СВ. ПЕТРА В РИМЕ

Гравюра, 1837 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

XV

Вчера был теплый день, и веяло весной,
 И солнце ярко грело и светило,
 Бродил вокруг Рима я ленивою стопой.
 Воспоминанье живо мне чертило
 Весну такую же в моей родной стране,
 И как-то хорошо и грустно было мне.

Таким же воздухом дышал я над рекой,
 Где вместе мы на берегу сидели,
 Березы белые, склоняся над водой,
 Купали лист зеленый и шумели.
 Тепло и радостно встречало утро нас,
 И резво птички пели... я глядел на вас

Я в упоении, дыханье притая,
 Глядел на вас, и сердце сильно билось...
 И первый ландыш вам в то утро сорвал я —
 И что с тех пор с моим цветком случилось?
 Увядший ли давно, заброшен вами он?
 Иль тихо в книгу он на память положон?

Не знаю! Может вы забыли этот миг,
 И я один храню в воспоминаньи
 И утро тихое, и ваш спокойный лик,
 И светлое, как в праздник, одеянье,
 И то, что с ваших уст, как веянье весны,
 Сдыхались Шиллера мечтательные сны.

О! дорого б я дал, чтоб снова в тишине,
 Там, у берез, где робко льются волны,
 Весной я с вами мог сидеть наедине
 И слушать бы, очарованья полный,
 И листьев легкий шум и звуки ваших слов,
 И жить, и замирать в чаду волшебных снов!..

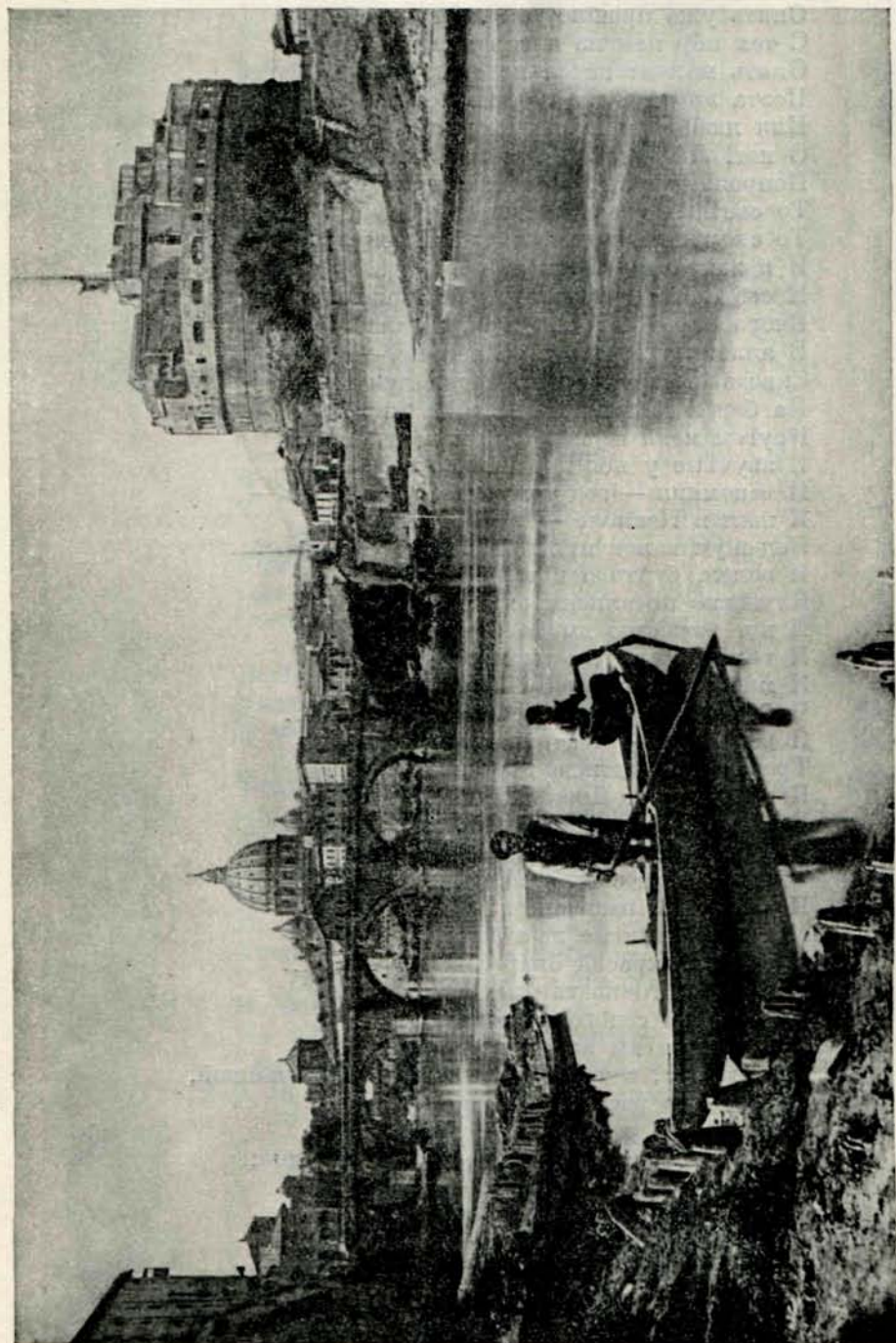
⟨Рим. Март 1843 г.⟩

XVI

Albano. Апрель ⟨1843 г.⟩

Уже давно я в книге этой
 Стихов в раздумье не писал;
 Молчала рифма; дух поэта
 В заботе праздной изнывал.
 Я тратил жизнь в порочной лени
 При буйном звуке пьяных чаш,
 И реже средь моих видений
 Являлся светлый образ ваш.
 Но здесь, в тиши уединенной,
 При сладком веяньи весны,
 Как звуки песни отдаленной,
 Несутся вновь былые сны;
 И я затерян в смутной дали
 Воспоминания и грез,
 Блаженства полный и печали,
 Надежд обманчивых и слез.
 Заря ль мои растворит очи,
 Иль в море дальнем гаснет день,
 Иль южной ночи, теплой ночи
 В полях ложится блеск и тень —
 Передо мной, как сновиденье,
 Ваш светлый взор, спокойный лик,
 И тихой поступи движенье...
 И страстно шепчет мой язык...
 Все звуки вашего названья,
 И эти звуки сладки мне,
 Как песни юга, как лобзанье,
 Как вод плесканье при луне...

⟨Альбано. Апрель 1843 г.⟩

РИМ. ВИД НА ТИБЕР И ЗАМОК СВ. АНГЕЛА

Фотография, принадлежавшая Н. А. Герцен (дочери)

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

XVII

Неаполь. Май <1843 г.>

Опять уже прошло так много дней
С тех пор как не писал я в этой книге!
Опять молчит печально стих ленивый!
Поэта ль дар уже во мне исчез,
Или любовь моя охолодела?
О нет! Любовь моя осталась та ж...
Попрежнему она тревожит душу
То светлых грез отрадной чередой,
То скорбным чувством настоящей жизни,
И я живу, переходя от снов
К сознанию, от сознания к сновиденьям.
Вчера один без цели я блуждал
В аллеях трепетных villa reale, —
Сквозь быстрых облак падал луч луны
На берег дальний Байи и на море;
Кругом меня шумел оливы лист,
И звучные у ног плескались волны...
Я вспомнил — год тому назад иль боле —
Я жил в Неаполе — и мне тогда
Под шум валов приснился сон блаженный:
Я видел, будто я в villa reale, —
Блуждаю по аллеям одиноко,
И вот внезапно вы навстречу мне,
И тихо протянули вы мне руку —
И мне сказали, чтобы верил я,
Что вашим буду я во что б ни стало...
Я вспомнил — и в душе опять на миг
Тревожная надежда промелькнула...
К чему она?.. Прекрасную мечту
Развеет холодно докучный опыт,
И, вероятно, мне придется в жизни
Увидеть, как состаримся мы оба,
И стану я с насмешкой разбирать
Морщины желтые на том лице,
Пред чьей красотой благоговел я долго...
А вы — вы точно так же равнодушно
На старика седого взглянете,
Как прежде вы на юношу смотрели,
Иль, может, с той же дружбой благосклонной,
Которая не растревожит сердца.
Быть может, вам тогда признаюсь я,
Как я любил вас втайне — долго, трудно;
Вы посмеетесь надо мной — и сам
Я улыбнуся холодно и горько...
А если вдруг тогда в обоих нас
Проснется мысль, что оба мы напрасно
Растратили и жизнь и сердца жар,
Меж тем как, может быть, одно бы слово
Могло заставить нас жить полной жизнью?
Ну! если вдруг с испугом мы назад
Оглянемся на то, что безвозвратно,
И об ошибке целой жизни мы
С раскаяньем бесплодным пожалеем?..

Как мне все эти думы тяжелы,
 А отогнать их не имею силы!..
 Но нет! Старик вам никогда не скажет,
 Как юноша умел любить вас сильно,
 С насмешкою холодною и горькой
 Он не вспомнит о прошедшем чувстве,
 Но при закате мирном тусклых дней
 Он сохранит о нем воспоминанье
 Глубоко и безмолвно как святыню...

<Неаполь. Май 1843 г.>

XVIII

Saline Theodorshalle.

Я проезжал печальные края,
 Всё капал дождь и реяли туманы,
 И много смут в дни эти прожил я,
 Мучительно болели сердца раны.

Когда бы знали вы, вам было б жаль,
 Что в жизни мне так многое постыло,
 Что старая досадна мне печаль,
 И то смешно, что прежде было мило!

Но в эти дни унынья и скорбей
 Душе еще один приют имелся,
 Как страннику в морозы зимних дней
 Огонь, где б он оттаял и пригрелся.

Приют души, мой светлый огонек —
 Любовь моя! И с нею те мгновенья,
 Когда о вас я втайне думать мог
 И наяву теряться в сновиденья.

О! сколько сердце знало чудных грез,
 Надежд, где всё ласкает иль тревожит,
 Стремлений жарких, задушевных слез, —
 Того язык пересказать не может.

И пусть мои обманчивы мечты,
 И пусть пройду я одиноко в мире,
 И сладкий звук душевной полноты
 Замолкнет робко, пробежав по лире.

Довольно! Я любил вас в тишине...
 И, может быть, когда меня не станет,
 На эти строки, отзываясь мне,
 Слеза любви с ресницы вашей канет!..

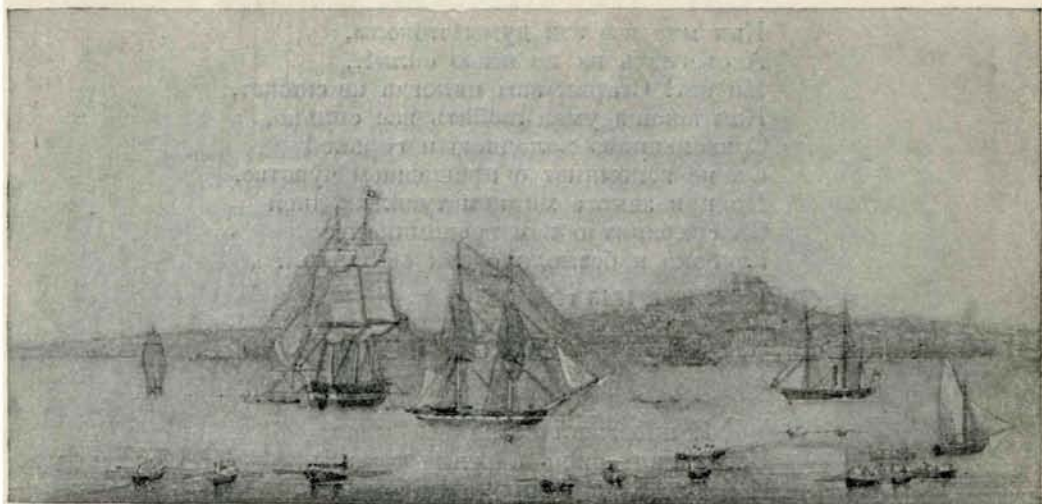
<Июль или август 1843 г.>

XIX

Schwalbach

29 августа <1843 г.>

Я возле вас сидел во сне:
 Моей любви прочли вы муку
 В дрожащем голосе — и мне
 Вы крепко, крепко сжали руку
 И говорили мне: люблю!
 Так близко вы ко мне дышали
 И шею обняли мою,
 Меня в уста вы целовали.

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ С ВИДОМ НА НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВИЙ

Акварель неизвестного художника, 1830-е гг. (левая сторона)

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

И вот, когда проснулся я —
 Так сердце было полно вами.
 Всё, что от вас есть у меня,
 Я облил жаркими слезами.
 Безумно я весь день бродил
 И на устах, душой ликуя,
 Еще я мнимое носил
 Напечатленье поцелуя.

XX

Гагау. Октябрь <1843 г.>

Я изнывал в глуши печальной
 И мне казалось, что давно
 Забыт уж вами странник дальний,
 И сердцу было холодно.

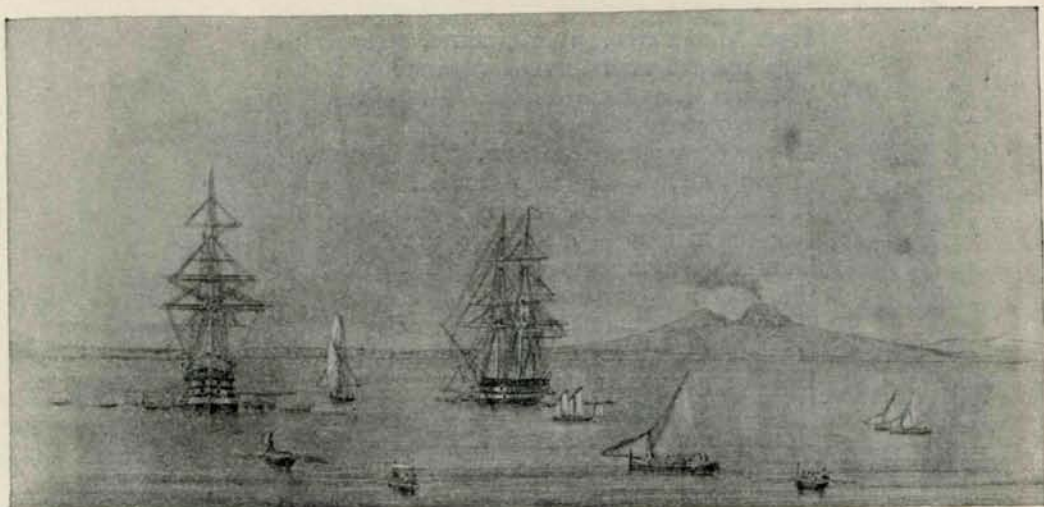
Но ваше милое посланье
 Мне отогрело сердце вновь;
 Опять живее упованье,
 Опять доверчивей любовь!

Так вы меня не позабыли?
 Так вы меня в родной стране
 Хотя немного, да любили
 И вспоминали обо мне?

Я скоро вновь сожму вам руку,
 Я скоро вновь увижу вас.
 Слезу очей и сердца муку
 Поймете ль вы на этот раз?

Иль благосклонны — без участия —
 Ни рукожатья, ни слезы,
 Ни сердца мук, ни сердца счастья
 Понять не захотите вы?

Я верю!.. мне не верить больно!
 Не верю!.. верить мне смешно!

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ С ВИДОМ НА НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВИЙ

Акварель неизвестного художника, 1830-е гг. (правая сторона)

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Я не состарился довольно
И уж не молод <я> давно.
Еще ли жизнь меня обманет?
Еще ли светлый сон пройдет?
И жизнь еще страшней мне станет,
И холод пуще обоймет?..

Но ваше милое посланье
Мне отогрело сердце вновь;
Опять живет упованье,
Опять доверчивей любовь!..

XXI

Берлин. Июнь <1844 г.>

Я вам сказать хотел бы много.
Всё то, что на сердце лежит,
Что тайной, внутренней тревогой
Все эти дни меня томит.
Пусть никогда не донесется
До вас пустынный голос мой,
Пусть только мне в мечте одной
Вниманье ваше отзовется,—
Довольно! Я воображу,
Что вы со мной, что в вас пробудит
Участье то, что я скажу,
И мне, быть может, легче будет.

В себя печально заглянуть
Пришлось мне в уединенье,
И тяжело вздохнула грудь!
В душе нашел я опустенье,
Нашел, что смертный холод жмет
Мне сердце — и оно остыло...
Ужели время всё сгубило
Уже тем самым, что идет,

Идет так долго, пусто, вяло,
Что просто жить душа устала?
То, чем она была полна,
Ее не греет, не тревожит,
И уж бесчувственна она,
И уж любить она не может...
И показалось мне, что я
Вас не люблю — а то, что было,
Напрасно душу шевелило,
Что вся любовь была моя
Одним болезненным движеньем
Последней юности, огня
Последней вспышкой, — и я
Проститься должен с сновиденьем,
Душой погасшею истлеть,
Состарясь сердцем, замереть.

И что ж я делал в самом деле?
Умел ли вам сказать доселе,
Как я страдаю, как люблю,
Как вам бы отдал жизнь мою?
Пред вами пал ли на колени?
Рыдал ли я у ваших ног?
Или себя я превозмог?
Блаженство внутренних мучений,
Как тайну неба затая,
Там где-то свято и глубоко
Умел ли с этой тайной я
Гореть и гаснуть одиноко?
Нет, нет! Любовь моя есть ряд
Полунадежд, полупризнаний,
Полунесказанных страданий
Полусказавшихся отрад.
О! Так ли любят? Боже, боже!
И что ж осталось от всего?
Тетрадь стихов, где вечно то же
Сказалось — больше ничего?
И те, когда я их читаю,
Так жалки кажутся, смешны,
Натянуты и холодны,
Что я себя в них презираю.
И что ж я сделал для любви?
Брался за кисть — и бросил снова...
Тоска сухая вновь готова
Снедать бесплодно дни мои.
Скажите мне! Ужель душою
Я опустел и вас забыл?
Иль никогда вас не любил
И только жил я сам с собою,
Чтоб жизнь пустую как-нибудь
Занять и время обмануть?

Так я пишу в ночи безгласной
И так томлюсь... и много дум
Испуганный тревожат ум,
И сердцу больно, сердцу страшно.
Зачем я жил? Зачем живу?
Я жил, желал, страдал, стремился,

Терялся в грезах наяву...
И что ж нашел? чего добился?
Где вера? истина? любовь?
И нет любви, ничтожно знание,
И веры нет — и скучно вновь
Всё те же повторять страданья;
И скучно жить, и страшно жить,
Жить и не верить, не любить!

Давно хотелось мне стихами
Путь человека описать,
Который с первыми лучами
Оставил дом. Ему дышать
В прохладе утренней раздольно.
Проснулась птичка с песней вольной;
Она летит, она поет,
И жить и петь ей наслажденье,
И вдаль следить ее полет,
Ее заслушиваться пеня
Так хорошо, что можно в том
Душою вовсе погрузиться
И будто в чудном сне забыться.
И вот развеялись кругом
Тумана утреннего тени,
И зелен лес, и робко в нем
Заводит шопот лист с листом,
И пахнут свежие сирени.
Поток серебряной струей
Звенит о камень, злак поляны
Сверкает трепетной росой,
И юн и ясен день румяный.
И жизнь свежа, и жизнь ясна,
И сердце бьется жизнью новой,
Душа тепла, душа полна.
Молитва с уст звучать готова.
Но дале в путь! Уж смолк поток,
Дол шире, солнце пышет ярко;
Поник головкою цветок,
Дышать безмолвной птичке жарко.
И путник, будто утомлен,
Ступает медленно и вяло
И в даль печально смотрит он,
Душа сгрустнулась и устала.
Как дальний сон, как смолкший звук,
Воспоминание тревожит
Картиной утра; но уж дух
Знать прежней радости не может.
И дале в путь! и степь кругом,
И взор конца не различает,
И знойно день палит лучом,
Трава желтеет и сгорает,
Уж цеплом стал степной ковыль,
Уже земля калится в пыль,
И с диким свистом ветер жгучий,
Беснуясь, носит прах летучий.
И путник дале хочет в путь,
Но все усилья тщетны стали;

Уста засохли, щеки впали,
Трепещет, задыхаясь, грудь.
И в нем, как в выжженной равнине,
Сгорела жизнь; проклятья стон
Извлечь чуть внятно может он
И мертвый падает в пустыне.

Про этот путь уж я давно
Хотел писать; но ныне муки
Не просят рифмы; мимо звуки
Пронесются; затворено
Уже для них тупое ухо;
Я стар; ушли мечты мои, —
И жизнь стихов и жар любви,
И только сердце ноет глухо.

Так я удушливой тоской
Томился трудно в час ночной, —
И вот светать уж начинало...
Иной рассвет в родной стране
Тогда пришел на память мне,
И сердце вдруг затрепетало,
И слезы брызнули из глаз...
О! много, много значат слезы
В часы, когда волнуют нас
Души убийственные грозы!
Я плакать так давно не мог,
И сладки мне те слезы были;
Они мне душу освежили,
Как летний дождь больной цветок.
О нет! скажите — ведь не может
Душа забыть любви своей?
Минутно жизнь ее тревожит,
Но тяжкий гнет сухих скорбей
Еще в ней жизни не задушит,
Ее святыни не нарушит,
И в тайной глубине своей
Источник слез она откроет
И след унынья ими смоем,
Воскреснет чище и светлей,
Полна любви, полна желаний,
Полна молитв, и теплосты,
И грусти, и святых страданий,
Рожденных ей от полноты.
Возьмите эти слезы ныне!
Их память вызвала о вас;
Она в душе отзывалась
Как жизни дух в немой пустыне...
И снова веет мне весной,
И снова небо безмятежно,
И снова в сад зеленый мой
Слетела птичка с песней нежной.
Возьмите вы в слезах моих
Моей любви и свет и муку...
Когда б я выплакать мог их
На вашу беленькую руку,
Быть может, вы могли б понять —
Как хорошо любя страдать,

Слезами сладко упиваться,
 Как сладко сердцу верить в сон,
 Что для души так вечен он,
 Как вечно чувство... О! не ложно
 То чувство чистое любви,
 Оно не легкий пыл в крови,
 И потушить его не можно.
 Возьмите! Ваши слезы эти!
 И заплатите мне слезой,
 Слезой участия... Боже мой!
 Ведь только надо мне <на> свете
 Чтoб в жизни миг отрады знать!
 От вас иного чувства ждать
 И грезить смею я едва ли...
 И дай бог вам всю жизнь не знать
 Душевной бури иль печали...
 Но дайте мне слезу одну
 Обыкновенного участия:
 Я в смертный час вас вспомяну
 За этот миг живого счастья!..

Недавно видел я во сне,
 Что вы цветов прислали мне,
 Их память живо сохранила...
 Скажите! Что бы это было?
 Что этот сон?... Так просто сон?
 Иль что-нибудь да значит он?

Но вы далеко! Голос мой
 Один звучит и замирает,
 Мечта уходит за мечтой
 И грусть восторги заменяет...
 О! замолчу! смирю печаль,
 Покоя сердца не нарушу;
 Боюсь взглянуть на жизни даль,
 Боюсь взглянуть себе я в душу!

<Берлин. Июнь 1844 г.>

XXII

Учусь! Учусь! и жажда знания мучит!
 Я истины хочу и не боюсь
 Сомнений долгих, трудных отрицаний;
 Все призраки разрушить я готов,
 Хотя б они и близки были сердцу.
 Я часто ныне чувствую в себе,
 Что становлюсь я духом чище, крепче;
 Ясней смотрю на вещи, и мой взгляд
 Широко мир безгранный обнимает,
 И всё родней становится душа
 С таинственной глубокой жизнью духа.
 Тружусь я днем, над книгой ночь сижу
 И в черных буквах на бумаге белой
 Ищу я мысль и ясный верный образ,
 И жизнь моя идет полна, равна...
 Но иногда внезапно дрогнет сердце,
 В груди внезапный трепет пробежит,
 Не вижу букв, не понимаю мысли;

Иное чувство душу повернет,
 И в памяти иной проснется образ.
 И снова вы, всё вы передо мною!
 Не отвожу от призрака я взора
 И чувствую глубоко, что люблю
 И что люблю я бесконечно трудно!
 Но и расстаться с чувством не могу,
 И на душе так чудно — грустно, грустно...

<Берлин. Июнь 1844 г.>

4

Тучи серые бродят в поднёбесьи,
 Дождь стучит в мостовую широкую,
 В сердце что-то темно неприязненно,
 Едет друг на чужбину далекую.

И придет весна, весна теплая,
 Небо взглянет к нам голубоокое,
 Лес зашепчет вновь свежими листьями,
 Будет зелено поле широкое.

А ему будет больно и тягостно,
 Потоскует душа одинокая,
 Что весна-то пришла не в родных горах,
 Что без друга чужбина далекая.

Тучи серые бродят в поднёбесьи,
 Дождь стучит в мостовую широкую,
 В сердце что-то темно неприязненно,
 Едет друг на чужбину далекую.

<1846 г.>

5

С какой тревогой ожидания,
 Биемьем сердца, час за час,
 Я жаждал, не смыкая глаз,
 Минуты раннего свиданья.

Чу! брезжит. Свежею струей
 В дремотном воздухе пахнуло,
 Лист шепчет; в чаще кустовой,
 Чирикнув, пташка пропорхнула,
 И галок кочевой народ
 Пустился в утренний полет.

<1860—1861 гг.?)>

6

...Она со мною так добра
 И простодушна, как сестра.
 Пусть это дружба!.. Пусть ответа
 Я не найду любви моей,
 Но в звуке дружного привета,
 Во взгляде дружеском у ней —
 Я вижу больше ласки нежной,

Чем взгляд и речи у другой
Сказать способны в миг иной,
Любви и страсти миг мятежной.

<1860 г.?)

7

РУДОЛЬФОВ ТРАПЦ

(Л. Н. ТОЛСТОМУ)

Воскрешают эти звуки
Целый мир передо мной —

Рудольфов трапец.

(Л. Н. Толстому)

*Воскрешают эти звуки
Целый мир передо мной —
Странной неги, странной муки,
Шелест счастья, плач разлуки
И полячки молодой
Образ светлый и простой.*

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «РУДОЛЬФОВ ТРАПЦ»,
ПОСВЯЩЕННОГО Л. Н. ТОЛСТОМУ, 1861 г.

Начальная строфа

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Странной неги, странной муки,
Шелест счастья, плач разлуки
И полячки молодой
Образ светлый и простой.
Что таить!.. Тогда в <...>
С пьяным старцем до утра
Проводил я вечера.
Он играл; мы с ней сидели
В уголку, вдвоем, одни...
Звуки мчались — быстры, сладки —
И, как звуки, без оглядки
Мчались ночи, мчались дни.
Да! Она меня любила

(Дело прошлое — не лгу —
Память сердца берегу);
Но тогда меня кружила
Необузданная сила:
Вскоре бросил я ее
И под Вахковым покровом
Подкатил к блудницам новым
Своеволие мое...

После, случай свел нас вместе,
Невзначай в подобном месте.
Приняла меня она
Грустно — тихо, но беззлобно,
Как-то матери подобно,
Как-то сестрински нежна.
Странно сердце повернулось,
И любовь моя проснулась;
Я хотел ее спасти,
Выкуп дать хозяйке жирной
И с собою в дом мой мирной,
Деревенской увести.
— Нет! Теперь уж это поздно!
Ты не тот, и я не та,
Нас судьба уносит розно,
Счастье было бы мечта... —
И, задумавшись, молчала,
Точно что-то вспоминала;
Вдруг платок схватила свой —
Мне на шею повязала,
Обняла, поцеловала,
Потихоньку зарыдала
И простилася со мной.

Я поехал, сердце ныло,
Я сжимал ее платок,
И тоска меня томила,
И терзал меня упрек.
Дайте звуков — христа-ради,
Дайте прошлые мечты,
Дайте вспомнить бедной <...>
Простодушные черты!..

<1861 г.>

8

ОТРЫВКИ

День за день — робко — шаг за шаг,
Как тени скользкие во мрак,
Иль как неверные преданья,
Теряются воспоминанья,
Бледнеют прошлого черты...
Всю жизнь всё кажется, что ты —
Напрасный мученик движенья,
Скиталец в даль без возвращенья,
Выходишь из дому, где жил,
И кто-то там тебя любил,

Ты тоже сам любил кого-то,
И ты ль кого, — тебя ли кто-то
С бездушьем детским оскорбил.
Тая любовь, скрывая муку,
Пожал ты грустно чью-то руку
И вышел медленной стопой...
Дверь затворилась за тобой.
Ты проходил по длинной зале,
Лежал в печальной полумгле
Мертвец знакомый на столе,
И ты шаги направил дале,
В последний раз с немой тоской
Ему кивнувши головой.
И шел ты длинным коридором,
Глядя на выход робким взором,
И с длинной лестницы спустясь,
Внутри дрожа, рукой тревожной
Последней двери ключ надежной
Ты повернул в последний раз,
И дверь, отхлынув, заперлась.
Один стоял ты середь ночи,
Светил фонарь надстолбный в очи,
И долго тень твоей спины
Не отрывалась от стены.
Когда ж последние ступени
Того заветного крыльца
Сошел ты тихо до конца, —
Дрожали слабые колени.
Вдоль улицы в безлюдный час
Ты шел уныло, бесприютно,
Глядел назад ежеминутно,
Глядел назад, и каждый раз
Фонарь бледнел, потом погас,
Еще виднелся ночью томной
Высокий дом, как призрак темной,
И он исчез в далекой мгле,
Как гроб в наваленной земле.
И новый день с иной строною...
Другие люди, новый дом, —
Опять любовь и горе в нем,
И снова в путь, и за собою
Ты видишь, как, едва горя,
Бледнеет пламя фонаря.
И что ж осталось от скитанья,
Где, повторяясь шаг за шаг,
Уходят вспять воспоминанья,
Как тени скользкие во мрак?
Глухая боль сердечной раны,
Да жизни сказочные планы...

<1861?>

9

В СТЕПИ

По степи зеленой
Полдень зноем пышет,
Воздух заморенный
Травки не колышет.

Поумаяв ноги,
Конь идет лениво,
До пыльной дороги
Наклоняясь гривой.

Смотрит: небо сине,
В мглист *
Нет конца равнине.
< >

С скуки одинокой
Песню напевает,
По степи далеко
Голос пропадает.

<1861—1862 гг.>

10

О LACRYMARUM FONSI!.. **

Когда пред тупостью людской
Рассудка власть, бессильная, немеет,
Язык, вотще глаголивший, коснеет,
И тайный гнев, как вор ночной,
Подкравшись чуждою стопой,
Душой незлобивой владеет, —
Как тяжело! как слезы бы нужны!..
А тут-то их и нет! Для них в борьбе
Нет влагою обильной глубины,
Подземного ключа хранильницы мирной;
Иной исток им надобен в тиши —
Печаль любви, печаль воспоминаний,
Да пение надгробных воздыханий,
Да умиление души.
И как подумаешь, что в сердце много, много
И умиления и звуков дорогих,
Торжественных, вздыхающих, живых;
Как жизнь становится гнусна с ее тревогой,
С скрипением раздоров мелочных,
Где гибнут сладостные звуки
В сухом жару неплодоносной муки!

<1861—1862 гг.?)

11

РАЗВРАТНЫЕ МЫСЛИ

Когда идет по стогнам града,
Полустыдясь, полушутя,
Красавица — почти дитя —
С святой безоблачностью взгляда, —
На свежесть уст, на блеск лица,
На образ девственный и стройный —
Гляжу с любовью отца,
Благоговейно и спокойно.

* Строка не дописана. — *Ред.*

** «О источник слез!..» (лат.).

Когда ж случится увидеть
 Черты поблеклые вдовицы,
 Полупониклые ресницы
 И взор, где крадется, как тать,
 Сквозь усталъ жизни, жар томлений,
 Неутомимых вожделений,

Мой русский стих, живое слово
 Святости сердца моего,
 Как звуки языка родного,
 Не тронет сердца твоего.
 На буквы чудный взор
 С улыбкой ясным, — уныл,
 Нехотанный форм не покидай,
 Понять во них мысль наша мила!
 Нехотуя пролететь в тишине
 Без тебя!
 Но я пишу не потоплю,
 Что эта гора админов —
 Оне унесет губы твои.
 И в таея рада удивлению:
 Мои мурлы самозащиты
 Сказаны в слове, подарены тебе,
 Как подарены я тебе —
 За нежность твою, за красоту,
 За то, что с тобой простотой
 Почтила ты мою сердечность,
 Твои сочувственные слезы —
 Мои оправданья о народе,
 Мои восторги к моему отцу,
 И не готовилась свобода...
 За все доброе ко мне
 За дружеские заботы,
 За сердце, которое выжило
 Из темной, холодной, жестокой
 За нашу общую борьбу,
 За губы святых писателей,

За то, что ~~я~~ ^{ты} ~~сохранила~~ ^{перенесла}
 Не только доброту твою,
 За то, что мир зари безбрежной
 Востанет над душой моею!

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «МОЙ РУССКИЙ СТИХ,
 ЖИВОЕ СЛОВО...». ОБРАЩЕНО К МЭРИ СЕТЕРЛЕНД, 1862—1864 гг.
 Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Мутятся помыслы мои,
 Глава горит, и сердце бьется,
 И страсть несытая в крови,
 Огнем и холодом мятется.

<1861—1862 гг.?)>

Мой русский стих, живое слово
 Святости сердца моего,
 Как звуки языка родного,
 Не тронет сердца твоего.

На буквы чуждые взирая
 С улыбкой ясною, — умея,
 Их странных форм не понимая,
 Понять в них мысль любви моей.
 Их звук пройдет в тиши глубокой,
 Но я пишу их потому,
 Что этот голос одинокой —
 Он нужен чувству моему.

И я так рад уединенью:
 Мне нужно самому себе
 Сказать в словах, подобных пенью,
 Как благодарен я тебе —
 За мягкость ласки бесконечной;
 За то, что с тихой простотой
 Почтила ты слезой сердечной,
 Твоей сочувственной слезой —

Мое страданье о народе,
 Мою любовь к моей стране
 И к человеческой свободе...
 За всё доверие ко мне,
 За дружелюбные названья,
 За чувство светлой тишины,
 За сердце, полное вниманья
 И тайной, кроткой глубины.

За то, что нет сокрытых терний
 В любви доверчивой твоей,
 За то, что мир зари вечерней
 Блестит над жизнью моей.

<1862—1864 гг.>

13

КАРТИНЫ ИЗ СТРАНСТВИЯ ПО АНГЛИИ

(ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ)

1

Отравляясь никотином,
 Отравляясь алкоголем,
 С неизвестным господином
 Ехал я ричмондским полем.

На вершине омнибуса
 Мы молчали — не по ссоре,
 А затем, что оба — вкуса
 Не нашли мы в разговоре.

Мы молчали всю дорогу,
 Всё, что в мыслях — было скрыто,
 И лошадки понемногу
 Доплелись до Гаммерсмита.

Тут мы слезли. Он лукаво
 Улыбнулся, но без гнева, —
 И пошел себе направо,
 Я пошел себе налево.

<1863 г.>

МЭРИ СЕТЕРЛЕНД У МОГИЛЫ ОГАРЕВА

Фотография, конец 1870-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

14

НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ
(ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ)

П р е д и с л о в и е

Отвыкли мы от философских тем,
В поэзии бракуют их совсем —
И Анненков, и Гегель, и другие
Философы помельче, небольшие.
В поэзии им образы нужны —
А вот поставь, хоть ради новизны,
Леонтьева с Катковым на картину,
Всё ж образ их пойдет за образину.

Пишу к тебе — зачем, не знаю сам,
Не знаю, что в стихах я передам —
Раздумие и мысли, взгляд и нечто,
Иль образы... Ну!.. Да о чем бишь речь-то?
О критиках... Бог с ними, милый мой!
Пишу к тебе, чтоб тайную тревогу
Исканьем рифм рассеять понемногу
И как-нибудь над рифмою тугой
Слегка вздремнуть, поникнув головой.

Письмо первое

Ночь. Город спит, насилиу удосуажась...
Всё тихо, так — что даже без причин
Таинственный охватывал бы ужас...
Но в сердце нет мистических пружин,
Мой ужас прост: мое дитя больное
В соседней комнате. Малейший звук
Я слушаю сквозь веянье ночное
И жду беды и чувствую испуг.
Жизнь или смерть?.. Поди, решай загадку —
Куда природа выпрет лихорадку.

Природа — мать!.. пожалуй, что и мать,
Но с сердцем мачехи... засмейся сразу
И у меня наткнувшись на фразу!..
Но я хотел совсем не то сказать:
Природа (иль по-древнему — натура) —
Ни мать, ни мачеха, а просто дура.
Родит себе и рушит наповал,
И всё равно ей — смерть или родины,
А человек в ней цели отыскал
И умные последствия причины.
Увы, в ней всё ни глупо, ни умно,
А просто так у ней заведено.

Сижу и слушаю... вот два пробило...
Чу! кашляет... Иду я в тишине
На пыпочках, чтобы неслышно было...
Дитя мое! Всё тело, как в огне,
И мечется, и тяжело дыханье...
Еще вчера она приснилась мне —

Обнять меня хотела на прощанье,
А губы у нее — смотрю — черны
И кровию запекшейся полны...
Меня так разом обдал пот холодный
И сон с тех пор пугает безотходно.

Настоящее и думы.

~~Рассуждения~~

(Письма к Герцену).

Предисловие.

*Отбрось от себя философию твою,
Из поэзии бракуешь из словесных —
И Анкетам и Терибу, и Дарье
~~Философия — это не наука, это искусство.~~
Бу Поэзия — это искусство, это искусство!
~~Но искусство — это не наука, это искусство.~~
А еще искусство — это ради искусства.
Леопольда с Кипом виллы на картине,
Всё же образ из картины же образ.*

*Кипу из тебя — да как же не знаю,
Не знаю что в смысле и передаю —
Раздвину и миссии, буржуа и поэты,
Что образы... Ну! Да и сама была раз по
О критике... Буржуа много, миссия!...
Кипу из тебя, чтобы танцы танцевать
И как-нибудь найти решение проблемы
Слегка ~~забыл~~, ~~забыл~~, ~~забыл~~*

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ
(ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ)», 1863 г.

Лист 1

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Воды тебе? Испей, дитя мое!
Приляг опять, дай я тебя прикрою.
А завтра будь здоровою такою,
Я расскажу про прежнее житье...
Она глядит, но, видно, не узнала,
Заплакала в бреду и закричала,

И снова спит и дышит тяжело,
 А голос был так раздирающ, тонок,
 Что жалостью всю душу мне свело.
 Как будто всем хотел сказать ребенок:
 «Простите мне! Не виновата я!
 За что же вы так душили меня!».

Беспомощно стою я у кровати...
 Беспомощно!.. Гляди себе и жди,
 Хоть разорвись с усилий на догадки, —
 Не будешь знать, что выйдет впереди,
 И не найдешь ты средства на спасенье.
 Сам медик мне сказал свое решение:
 «Болезнь должна иметь благой исход,
 Но может взять и скверный поворот»...
 И истиной, наукою добытой,
 Был горд сей муж, в науке знаменитый.

Беспомощно!.. Как в этом слове, друг,
 Вся жизнь сама сказалась неподдельно!
 Как ясен мне весь заповедный круг
 Ненужности, бессильной и беспельной.
 Стою, молчу и мыслю про себя:
 Вчера глядел, любуясь и любя,
 На глазки светлые, на ясный лобик!
 А завтра вот пойду готовить гробик.

И снова жизнь потянется пуста,
 В напеве неостанет звука,
 Внутри тоска, кругом тупая скука...
 Не в первый раз развеется мечта,
 Не в первый раз переживать утраты,
 Шесть тысяч лет всё люди мрут да мрут,
 А с похорон — поплачут и живут.
 Переживу и я... На благо общее отдам мой труд,
 Да, сверх того, и умиранье больно...
 Тушу свечу! На этот раз довольно.

Письмо второе

Сегодня ей заметно лучше стало...
 А я, мой друг, сегодня плакал. Да!
 Меня сегодня хуже, чем когда,
 Беспомощность другая добивала,
 Отчаянье безвыходной борьбы,
 Ношение кар заслуженной судьбы,
 Сухая боль бесплодного томленья
 Без ласки внутренней, без умиленья.

Когда взошел я к дочери больной,
 Вдруг вижу — мать в порыве раздраженья
 На нянюшку. Неловкою рукой
 Давала пить ребенку и водой
 Позалила (случайно, без сомненья)...
 Забыто всё — и как беде помочь,
 И что нельзя пугать больную дочь,
 Забыта скорбь и, может, близость гроба,
 Над всем всплыла одна сухая злоба.

Я был объят каким-то духом тьмы,
Мне дикий вид и речи были гадки,
Я вышел вон безумно, без оглядки,
Как будто б я спасался от чумы.
Бежал, бежал, забыл мою больную,
Мой тайный страх, мою печаль иную...
О! отчего я не имею сил,
Ни сил на власть, ни сил на убежденье,
На вкрадчивость сердечного моления.
Я много бед еще бы отвратил,
Я, страстно эту женщину спасая,
Сказал бы ей, из глубины взывая:

«О! ради наших прошлых дней
Погибшего, погубленного счастья,
Не разрушай в душе моей
К прошедшему последнего участия!
Прости меня! Я виноват,
Я погубил твой возраст юный,
Я пбрвал все святые струны,
На ум навеял праздный чад.
Я развил волей иль неволей
Дух неразумных своеволий,
Я допустил в душе твоей
Тревогу мелких нетерпений,
И сухость мстительных волнений,
И необузданность страстей!
Прости меня! Перед тобою
Клонюсь преступной головою,
Но я любил, но я был слаб,
Я был не старший брат, а раб.

О! ради наших прошлых дней
Погибшего, погубленного счастья,
Не разрушай в душе моей
К прошедшему последнего участия!
Твой слух на голос мой склони,
Пойми всю ширь сердечного прощенья
И тихой грустию благоволенья
Порывы злобы замени.
Чтоб ты пришла к уразуменью,
Как много я наделал зла
Моей потворственной ленью
И мне простить ее могла, —
Сойди в себя! отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья...
Вчера — ты помнишь ли — вчера...
Еще ты ночью говорила,
Что, зная, за то, что ты забыла
Поняты правды и добра,
Тебе дочернее страданье
Дано судьбою в наказание?
Ужель опять — ни страх перед судьбой,
Ни мягкая надежда исцеленья
Не взяли верх над мелкой и сухой
Презренной тревогой озлобленья?
Подумай, оглянись назад —

Безумный вихрь, ревнивый чад...
 Сердечной лаской не пригреты —
 Две девочки забудут кров родной,
 Нарушены пред урной гробовой
 Тобою данные обеты.
 Уже ли в жизнь своих детей
 Навеешь ты всё то же роковое
 Дыханье злобы и страстей,
 Туманный вихрь, съедающий живое,
 Ума лишаящий людей?
 Пойми, что злоба на все лица,
 Что праздно бешеная кровь,
 Тревога дикая волчицы —
 Еще не женская любовь.
 О! слух на голос мой склони,
 Пойми всю ширь любви и умиления
 И тихой грустию благоволения
 Порывы злобы замени.
 О! сделай, сделай, ради бога,
 Чтоб я, когда иду к больной,
 Я не стоял бы у порога,
 Терзаем думою одной,
 Что вот войду — и вновь тревога,
 И вокруг пойдет рассудок мой,
 И я, встречая сердца малость,
 Забуду и любовь и жалость.
 О! дай же плакать мне над ней,
 Над бедной Лизою моей,
 Любить ее и целовать ей руки
 Без задних дум проклятия и муки...
 У ног твоих, еще любя,
 Рыдаю и молю тебя —
 Сойди в себя. Отвергни оправданья,
 Очисти жизнь слезою покаянья.
 О! ради наших прошлых дней
 Погибшего, погубленного счастья,
 Не разрушай в душе моей
 К прошедшему последнего участия...».

Но тщетно всё... Я знаю, голос мой —
 Пустынный бред моей души больной,
 И я слова мои напрасно трачу —
 Склоняю голову и плачу.

Письмо третье

Она останется жива!
 Уже сегодня говорила
 Она веселые слова
 И сказки сказывать просила.
 Уже сквозь усталость и недуг
 Смеются умненькие глазки...
 Какие ж я тебе, мой друг,
 Сказать могу сегодня сказки?
 Я помню только лишь одну —
 Как рыцарь с синей бородою
 Хотел привычною рукою

Убить девятую жену.
 Прослушала четыре раза,
 Но просит всё конца рассказа,
 Всё говорит, не кончен он:
 Скажи про прежних восемь жен.

Она останется жива!
 Дай этой мыслью насладиться!
 Хотя на миг один иль два
 Дай в чувстве радости забыться,
 Кула-нибудь, хоть за забор,
 Отбросив жизни грязь и сор.
 Так доживу ж я, вероятно,
 Чтобы взглянуть хоть на расцвет
 Весенних отроческих лет,
 И будет ей не непонятно
 Благословенье и завет
 И ласка слов моих прощальных,
 Спокойных, тихих и печальных.
 Да! я увижу возраст тот,
 Откуда времени полет
 Мои черты сквозь сумрак бледный
 С сердечной памяти бесследно
 Крылом холодным не сотрет.

<Лондон. Январь 1863 г.>

15

ИЗ ГЕЙНЕ

<Перевод>

В старинных сказках — замки золотые,
 Где звуки арф, да пляски стройных дев,
 Да пышный блеск нарядов и прислуги,
 Да запах роз, и мирта, и ясмينا —
 И вдруг — одно такое слово — и
 Всё рушится в одно мгновенье ока —
 И снова тлен и темный прах развалин,
 Да крики сов полночных, да болото.
 Вот так и я — одним зловещим словом
 Все чары снял с сияющей природы;
 Лежит она безжизненна, ледяна,
 Как царский труп, положенный в гробу:
 Ему скулы румянами натерли
 И в руку всунули державный скипетр,
 А губы-то поблеклы и желты
 (Забыли, знать, их тоже подрумянить)
 И мыши шмыгают над царским носом
 И нагло смотрят на державный скипетр.

<1863 г.>

16

Береза в моем стародавнем саду
 Зеленые ветви склоняла к пруду.
 Свежо с переливчатой зыби пруда
 На старые корни плескала вода.

Д. В. КАРАКОЗОВ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Рисунок карандашом И. Е. Репина
с пометой художника: «Каракозов.
(По впечатлению). 1866»

Местонахождение оригинала неизвестно

Под веянье листьев, под говор волны,
Когда-то мне грезились детские сны.
С тех пор протянулося множество лет
В волнении праздном и счастья и бед,
И сад мой заглох, и береза давно
Сломилась, свалилась на мокрое дно.
И сам я дряхлею в чужой стороне,
На отдых холодный пора, знать, и мне,
А всё не забыл я про детские сны
Под веянье листьев, под говор волны.

<1863 г.>

17

ОСУЖДЕННОМУ

Ну! выстрелил ты дерзновенно в паря,
Который ошибкою добрым зовется?..
Поступок нелеп — не в упрек говоря —
Но в нем побуждений дурных не найдется.

Незрелая мысль, да горячая кровь...
А сердцем всё ж надо быть чисту и смелу,
Да надо к народу прямую любовь,
Да сильную преданность общему делу.

[Бестрепетный юноша думал спасти
Народ, отпущенный так скудно на волю,
Что должен за свой же участок нести
В уплату свою же последнюю долю.]

Ну! выстрелил ты во благого паря,
Который ввел смертные казни в обычай...
Не спустит он, пошлою мезтью горя,
Что раз был испуган вне должных приличий.

Замученный в пытках, поруган молвой,
Погибнешь ты твердо за юное дело,
И будет, повиснув на петле тугой,
Качаться твое бездыханное тело.

А царь пустодушный, за пышным столом,
Где лилися вин драгоценные реки,
С улыбкою детской поникнув челом,
В дремоте опустит тяжелые веки.

(1866 г.)

18

Надежды падают и рушатся мечты,
Как волны скользкие колеблемого моря.
Дитя любимое, зачем родилось ты —
Для сильной жизни ли, иль для тупого горя?
Пристрастия матери задушат ли в тебе
Движенья сил живых любви и пониманья,
Иль все ж ты вынырнешь в настойчивой борьбе
Из-под ревнивого и злобного влиянья?
И сохранишь весь век (как жить ни тяжело,
И как бы жизнь твоя ни длилась бесконечно)
Спокойный светлый взор и ясное чело —
Как выражение всего, что человечно?

~~К. Огарев~~
Осужденному.

Ну! встретилась ли тебе когда-нибудь
Кто-нибудь из тех добрых друзей?

Помню ли я тех, — не в урочае слов —
Но в душе, в сердце, в крови, в костях.

×

Наздравствуй, друг, и в сердцах храни
А сердцем всегда надо быть к нему и к нам,
За нас же к народу, к делу, к правде,
За свободу, за справедливость, за правду.

×

Безразличны! молча, тихо, тихо
Народ, отчужденный, даже судно на воде,
Ты, друг, не забудь, что ты — не просто человек,
Всё, что ты, всё, что ты — всё, что ты — всё, что ты.

×

Ну! встретилась ли тебе когда-нибудь
Кто-нибудь из тех добрых друзей?
Не забудь, что ты — не просто человек,
Всё, что ты, всё, что ты — всё, что ты — всё, что ты.

×

Замученный в пытках, поруган молвой,
Погибнешь ты твердо за юное дело,
И будет, повиснув на петле тугой,
Качаться твое бездыханное тело.

×

А царь пустодушный, за пышным столом,
Где лилися вин драгоценные реки,
С улыбкою детской поникнув челом,
В дремоте опустит тяжелые веки.

—

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «ОСУЖДЕННОМУ».

ОБРАЩЕНО К Д. В. КАРАКОЗОВУ, 1866 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Не знаю, право, я — и жизнь моя жалка,
 Как будто облака свинцовые нависли,
 И всё безвыходно, и скорбная тоска
 Теснит дыхание, смущает свежесть мысли.

<1867 г.>

19

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычной жизни сор мятежный
 Похоронив в прожитом дне,
 Свершаю мысли труд прилежный
 В уединенной тишине.

Но мерных строк язык [привольный]
 И рифм созвучная череда
 Опять теснятся в слух [невольно],
 Как прежде, в юные года.

Объят их сладостною мукой,
 Склоняя на руки чело —
 Хочу стихи связать с наукой
 Немецким критикам назло.

Писал Георгики Вергилий —
 Хоть скучно; школьником еще
 Я их читал не без усилий,
 Но всё ж их хвалят вообще.

И скажешь правду, без фантазий,
 Про их латинские красы, —
 Творцы классических гимназий
 Тотчас накинута, как псы.

Быть может, выйдет меньше звучен
 Мой русский стих, [мой стих родной],
 Но также вычурен и скучен —
 [Пусть то решит читатель мой].

Но если б мне хватило сил созданья,
 Чтобь сказать моей строфой,
 Что в деле мысли, в жажде знанья
 Есть мощь поэзии живой, —

Я был бы счастлив бесконечно
 Преданий [ложных] рушить тьму...
 <Чтоб стало> всё, что человечно,
 Понятно юному уму.

<1866—1867 гг.>

20

<ЮМОР, ч. III>

[Но я пророчу, не боясь,
 Исполненный надежды смелой,
 Что новый кряж взойдет у нас —

С стремленьем чистым, мыслью зрелой,
И пусть посердит вас и вас,
Но жизни будущего целой
Блеснет в нем яркая звезда —
За тем и гнев ваш не беда...] *

7

Нельзя сказать чего ясней
О людях нового деянья;
Блажен, кто мог рукой своей
Оставить им кирпич для зданья;
Но все ж, в герои повестей —
Из лиц знакомых иль преданья
Берут поэты всех времен:
Гомер — и Майков Аполлон.

Смотреть покойников ходил
Когда-то с Дантом сам Вергилий;
Для отысканья жизни сил
На пляску ведьм, не без усилий,
Сам Гете Фауста водил,
И чорт поэта нё<с> без крылий:
Но человек грядущих лет
Стихами не бывал воспет.

Вопрос мудрен: кто ж мой герой?
Людей грядущих поколенья,
Столь силы полные живой,
Мне незнакомы. Скукой тленья
Объят мир древности немой,
И не дарует наслажденья
Знакомый, но несвежий свет, —
Так, стало быть, героя нет?

<1867 г.>

21

Сегодня настроен мой мозг музыкально,
Всё слышатся звуки, да звуки, да звуки;
Не то бы на стуле вздремнулось печально
От горьких воспоминок и скуки.
Какая тут музыка, милый ты мой,
То в пыльные машина заводит свой строй,
Да в школе мальчишки, во славу творца,
Одну ту же ноту поют без конца;
И с улицы, в помощь им, голос подвел
Усталый, забитый осел.
Не любо мальчишкам, не любо ослам,
Не любо работнику с пыльной машиной,
Откуда ты музыку выдумал там?
Напев целой жизни расстроен кручиной.

<1870—1871 гг.>

* Воспроизводим для связи с последующим заключительную строфу III части «Юмора», опубликованной в «Полярной звезде» на 1869 г., стр. 171.

22

МОЯ БИОГРАФИЯ

(Первое отделение)

Напиваясь брагой кроткой,
Напиваясь вином,
Напиваясь просто водкой,
Шел я жизненным путем.
И сломал себе я ногу,
И, хромающий поэт,
Все же дожил понемногу
До шестидесяти лет.

1

Эпиграф странен, жизнь еще страннее,
С улыбкою гляжу я <на> добро
Бессильное — и зло, хоть посильнее,
Но пошлое и в сущности старо,
Толкая криво от начала века
Пустую жизнь пустого человека.

2

Добро есть в азбуке, а зло повсюду,
Мы видим жизнь больших и малых стран
В руках царей, ласкающих Иуду,
Или республик, строящих обман,
И видим мы, как годы, годы, годы —
Народам нет действительной свободы.

3

Пора бы взяться за другое дело
И выступить на новую борьбу,
Где можно бы и высказать нам смело
Безверие и в бога и в судьбу,
И, с ведома добыв освобожденье,
Провозгласить племен соединенье.

4

Вот основания. Теперь же снова
Начну рассказ я о себе самом;
Я думаю, что мысль моя готова
И что могу я совладать с стихом,
Хотя бы всё, что в прошлой жизни было,
Явилось смешно или уныло.

5

Родился я — как водится обычно —
От матери и тож отца.
Отец мой русский барин был отличной,
Мать умерла — не помню и лица,
Но мысль о ней была мой бред любимый,
Отец же сгиб, параличом хватимый.

6

Да, впрочем, вообще наш барин русский,
Добившись до лент иль до крестов,
Так скукою замучен жизни узкой,

Что сгнбнуть рано чем-нбудь готов
Или, как братец мой в движенъи вялом,
Становится жандармским генералом *.

7

Я в детстве рос на бабьем попеченьи
С любовью и к перкве и к попам;
Потом я был в заботливом раченьи,
Сдан на руки бездарнейшим глупцам,
Но вскорѣ сам я стал читать Вольтера
И верить бесконечно в Робеспьера.

8

Тут, видно, просто я переменился,
И в жизни цель мелькнула, стало быть,
Совсем иная... Я еще молился
По приказанию, но позабыть
Уже не мог безверья в доблесть барства,
В святыню церкви или государства.

9

А тут пришел в торжественном движенъи —
В России бунт известный Декабря,
И нас детей в задумчивом волненъи
Воздвигнул страстно противу царя;
Тѣм болѣе, что Николай чудесил
И пятерых, испуганный, повесил.

10

Я не сказал, не то, чтоб по забвенью,
Как я любил и как любим бывал,
Всѣ к третьему поступит отделенью;
Теперь же я об этом не сказал —
Всѣ кажется: мне сердце чтѣ задело —
До этого кому какое дело? **

<1872—1873 гг.>

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. <К М. Л. ОГАРЕВОЙ>

Печатается по автографу (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 21—22). Текст — на почтовом листке белой бумаги.

На обороте л. 22 неизвестной рукой сделана надпись: «1840. Décembre, в бытность в Акшѣне».

Стихотворение, вероятно, связано с большим письмом Огарева к Марии Львовне из Пензы и Акшѣна в Петербург, помеченным 14, 15 и 18 декабря (ИРЛИ; письмо не опубликовано).

Первая строка стих.: «Хочу еще письмо писать» указывает, что, повидимому, в тот же самый день, 18-го, когда Огарев заканчивал свое письмо, он продолжил его стихами.

Автограф стихотворения беловой, лишь после строки «Объехать с солнцем мирозданья!» (в нашей публикации заключительная строка) следуют черновые наброски двух неотделанных строф, которые нами не воспроизводятся.

* Гр<игорий> Дм. Колокольников. — *Примеч. Огарева.*

** *Далѣе приписано:* Поправить придется многое, но сегодня посылаю как есть, мои милые. Ваш Ага.

2. «ДАЙ РАССКАЖУ ТЕБЕ, МОЙ ДРУГ...»

Печатается по автографу; текст находится на том же почтовом листке, что и № 1. Тексту предшествует пометка «попозже»; поскольку № 1 помечен Огаревым «18 декабря вечером» — данное стихотворение написано, очевидно, ночью того же 18 декабря.

3. «BUCH DER LIEBE»

«Я пишу четыре цикла лирических стихотворений, — сообщал Огарев 21 января (2 февраля) 1843 г. из Рима московским друзьям. — 1) Buch der Liebe, 2) Buch der Kunst, 3) Buch der Weisheit, 4) Buch des Lebens, 5) — будет Buch der Bilder. Барон <Кетчер. — Я. Ч.> хохочет над обилием заглавий, а я покраснел от стыдливости. Други! Не смейтесь, пожалуйста, по крайней мере не смейтесь, пока я сам люблю свой труд» («Русская мысль», 1889, № 11, стр. 4).

Огарев имел основания опасаться насмешек друзей. Обычно они встречали с недоверием его сообщения о разнообразных творческих планах, сомневаясь в исполнении столь обширных замыслов. В письмах Огарева 1841—1845 гг., адресованных Герцену, Грановскому, Белинскому, Кетчеру и Боткину, всем вместе и каждому в отдельности, мы находим многочисленные упоминания о начатых им и оставленных по разным причинам трудах. Так, известно, например, что Огарев прервал и не возобновлял впоследствии работу над повестью «Гулевой», две больших главы из которой он прочитал в июне 1843 г. в Bagni di Lucca Н. Г. Фролову (письмо от 16—17 июня 1843 г. — «Русская мысль», 1890, № 3, стр. 8). Тогда же им была начата и тоже не закончена поэма, писанная «дантовскими трехстрочиями» (там же). Начало сороковых годов было в творчестве Огарева периодом обостренных исканий, и, отчасти поэтому, многие его замыслы оказывались незаконченными.

Ни одна из перечисленных выше четырех книг (да еще с пятой в проекте) до настоящего времени известна не была. Естественно поэтому, что историки литературы, вслед за друзьями поэта, воспринимали сообщение Огарева с недоверием, полагая, что этот замысел, как и многое другое, относится к категории «неосуществленного».

Но в данном случае сомнение оказалось напрасным. Одна из названных «книг» — «Buch der Liebe» («Книга любви») — была, как оказывается, создана. Законченную рукопись этой «книги», состоящей из сорока лирических стихотворений, в 1939 г. приобрел архив Института мировой литературы им. А. М. Горького и позже передал в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде.

Цикл стихотворений «Buch der Liebe» написан Огаревым в записной книжке, подаренной ему в июне 1842 г. в Новгороде Герценом. На первом «титulyном листе» рукою Герцена написано:

«Тысяча восемьсот сорок второй год
1 января Новгороде»

Из этой книжки кем-то (возможно, самим Герценом или Огаревым) вырезано 8—9 листов.

Второй «титulyный лист», содержащий заглавие цикла стихов и эпиграф, сделан уже рукой Огарева. Получив подарок, Огарев переписал в книжку два ранее написанных стихотворения и продолжал вносить новые — вплоть до июня 1844 г.

Весь цикл стихотворений и стихотворных посланий, составляющих «Книгу любви», обращен к Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной (1819—1896), младшей сестре выдающегося русского драматурга А. В. Сухово-Кобылина. С этой старой дворянской семьей Огарев познакомился в начале тридцатых годов. Среди студенческих бумаг Огарева, захваченных жандармами при его аресте в 1834 г., нами обнаружено письмо юного А. В. Сухово-Кобылина (род. 1817) к Огареву. На допросе Огарев отвечал, что принадлежит оно «мальчику лет пятнадцати». Письмо это свидетельствует о дружбе между юношами. Знакомство Огарева с сестрами будущего драматурга тоже произошло в юности. В стихотворении, посвященном старшей сестре Елизавете (1815—1892, в замужестве Салиас де Турнемир, известна в литературе под псевдонимом Евгений Тур), Огарев говорит о поре их знакомства: «Вы были девочкой, а я уж юношей...» (Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I. Л., 1937, стр. 67). Следовательно, встретились они впервые в конце двадцатых или в начале тридцатых годов. Весьма вероятно, что и с младшей из Сухово-Кобылиных (Душенькой, Евдокией, в замужестве Петрово-Соловово) Огарев познакомился в те же годы. По крайней мере, в незаданном путевом дневнике Евд. В. Сухово-Кобылиной за 1836 г. имеется упоминание об Огареве как о хорошо знакомом лице (см. ЛБ. Дневники Евд. В. Сухово-Кобылиной, 1836, л. 78, запись от 24 сентября (6 октября), сделанная в Гейдельберге).

После 1834 г. Огарев не встречался с Сухово-Кобылиными вплоть до окончания ссылки. Он стал бывать у них вновь, когда с осени 1839 г. поселился в Москве. В феврале 1840 г. Огарев в письме к Герцену, упоминая о своем посещении Марии Ивановны Сухово-Кобылиной, обронил: «Марья Ив — 2-ая дочь Душенька очень мила» («Русская мысль», 1889, № 1, стр. 8).

Зимой 1841 г., перед отъездом за границу, Огарев посвятил Душеньке первое стихотворение «Как всё чудесно стройно в вас...». Вернувшись в начале 1842 г. на несколько месяцев в Россию из заграничного путешествия, Огарев во время пребывания в Москве виделся с Душенькой и, в частности, навещал ее в Воскресенском — подмосковной усадьбе Сухова-Кобылиных. В этот период он написал второе, посвященное ей, стихотворение: «По тряской мостовой я ехал молча».

20 июня 1842 г., вскоре после новгородского свидания с Герценом, Огарев вторично уехал за границу. И в записной книжке, подаренной ему в Новгороде, в которой, как сказано, уже были записаны два стихотворения к Душеньке, стали появляться новые и новые стихи, обращенные к ней и помеченные разными городами Италии и Германии. Так, в течение двух лет (июнь 1842 — июнь 1844) складывался цикл «Книги любви». Только два стихотворения из этой книги — упомянутые выше «Как всё чудесно стройно в вас» (1841) и «По тряской мостовой я ехал молча» (1842) были опубликованы Огаревым (первое — в «Отечественных записках», 1841, т. XVI, июль, стр. 233; второе — там же, 1843, т. XXXI, декабрь, стр. 192). Остальные стихи о своей утаенной любви Огарев не только не опубликовал, но и не показал друзьям и даже той, к которой они были обращены. Лишь после его смерти семь более или менее случайно выбранных стихотворений были напечатаны Т. П. Пассек в «Полярной звезде» гр. Салиаса на 1881 г., в кн. 5 (ср. Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, т. I. Серия «Библиотека поэта», 1937, стр. 135—141).

Что же представляет собою цикл «Buch der Liebe»? Это — лирический дневник (впоследствии сам Огарев сделал к нему подзаголовок: «Отрывки из автобиографии»), в котором с большой откровенностью запечатлена история возникновения и развития «несбыточной», «мечтательной» любви. Все оттенки этого чувства, все перемены, которым оно подвергалось, прослежены Огаревым от даты к дате и нашли свое выражение в его искренних автобиографических признаниях. Сосредоточенность, атмосфера нравственной чистоты, сила чувства, продиктовавшего эти страницы, придают им характер, присущий лучшим произведениям огаревской лирики.

Вот почему стихотворения этого цикла значительны не только в качестве важного автобиографического документа. Их значение шире. Некоторые из них рассказывают об идейном пути молодого Огарева.

Дало мне знание силу отрицать,
Тревожную, мучительную силу, —

говорит Огарев во втором из печатаемых нами стихов. Речь идет здесь об отрицании той социальной среды, к которой, по происхождению, принадлежал он сам и с которой он резко столкнулся еще в ранней юности.

... Дом мне был тюрьмой,
Где двери на замке держал обычай,
Приличие стояло на часах,
И был закон надсмотрщик престарелый, —

вспоминает Огарев о годах своей юности, проведенных в том кругу, к которому принадлежали и он и его воображаемая корреспондентка.

Среди стихотворений «Книги любви» мы находим несколько, посвященных основному мотиву философской лирики Огарева. Так, стихотворение «Я одарен способностью ужасной» намечает тему будущих «Монологов» Огарева, а заключительное стихотворение всего цикла «Учусь! Учусь! и жажда знания мучит!» подытоживает не только историю «мечтательной любви», но и развитие мысли Огарева в прошедшие два года:

Я истины хочу и не боюсь
Сомнений долгих, трудных отрицаний;
Все призраки разрушить я готов,
Хотя б они и близки были сердцу.
Я часто ныне чувствую в себе,
Что становлюсь я духом чище, крепче:
Ясней смотрю на вещи, и мой взгляд
Широко мир безгранный обнимает...

В поэзии Огарева приведенный отрывок имеет продолжение. В известном стихотворении «Совершенное» (1846) Огарев говорит:

С ошибкой детскою разделаться я рад
И веселей встречаю горечь истин,
Чем малодушие мечтательных отрад;
Я в деле счастья горд и бескорыстен!
Но мир, который мне как гнусность ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов —

Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права,
Не думая о том — что — гибель ждет или слава.

(Н. П. Огарев. Избранные стихотворения и поэмы. М., 1938, стр. 13, 322).

В стихах цикла отражены также впечатления от путешествия и жизни Огарева в Италии и Германии. Впечатления эти были глубоки и содержательны и относились преимущественно к художественной и культурной жизни. Изучению социальной и политической действительности Европы Огарев отдал свои силы несколько позднее — в 1844—1846 гг., когда цикл «Buch der Liebe» был уже окончен. Только большое послание из Берлина, написанное в 1844 г., и упомянутое выше стихотворение «Учусь! Учусь!..» являются как бы введением к новому периоду идейного развития Огарева.

Художественные интересы, занимавшие весьма серьезное место в жизни Огарева в 1841—1843 гг., нашли в «Книге любви» разнообразные выражения. Огаревым созданы мастерские зарисовки галерей и церквей Флоренции, пейзажей Рима и его окрестностей, пути в Ливорно, поездки в Альбано.

Впечатления от итальянской природы и итальянского искусства перемежаются с воспоминаниями о России. Русская природа, русский быт, образ «отчизны дальней» не раз встают в сознании поэта.

И дале в путь! и степь кругом,
И взор конца не различает,
И знойно день палит лучом,
Трава желтеет и сгорает,—

говорит он, вспоминая русские степи (XXI).

Образ «Душеньки» нередко появляется в стихах вместе с образом русского пейзажа:

Воспоминанье живо мне чертило
Бесну такую же в моей родной стране,
И как-то хорошо и грустно было мне.
Таким же воздухом дышал я над рекой,
Где вместе мы на берегу сидели,
Березы белые, склоняся над водой,
Купали лист зеленый и шумели (XV).

Как указывалось выше, Огарев не пожелал публиковать «Buch der Liebe». Но в 1860 г. он сделал попытку вернуться к этому раннему циклу. Книга, по его выражению, понадобилась ему «для автобиографии и для многих стихотворных планов» «и потому, что не хочется умереть, не перечитавши ее» («Звенья», т. 3—4, стр. 416 и 421).

* * *

После того как Т. П. Пассек в 1881 г. опубликовала семь стихотворений из цикла «Buch der Liebe», со включением стихов («Я поздно лег, усталый и больной...») (в настоящее время в записной книжке отсутствующих), под общим заглавием «Из альбома Е.» — два поколения редакторов тчечно разыскивали этот альбом. Между тем, «Альбом Е.» и есть публикуемая записная книжка. Расшифровывая букву «Е.», редакторы позднейших изданий ошибочно предположили, будто под этим инициалом подразумевается Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, что сильно затрудняло поиски. Дочь Евдокии Васильевны, М. М. Петрово-Соловово, передавая «альбом», т. е. «Buch der Liebe», в Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького (в 1939 г.), сообщила, что «альбом» хранился до смерти Огарева (1877) у Елизаветы Васильевны, после же был отдан ею сестре и до передачи в Институт оставался в семье Петрово-Соловово.

Таким образом, «Душенька», к которой были втайне обращены стихи Огарева, прочитала большинство из них лишь в старости.

В записной книжке Огарева нет никаких других записей, кроме текста (преимущественно белого) стихотворений, обращенных к Евд. В. Сухово-Кобылиной. В тексте отдельные строки и слова подверглись исправлениям, кое-что зачеркнуто или надписано по ходу письма. В настоящей публикации черновые варианты не воспроизводятся.

Нет сомнения, что Огарев писал эти стихи сперва, как обычно, карандашом, на отдельных листках, и черновики впоследствии уничтожил. Во всех известных нам рукописных собраниях Огарева нет никаких следов черновых вариантов «Buch der Liebe». Исправления текста в записной книжке носят характер шлифовки стиха, которая совершалась, когда автор перебрал уже вчерне записанный текст. Воспроизводить эти поправки значило бы затруднять текст и затруднять чтение.

Текст Огарева занимает лл. 1—24 записной книжки. Остальная часть ее (лл. 22—52) не заполнена. Все стихотворения написаны чернилами, с обеих сторон листа,

мелким убористым почерком. Стихотворения переписаны тесно одно к другому и разделены черточками. Размер книжки 20 × 13 см (по переплету). Переплет темный, из оклеенного картона; корешок и уголки темнозеленого цвета, кожаные, потертые, так же, как и вся поверхность крышек.

Нумерация в тексте Огарева отсутствует. Она произведена нами.

Даты и пометки Огарева в публикуемом тексте воспроизводятся. Даты, принадлежащие публикатору, печатаются под текстом в угловых скобках и обосновываются в примечаниях.

* * *

I. «Заснула Пиза в тишине ночной...»

Стихотворение написано осенью 1842 г. Выехав из России 20 июня 1842 г., Огарев через Травермюнде, Любек, Гамбург приехал в Магдебург. Оттуда, побывав в Лейпциге, где он случайно встретился с В. Ф. Одоевским, Огарев отправился вместе с ним в Дрезден. Из Дрездена поехал в Карлсбад, чтобы провести там курс лечения. В Карлсбаде Огарев лечился в июле и, повидимому, в начале августа. Затем он отправился в Эмс и другие прирейнские города. «В сентябре я буду в Ницце, потом в Неаполе и, наконец, в Риме», — писал Огарев Евд. В. Сухово-Кобылиной в письме от 10/22 июля 1842 г. из Карлсбада (см. ниже в наст. томе). Этот план путешествия был выполнен довольно точно. В Пизе, на пути во Флоренцию, Огарев был в октябре 1842 г. (М. Гершензон. Образы прошлого. М., 1912, стр. 502 и 505).

II. «Вы выросли, любя отца и мать...»

Написано, очевидно, как и первое стихотворение, в Пизе, в тот же период. Пометка «Флоренция» сделана Огаревым в первый раз на стихотворении «Я по Флоренции бродил печально...» (III). Следовательно, — поскольку рассматриваемое стихотворение предшествует ему, — оно написано еще в Пизе, до переезда во Флоренцию, т. е. в октябре 1842 г. Стихотворение интересно содержащейся в нем автохарактеристикой (см. текст от строки «А я был вечный мученик...» и далее). Ср. также в настоящей публикации стихотворения «Я одарен способностью ужасной...» (VI) и «Учусь! Учусь! и жажду знания мучит...» (XXII).

III—IX. «Я по Флоренции бродил печально...»; «Любовь моя мне стала тайным светом...»; «Мне говорили будто в сердце вы...»; «Я одарен способностью ужасной...»; «Вы дружбу мне хранить глубоко...»; «Два дня я не видал моей статуи...»; «Сегодня колоколен звон печальный...».

Стихотворения III—IX написаны во Флоренции в октябре — декабре 1842 г. В «Buch der Liebe» имеется еще четыре стихотворения, относящихся к флорентийскому циклу; из них два — «В тиши ночной аккорд печальный...» и «Вчера я в церкви dell'Annunziata...» опубликованы (Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I, стр. 140—141); два других остаются в рукописи.

Огарев в этот период часто посещал всемирно прославленные музеи Флоренции, галерею Уффици, галерею Питти и другие богатейшие собрания итальянской живописи XIV—XVIII вв. В нескольких из публикуемых стихотворений Огарев говорит также о своих посещениях церкви Благовещения (dell'Annunziata). Церковь эта, основанная в 1250 г., перестраивалась затем в течение нескольких столетий, вплоть до XVII в. Притвор церкви расписан фресками Андреа дель Сарто и его учеников. Из нескольких скульптурных надгробий, находящихся в церкви dell'Annunziata, мы затрудняемся указать то, которое соответствовало бы описанию Огарева.

X. «Я новому искусству предался...»

Во Флоренции Огарев начал брать уроки рисования и живописи, но вскоре увлечение его остыло, и он оставил эти занятия.

XI. «Livorno спит, озарено луною...»

Стихотворение написано в декабре 1842 г. Из Флоренции Огарев отправился в Ливорно и оттуда морем в Рим. Как явствует из текста, стихотворение написано в порту, незадолго до отъезда.

XII—XV. «Я ночью подъезжал к святому граду...»; «Вчера она пела, Клара Новелло...»; «Не знаю почему, певица эта...»; «Вчера был теплый день, и веяло весной...».

Из семи стихотворений «Buch der Liebe», созданных в Риме в период с декабря 1842 г. по апрель 1843 г., мы воспроизводим четыре.

Оперная певица (сопрано) Клара Анастасия Новелло (1818—1908) выступала с большим успехом не только в Италии, но также в Англии и Германии. В письме к друзьям (Боткину, Грановскому, Кетчеру и Герпену) из Рима от 6/18 апреля 1843 г. Огарев упоминает о том, что слушал Клару Новелло в «Пуританах» Беллини («Русская мысль», 1889, № 12, 18).

XVI—XVII. «Уже давно я в книге этой...»; «Опять уже прошло так много дней...»

Оба стихотворения написаны в конце пребывания в Италии. Первое помечено Огаревым «Albano. Апрель». Albano — местечко вблизи Рима, где Огарев прожил часть апреля 1843 г. Отсюда Огарев направился в Неаполь, где им и написано второе

стихотворение. Из Неаполя он поехал в Bagni di Lucca, чтобы навестить Н. Г. Фролова, близкого друга Грановского. После свидания с ним Огарев в конце июня 1843 г. уехал в Германию, на Рейн.

Упомянутая во втором стихотворении villa reale (другое название — villa nazionale) — общественный парк Неаполя. Парк тянется на север и восток от дворца неаполитанских королей (Palazzo reale di Capodimonte). Заложенный в 1780 г., он был расширен в 1807 и особенно в 1834 г.

XVIII—XX. «Я проезжал печальные края...»; «Я возле вас сидел во сне...»; «Я изнывал в глуши печальной...».

Стихотворения, начиная с помеченного «Saline Theodorshalle» (XVIII) и кончая помеченным «Ганау. Октябрь» (XX), написаны Огаревым в летние и осенние месяцы 1843 г., в прирейнских городах и курортах Германии. После этого нового путешествия Огарев отправился в Париж, где провел зиму 1843/44 г. Весной 1844 г. он вернулся в Италию, но пробыл здесь недолго, переехав в июне того же года в Берлин.

Об этом путешествии он подробно говорит в письме к Евд. В. Сухово-Кобылиной от 1 июня (20 мая ст. ст.) 1844 г., публикуемом в наст. томе.

XXI. «Я вам сказать хотел бы много...».

Длинное стихотворное послание, датированное июнем 1844 г., является последним отзвуком любви Огарева к Евд. В. Сухово-Кобылиной в публикуемом нами цикле.

Послание представляет интерес и в том отношении, что в нем можно видеть поэтический отклик Огарева на одно из замечательнейших произведений Лермонтова; мы имеем в виду стихотворение «Я к вам пишу...», известное под названием «Валерик» и появившееся в альманахе «Утренняя заря» в 1843 г. Основная тема послания Огарева:

В себя печально заглянуть
Пришлось мне в уединенье
И тяжело вздохнула грудь! —

родственна первой лирической теме стихотворения Лермонтова:

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остывшим умом,
Разuverяюсь я во всем.

По своим разговорным интонациям, как бы одновременно обращенным и к корреспондентке и к себе самому:

Довольно! Я воображу,
Что вы со мной, что в вас пробудит
Участье то, что я скажу,
И мне, быть может, легче будет —

послание Огарева тоже близко лермонтовскому:

Я к вам пишу: случайно! право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!

Как Лермонтов переходит от своего лирического монолога к рассказу о битве у «Речки смерти» — «Валерике», так и Огарев переходит от лирических признаний к аллегорическому рассказу о пути человека. Правда, сходство лишь в композиции, но и оно примечательно, подтверждая те живые связи, какие в этот период существовали между поэзией Огарева и поэзией Лермонтова.

XXII. «Учусь! Учусь! и жажда знания мучит!..»

Стихотворение написано, повидимому, вскоре после предыдущего. О его значении в идейном развитии Огарева сказано выше, во вступительных замечаниях ко всему циклу «Buch der Liebe».

4. «ТУЧИ СЕРЫЕ БРОДЯТ В ПОДНЁБЕСЬИ...»

Печатается по автографу; отдельный лист плотной сероватой бумаги (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 40, л. 1а). Датируется концом 1846 г., так как *друг*, упоминаемый в стихотворении, — это Герцен, уехавший за границу в январе 1847 года.

Родные горы — Воробьевы горы в Москве, куда обычно весной и осенью Герцен и Огарев отправлялись вместе в память знаменитой клятвы, принесенной ими в юности.

Впоследствии, в 1869 г., Огарев использовал некоторые образы из этих стихов в стихотворении «Серые облака по небу тянутся...» (Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, т. I, стр. 268).

5. «С КАКОЙ ТРЕВОГОЙ ОЖИДАНИЯ...»

Печатаем набросок по черновому автографу, находящемуся в записной книжке Огарева (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 5). Дата стихотворения — 1860 или 1861 г. — устанавливается приблизительно (по положению автографа среди других записей).

Зачеркнутые варианты текста не воспроизводятся.

6. «...ОНА СО МНОЮ ТАК ДОБРА...»

Отрывок записан набело в записную книжку (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 6) среди стихотворений 1860—1861 гг. Относится, вероятно, к Мэри Сетерленд, (см. стихотворение «Мой русский стих, живое слово...» <12> и примечание к нему).

7. РУДОЛЬФОВ ТРАПШ (Л. Н. ТОЛСТОМУ)

Печатается по автографу, находящемуся в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 30). Запись стихотворения сделана набело, почти без поправок. Исправления были внесены в два стиха: строка 38-я — «Нас судьба уносит розно» — переделана из строки: «Жизнь должна вести нас розно»; слова «Я сжимал» (в строке 46 й) надписаны над зачеркнутым: «Прижимал».

Стихотворение датируется 1861 годом. В феврале — марте этого года Л. Н. Толстой, которому посвящено стихотворение, находился в Лондоне, где познакомился с Герценом и Огаревым. С Огаревым Толстого объединяла, помимо общих литературно-политических интересов, любовь к музыке. Так, в первом же письме к Герцену, написанном 20 марта 1861 г., после переезда из Лондона в Брюссель, Толстой писал: «Николай Платонычу жму руку и имею честь донести *по его части*, что вчера, слушая „Фауста“ Гуно, испытал весьма сильное и глубокое впечатление, хотя не мог разобрать, произведено ли оно было музыкой или этой величайшей в мире драмой, которая осталась так велика даже в переделке французского либретто. Но музыка в самом деле не дурна» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 495; курсив мой. — Я. Ч.).

Вспоминая впоследствии свое знакомство с Огаревым, Толстой, между прочим, рассказывал: «Я об Огареве узнал странным образом. Жил тогда (<в 1849 г.> в Москве музыкант Иоганнис, талантливый человек, отлично играл, но и кутила порядочный. Еще был у него товарищ Рудольф. (Шкестов) прервал: «это тот, с которого вы написали Альберта?» — «Нет, т. е. это так вообще», тоже талантливый; вместе прожигали жизнь. <Далее следует вспоминаемый Толстым рассказ Иоганниса об Огареве>. Я потом этого Рудольфа привел сюда, он меня учил играть на рояли» (из письма М. О. Гершензона, писанного 20 июля 1904 г., на другой день после того, как он посетил Толстого. — «Новые пропилеи», т. I. М., 1923, стр. 97).

В других воспоминаниях о Л. Н. Толстом вновь упоминается имя музыканта Рудольфа. Рассказывая о музыкальности, присущей семейству Толстых, автор воспоминаний, М. Н. Орлов, пишет:

«Как-то раз он <К. А. Иславин> соблазнился открытым инструментом и сыграл кавалерийскую рысь, мне совершенно неизвестную. Тонкая по отделке, эта рысь прельстила меня своими уместно введенными секвенциями, и я спросил, чья она? За Иславина ответил слушавший Л(ев) Н(иколаевич), что она — неизданная пьеса Рудольфа. Оказалось, что этот Рудольф — он же Альберт. Ее знал наизусть и Сергей <С. Н. Толстой, брат Л. Н.>. Он мне ее записал, и играю я ее и поныне» (там же, стр. 91).

Музыканты Иоганнис и Рудольф, о которых вспоминает Толстой, были хорошо известны Огареву, в особенности первый из них. С Иоганнисом Огарев познакомился в Пензе, во время пребывания в ссылке. Он встретился с ним в доме губернатора А. А. Панчулидзева, который пригласил Иоганниса в свой оркестр. Впоследствии, в 1839 г., переехав в Москву, Огарев сблизился и подружился с Иоганнисом, и тот стал постоянным участником огаревских музыкальных вечеров на Арбате. Иоганнис сделался дирижером Московского театра. В переписке Огарева 1839—1841 гг. имя его встречается неоднократно. Что касается Рудольфа, то впервые имя его как знакомого Огарева было названо Толстым в 1904 г., в приведенном выше разговоре с М. Гершензоном. Других материалов об этом знакомстве мы до сих пор не имели. Комментируемое стихотворение свидетельствует о том, что у Огарева с Толстым были общие воспоминания о Рудольфе. Музыкальный фон стихотворения, его ритм и строй безусловно навеяны каким-то определенным музыкальным произведением, а имя музыканта, стоящее в заглавии, заставляет искать это произведение среди композиций Рудольфа. Но сведения о них крайне скудны.

Н. Н. Гусев в неопубликованной работе о молодости Л. Н. Толстого называет из произведений Рудольфа только «Hexengalopp» («Галоп ведьм») и две «Кавалерийских рыси», из которых одну Л. Н. Толстой часто играл по памяти*.

* Приношу Н. Н. Гусеву благодарность за разрешение воспользоваться здесь этой справкой.

Как вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева, Толстой, бывая у Герцена, не раз «пел, аккомпанируя себе на фортепиано, солдатские песни, сочиненные им в Крыму <...>, и другие песни» («Воспоминания». Л., 1929, стр. 297). Естественно предположить, что среди «других песен» мог быть и какой-либо из мотивов Рудольфа, — полюбившаяся ли Толстому «рысь» или какое-нибудь другое его сочинение. Это и могло явиться поводом для разговора о Рудольфе и — в дальнейшем — вызвать посвящение «Рудольфов траппа» Толстому. Это тем более правдоподобно, что и в памяти Толстого, как явствует из приведенных выше питат, встреча с Огаревым в Лондоне прочно связалась с воспоминаниями о несчастном музыканте и при первом же вопросе об Огареве Толстой сразу назвал Иоганниса и Рудольфа.

Мы не располагаем никакими сведениями о том, сообщил ли Огарев Толстому посвященное ему стихотворение. Письма Огарева к Толстому, писанные в 1861 г., как и письма Герцена к Толстому, относящиеся к этому периоду, остаются до сих пор не известными. Они, очевидно, были оставлены Толстым за границей и до нас не дошли (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 496).]

8. [ОТРЫВКИ

Печатается по черновому автографу, находящемуся в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, лл. 1—4). Черновик изобилует исправлениями и вариантами, впоследствии отброшенными. Воспроизводим строки окончания:

Глухая боль сердечной раны
[Да вопль, задержанный в груди;
жизни
Да [те же] сказочные планы
[Рисуют счастье вперед.]

Установить точную дату стихотворения затруднительно. Им открывается записная книжка, в которой значительное большинство записей бесспорно относится к 1861—1862 гг.; и по содержанию оно примыкает к автобиографическим произведениям, отражавшим тяжелую полосу в истории отношений Огарева с Натальей Алексеевной. Начиная с октября 1861 г. Огарев то поселялся отдельно, то жил вместе с семьей Герцена. Отзвуки напряженных отношений с Н. А. Тучковой-Огаревой см., например, в письме Герцена к Огареву от 3 октября 1861 г. (XI, 245—246).

Повидимому, стихотворение написано в этот же период, т. е. осенью 1861 г.

9. В СТЕПИ

Печатается с незаконченного наброска, находящегося в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 32).

Строка 10-я не дописана; строка 12-я пропущена.

Местоположение наброска в книжке между стихотворением «Рудольфов трапп», датированным 1861 годом, и стихотворением «Забывье», написанным не позже весны 1862 г., заставляет приблизительно датировать «В степи» теми же годами. Если оно было написано между концом 1861 и началом 1862 г. — интересно сопоставить это стихотворение, приближающееся к песне, с несколькими строками из герценовского письма к Н. Ф. Щербине от 15 апреля 1861 г.: «Как вы хотите издавать народные песни: разумеется текст и музыку? Я думаю, что это — дело возможное <...> Огар(ев) и я, мы совершенно согласны с вашим мнением насчет русской народной песни. Русская песнь вызывает в степи живого человека, тоскует по нем, ждет его» (XI, 75).

10. O LACRYMARUM FONSI!..

Печатается по тексту, находящемуся в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, лл. 28—29). Приблизительная дата — 1861—1862 гг. Имеющиеся в автографе варианты не приводятся.

В качестве заглавия Огарев взял первые слова из латинского четверостишия То-маса Грея (1716—1771):

O lacrymarum fons, tenero sacros
Ducentium ortus ex animo; quater
Felix! in ima qui scatentem
Pectore te, pia Nimpha, sensit.

(«О источник слез, берущий священное начало из нежной души. Четырежды счастлив, благочестивая нимфа, кто чувствовал тебя, как ты струилась в груди»).

Те же первые слова четверостишия использовал Ф. И. Тютчев в качестве эпитафии к своему раннему (1823) стихотворению «Слезы» («Люблю, друзья, ласкать очами...»). Все четверостишие целиком послужило эпитафией к стихотворению Байрона «Слеза» («The Tear»).

11. РАЗВРАТНЫЕ МЫСЛИ

Печатается по автографу, находящемуся в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43а, л. 22). Текст беловой; датируем приблизительно — 1861—1862 гг.

12. «МОЙ РУССКИЙ СТИХ, ЖИВОЕ СЛОВО...»

Печатается по беловому автографу: отдельный лист большого формата, без подписи и даты (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 41, л. 1). Обращено стихотворение к Мэри Сетерленд и написано в первые годы сближения с нею, т. е. в лондонский период жизни Огарева.

В рукописи Огарева седьмое четверостишие записано в неокончательной редакции; об этом свидетельствует наличие незачеркнутой, но лишней строки в строфе и нарушение принятого во всем стихотворении чередования рифм (а б а б). Строфа записана в следующем виде:

За дружелюбные названия, (а)
За сердце, полное вниманья (а)
И тайной, кроткой глубины. (б)
За негу долгого лобзанья, (а)
За чувство светлой тишины (б)

Мы печатаем эту строфу, приведя ее в соответствие со всеми остальными четверостишиями, в отношении количества строк и порядка чередования рифм.

В письмах Огарева к Мэри Сетерленд за 1859—1864 гг., напечатанных в переводе с английского в изд. «Архив Огаревых» (М., 1930, стр. 100—123), находим отзвук того же дружески-бережного отношения, каким проникнуты комментируемые стихи. Так, в 1862 г. он восклицает в письме к Сетерленд: «Ты не знаешь, моя Мэри, какова любовь мужчины на склоне лет. Он дорожит ею, как — я не знаю как — как последним лучом заката» (цит. изд., стр. 104). Стремясь образовать Мэри, Огарев сурово укоряет себя в том, что сделал недостаточно для ее развития. «Я был счастлив с тобой, — писал он ей около 1862 г., — и не подумал, что моя жизнь сильнее и покойнее твоей, что я имею целый мир надежд для своей родины, работы для науки и для поэзии, а у тебя нет ничего, кроме меня и твоего ребенка <Генри.— Я. Ч.>. Мог ли я перенести тебя в мой мир и внушить тебе ту любовь к нему, <...> которая поддерживает ум в постоянной деятельности, наполняет его жизнью <...> Может быть и мог бы. А что я сделал? Ничего» (там же, стр. 102). «Поймешь ли ты, Мэри, как тяжела мне эта мысль?» — восклицает он в том же письме. «Теперь мы должны серьезно стараться учиться, заниматься — и ты и мальчик, — пишет он в 1862 г. (там же, стр. 105). Мэри, научившись грамоте, пишет ему письма, и он, получив одно из них, радуется от души: «Конечно, в твоих письмах много ошибок, Мэри, но есть в них и другое — есть истинный язык сердца, и это-то меня так радует <...> Завтра я напишу тебе первый урок грамматики и объясню строение стихов. Ты увидишь, что урок не будет таким скучным, как ты может быть думаешь; по крайней мере, я постараюсь сделать его интересным для тебя» (там же, стр. 105—106).

Как бы подводя итоги многим годам дружбы с Мэри и своей любви к ней, Огарев писал (в письме без даты, относящемся к 1862—1863 гг.): «Ты никогда не была жестока ко мне, Мэри, и моя уверенность, что я сделаю из тебя хорошую, честную, добрую, любящую и достойную любви женщину, никогда не обманула меня — с первых дней и до сих пор». И тут же: «Жизнь текла, как хороший сон, и давала мне силы превозмочь все невзгоды и работать над делом, которому я посвятил свою жизнь» (там же, стр. 114).

Думается, что приведенные цитаты, иногда текстуально совпадающие со стихотворением «Мой русский стих, живое слово...», позволяют отнести его к тому же периоду, когда писались эти письма, т. е. к 1862—1864 гг.

13. КАРТИНЫ ИЗ СТРАНСТВИЯ ПО АНГЛИИ

Печатается по беловому автографу, находящемуся в записной книжке 1863 г. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 43б, л. 90). Страница, на которой написано это стихотворение, последняя из заполненных страниц книжки.

Ироническая, в манере Гейне, картинка создана Огаревым в пору его жизни в Ричмонде. Именно в эти летние месяцы в 1862—1863 гг. Огареву часто приходилось ездить «ричмондским полем», пользуясь омнибусами. Так, в письме к Мэри Сетерленд <1862> он описывает маршрут своих поездок: «Я вчера был у Белого Оленя в четверть восьмого, так что у меня оставалось четверть часа времени до омнибуса. Я пошел дальше, и омнибус догнал меня только за Гаммерсмитским мостом...» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 108).

В автографе после заголовка поставлена цифра «1», означающая, что в той же манере Огарев намеревался создать еще одну или несколько подобных «картин». В поэтическом наследии Огарева мы знаем только одно стихотворение, которое.

вероятно, входило в задуманный цикл. Это — «Мчатся кони вороные» — сатирическая картина мешанских похорон в Англии. (См. «Избранные стихотворения и поэмы», М., 1938, стр. 185 и «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XII, М., 1951, стр. 61—63).

14. НАСТОЯЩЕЕ И ДУМЫ

Печатается по черновому тексту, находящемуся в записной книжке 1862—1863 гг. (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436, лл. 56—58). Первоначальное заглавие «Рассуждения» зачеркнуто и заменено новым: «Настоящее и думы».

Первая строфа «Предисловия» наименее отделана. После строк 5 и 6, исправление которых начато и не закончено, следует зачеркнутая строка:

Но пусть начнут и их воспроизводить.

Все три стихотворных послания написаны в первой половине января 1863 г. во время тяжелой болезни четырехлетней дочери Герцена и Натальи Алексеевны — Лизы, которую Огарев горячо любил. Лиза заболела scarlatina 1—2 января (XVI, 13). «Ага <Огарев> ходил наблюдать с вечера до трех часов, я — от четырех до утра, — писал Герцен Тате 7 января 1863 г. — Лечил ее Гено-де-Мюсси, но как-то, перепугавшись, послали за Ньютелем...» (там же, стр. 14). Об одном из этих врачей и говорит Огарев в конце первого письма.

20 января Герцен сообщает, что Лиза уже почти здорова (там же, стр. 22), а 30 января пишет об Огареве: «У нас так тревожно теперь, так тревожно <речь идет о событиях в Польше.— Я. Ч.>, что Ага, без того усталый от болезни Лизы, едет дней на десять за город» (там же, стр. 24).

От строки «О, ради наших прошлых дней» и до конца второго письма текст известен в виде отдельного стихотворенья, впервые напечатанного под заглавием «Н. А. Огаревой. Отрывок» в «Русских прописях», т. II. М., 1916, стр. 174—177. Отрывок был извлечен Огаревым из записной книжки и передан Н. А. Огаревой 14 июля 1865 г. вместе с запиской следующего содержания: «Натали, сегодня день твоего рождения. Я долго бродил удрученный. В памяти моей переходило много вещей — и пришел мне на память отрывок из моих неизвестных стихов во время scarlatina Лизы. Я его пишу тебе, потому что лучше ничего не умею. <Далее следовали стихи, и после них:> Вот мое воспоминание! Теперь одно прошу — возьми себе в сердце две недавние смерти и возведи свою жизнь до богослужения, т. е. до служения тому, что для нас составляет цель, до служения любви и добру» (там же, стр. 146).

15. ИЗ ГЕЙНЕ

Печатается по беловому автографу, находящемуся в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436, л. 84) среди текстов 1863 г.

Стихотворение представляет собой перевод стихотворного монолога, вставленного Гейне в прозаический текст главы II «*Buch Ie Grand*». Перевод очень близок к подлиннику.

16. «БЕРЕЗА В МОЕМ СТАРОДАВНЕМ САДУ...»

Печатается по беловому автографу. Текст находится в записной книжке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 436, л. 84 об.), непосредственно вслед за стихотворениями и записями, относящимися к январю—апрелю 1863 г. По мотивам стихотворение близко к циклу «Воспоминания детства», написанному в конце 1860 или начале 1861 г., однако относить его к этому времени нет оснований, так как рядом (на л. 85) в записной книжке находится и черновик публикуемого стихотворения.

17. ОСУЖДЕННОМУ

Печатается по автографу, находящемуся в записной книжке Огарева 1866—1867 гг. (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, лл. 4—5). Заглавие «Осужденному» написано под зачеркнутым: «К—ву». Автограф беловой с пометками карандашом; происхождение пометок объясняется ниже.

Стихотворение обращено к Дмитрию Владимировичу *Каракозову* (1841—1866), приговоренному к смертной казни за покушение на Александра II, совершенное 4 апреля 1866 г. Приговор был вынесен 31 августа, но был известен заранее; требования расправы, кровавой и жестокой, со всеми арестованными участниками «кружка» Н. А. Ишутина было печатно высказано стоявшим во главе следствия М. Н. Муравьевым («Санкт-Петербургские ведомости» от 3 августа 1866 г., № 210 — перепечатка из «Северной почты» от 2 августа 1866 г. Ср. «Русская старина», 1909, № 1, стр. 132—136). Стихотворение Огарева написано около 22—24 августа н. с.; из письма Герцена от 27 августа видно, что Герцен со стихами уже знаком.

Третья строфа зачеркнута карандашом (воспроизводим ее в квадратных скобках). Герцен в упомянутом письме от 27 августа писал следующее: «Насчет твоих стихов „Осужденному“ — Луг<нин>, Nat<alie> (да и я согласен) осуждают третий купл<ет>».

Притом теория выкупа не нравится в стихах» (XIX, 46). Огарев принял это замечание и зачеркнул третью строфу, намереваясь, вероятно, не изъять, а лишь переделать ее. Каракозов был повешен 3 сентября 1866 г. в Петербурге на Смоленском поле.

18. «НАДЕЖДЫ ПАДАЮТ И РУШАТСЯ МЕЧТЫ...»

Печатается по черновому карандашному наброску, находящемуся в записной книжке 1866—1867 гг. (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 44 об.). В ЦГЛА, в фонде Огарева, хранится другой, беловой, автограф этого же стихотворения, помеченный: «10 ноября 1867 г.».

Обращено к Лизе и вызвано тем, что Наталья Алексеевна хотела увезти Лизу в Россию.

19. ПРЕДИСЛОВИЕ

Автограф находится в записной книжке на отдельном листке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 2). Стихотворение набросано сильно стершимся карандашом. Сбоку рукой Огарева сделана приписка: «Что такое утилитаризм?.. Все, что может способствовать пониманию (из письма неизвестного <?> человека)». Наверху листка еще одна запись. Читается только часть ее: «Философия есть <1 нрзб.> поэзия <2 нрзб.>».

Особенно серьезным исправлениям подверглась третья строфа, содержащая основную идею стихотворения, — незаконченного и неотделанного, — строфа о связи поэзии с наукой:

[я звук стиха хочу] с наукой
[связать всем] критикам назло, —

написал сперва Огарев и только после переработки сформулировал отрицательное отношение к немецкой эстетике.

Текст последних четырех строф находится в другой части этой же «сборной» записной книжки, составленной из листков разного формата (ед. хр. 44, л. 110). Связь его с предыдущим текстом очевидна и в обосновании не нуждается. Эти четыре строфы тоже не отделаны. Они, однако, разъясняют замысел Огарева и содержат данные для приблизительной датировки стихотворения. В этих строфах упоминаются «творцы классических гимназий». Реформа среднего мужского образования, заключавшаяся в том, что реальные гимназии были уничтожены, а сохранены только классические, была проведена министром народного просвещения Д. Толстым в 1871 г. Однако подготавливалась реформа и обсуждалась в печати в течение нескольких предшествующих лет. Принимая во внимание это обстоятельство и, кроме того, положение обеих рукописей в записной книжке, мы склонны предполагать, что стихотворение было написано в начале подготовки реформы, т. е. в 1866 или 1867 г.

Весьма вероятно, что к этому же стихотворению относится карандашный набросок еще двух четверостиший, находящийся в той же записной книжке (л. 109 об.):

Пора, пора детей других
Нам не считать для нас чужими;
Тогда сумеем мы для них
Руками бодрыми, родными
Создать ряды тех школ святых,
Где цель и связь одна меж ними
И где они, как с братом брат,
Поймут, что жизнь есть общий склад.

20. «ЮМОР, Ч. III»

Печатается по автографу, находящемуся в записной книжке 1866—1867 гг. на отдельном листке (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 44, л. 61). Наверху листка цифра «7». Эти три строфы, без сомнения, составляют начало незавершенной седьмой главки из третьей части «Юмора». Первые шесть главок были опубликованы Огаревым в «Поллярной звезде» на 1869 г., с многочисленными опечатками, проникшими и в последующие издания, так как рукописи не были известны.

В составе «пражской коллекции» имеется не только первый, карандашный, черновик III части «Юмора», но и первый и второй перебеленные тексты. Черновик и первый беловой текст находятся в записной книжке 1866—1867 гг. (ед. хр. 44, лл. 5—18 и 52—54). Второй беловой текст, с которого производился набор, написан на сложеной из английской бумаги (вод. знак — Joynson, 1855) тетради (ед. хр. 42, лл. 9—19), от последнего листка которой была отрезана четвертушка. На этой-то четвертушке и находились не попавшие в печать публикуемые нами строфы. Рассматривая рукописи, относящиеся к «Юмору», мы установили, что написана вся III часть не в 1868 г., как она обычно датировалась, а в 1867 г. Датировка производилась на основании пометки Огарева в печатном тексте — «через двадцать семь лет» (он считал

от 1841 г.); в черновом же тексте помечено «через 26 лет» (разница объясняется тем, что между временем написания и напечатания протек год).

На наборной рукописи имеются надписи, сделанные рукой Герцена.

На первом листе (л. 9):

«Сим заключается первый выпуск „Поляр<ной> звезды“. Тотчас по отпечатании следует издать».

На обороте последнего (л. 19):

«В объявлении о „Полярной звезде“ надобно поставить заглавие всех глав „Былого и дум“ и прочих статей».

Обращаясь к черновой рукописи «Юмора», мы находим еще одну строфу шестой главки III части, не вошедшую в печатный текст:

Но, наконец, хочу я сам
Избавить вас от рассуждений —
Они не свойственны стихам,
По смыслу всех ученых мнений,
А потому намерен вам
Я из обоих поколений
Представить просто два лица,
Чтоб расшибить их до конца.

Отказавшись от высказанного замысла, Огарев не включил эту строфу в текст и, написав другую, заключающую шестую главку, строфу (см. текст в квадратных скобках), поставил дальше цифру 7 и продолжал:

Итак, начну!..

На этом черновой текст обрывается. Публикуемые же три строфы и являются началом 7 главки (без слов: «Итак, начну!»), записанным Огаревым во втором беловом тексте.

21. «СЕГОДНЯ НАСТРОЕН МОЙ МОЗГ МУЗЫКАЛЬНО...»

Печатается по автографу. Первые четыре строки написаны чернилами, остальные — карандашом на листе писчей бумаги в синюю линейку (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 42, л. 28). Такой бумагой Огарев пользовался в начале семидесятых годов. На этом основании и устанавливается приблизительная дата стихотворения.

22. МОЯ БИОГРАФИЯ

Печатается по рукописи Огарева, посланной им Н. А. Герцен (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 294, лл. 2—4). Черновые наброски отдельных строф сохранились в записных книжках за 1871—1873 гг., находящихся в ЛБ (Г.— О. VII. 2 и 4. Зап. книжка, № 6, л. 13 и № 10, лл. 15—17). Но и настоящая рукопись, как указывает сам Огарев, — только набросок.

Датируется 1872—1873 гг.; эпиграф Огарева был напечатан Т. П. Пассек в «Воспоминаниях» (т. I, изд. 2. СПб., 1906, стр. 236). «Пока я говорила <рекомендуя Огареву писать свои записки>, — рассказывает Пассек о свидании с Огаревым в Женеве в 1873 г., — Ник сидел подле своего письменного стола, опустил голову на руку, облокотившись ею на стол, а правой рукой молча писал на клочке бумаги; когда я перестала говорить, он подал мне эту бумажку, на ней было написано <следует текст эпиграфа>». — Что это, Ник, — и только? — И только, друг мой Таня». С уверенностью можно утверждать, что Т. П. Пассек ошибалась, полагая будто эпиграф был написан при ней: он был только, по памяти, переписан для нее.

Ага — прозвище Огарева в кругу семьи Герцена; обращением «Ага» пользовался иногда и Бакунин.